

Роман Буржиков

ЯНТАЙСКАЯ
ОХОТА

Роман Суржиков

Янмэйская охота

Серия «Полари (сборники)», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74052272

Янмэйская охота:

Аннотация

Кто же такой Кукловод? Чего добивается тайный орден? В чем секрет Священных Предметов? Эти вопросы – верхушка айсберга. Ответы на них ведут к иным, более древним и глубоким тайнам.

«Янмэйская охота» – четвертая, предпоследняя книга о мире Полари. Детективная линия – череда интриг, загадок и подозрений – достигает развязки. Все тайные силы становятся явными, а все фигуры занимают свои места на той или иной стороне поля. Предстоит великая финальная битва.

Содержание

Врата доверия	4
Хочу пони	92
Глас Зимы	184
Янмэйская охота	224
Том 1	224
Монета – 1	224
Монета – 2	255
Свидетель – 1	291
Монета – 3	312
Свидетель – 2	341
Монета – 4	370
Конец ознакомительного фрагмента.	396

Роман Суржиков Янмэйская охота

Врата доверия

*Конец февраля 1775 г. от Сошествия
Нэн-Клер (королевство Дарквотер)*

На обочине дороги у въезда в город Нэн-Клер двое парней избивали нищего. Они отдавались своему занятию слаженно и с душой. Пока один охаживал нищего мелкими частыми пинками, второй отступал на пару шагов и отоваривал с разбегу. Оба бурчали под нос с азартной злобой, как принято у болотников в подобных случаях.

Однако при всем усердии парни не слишком преуспевали. Нищий ловко вертелся на придорожной слизи, избегая самых сильных пинков. Бери больше: только что он сам пнул одного из парней напрямик в колено и опрокинул в грязь – к полному восторгу зрителей. Последних, кстати, собралось немало: ведь час стоял предзакатный, и люди стремились войти в город до закрытия ворот. Были тут и охотники за травами, и странствующая ведунья с подмастерицей, и мрачный воин в маскировочном плаще, и несколько торговцев, и южный пророк. Пророк – этот белобородый мужчина,

облаченный в серое, – прибыл последним и упустил начало драки. Теперь, снедаемый любопытством, он выдвинулся в первые ряды и спросил:

– Господа, за что вы его бьете?

– Пиявка! – буркнул первый парень.

– Он нас испачкал, – добавил второй.

Действительно, оба парня были черны от пяток до макушки – ни дать, ни взять трясинные крысы.

– Мне думалось, это следствие драки, а не ее причина, – удивился пророк.

– Поганец закидал нас грязью!

– Погодите, дайте понять, – старик шагнул между парнями и нищим. – Ты намеренно их испачкал?

Нищий встал, воспользовавшись передышкой. Был он худ, ребрист и высок.

– Как последних свиней, х-ха!

– Позволь узнать, зачем?

Нищий кивнул на привратников с копьями:

– Те идиоты сказали, что не пустят в город, раз я грязный. Сказали: в ворота пройдут только чистые. Я ответил: тогда пусть этих тоже не пускают, – и залепил им землей в репы! Х-ха! И всякому залеплю, кто только сунется. Никто в город не пойдет. Все будут гrrrr-рязные!

Он с вызовом сверкнул зрачками. Пророк улыбнулся – позабавила его эта логика. Нищий прищурился на старика:

– Хочешь, тебе тоже залеплю?

Пророк пожал плечами. Нищий нагнулся, зачерпнул полные пригоршни склизкого болотного чернозема. Хмыкнул:

– А, толку... Ты одинаково весь в сером. Давай лучше ему.

Рядом стоял человек из свиты пророка, одетый в белую сорочку, дорожный сюртук из дорогого сукна, роскошный бархатистый плащ, скрепленный на груди серебряной фибулой. Он не успел и пикнуть, как ком грязюки угодил ему ниже подбородка, облепил всю шею и обильно потек за шиворот.

– Ах ты канальный отброс!.. – взревел человек и кинулся к нищему, выхватывая кинжал.

– Стой, Герион, – приказал пророк.

Привратники, что до сих пор лишь наблюдали сцену, подошли ближе. Один пригрозил нищему копьем:

– Убирайся прочь, пиявка.

А второй поклонился пророку:

– Премудрый, нам велено впустить вас без проволочек.

Добро пожаловать, входите.

Пророк окинул нищего взглядом.

– Желаешь пойти со мной?

– Эт-то зачем? – с оттяжкой удивился нищий.

– В Нэн-Клер. Ты же хотел войти в город.

– А кто ты вообще такой? Р-рожа вроде знакомая... На южанина похож. Что шиммериец забыл в болоте, а?

Городской стражник огрел его древком по спине.

– Думай, с кем говоришь, слизняк! Перед тобою премуд-

рый пророк, великий сновидец!

– Пр-рремудрый? Правда?.. – нищий дерзко хохотнул. – А похож на дурачину. От солнца, вина и баб сбежал в болото. Тоже мне мудрец!

Пророк усмехнулся и кивнул стражникам:

– Считайте, что этот человек со мной. Впустите его в город.

* * *

Здесь нам придется сделать паузу в рассказе и ответить на вопрос, которым наверняка уже задался проницательный читатель. Ведь и правда, что шиммериец, да еще такой уважаемый, мог забыть в склизком Дарквотере? И с чего вообще южанин взялся предсказывать будущее, словно какой-то северный агатовец? Чтобы утолить читательское любопытство, скажем несколько слов о пророке.

Девять лет назад он был совсем другим человеком и звался иначе. Но однажды, в канун Дней Изобилия, посетил Максимиановский монастырь на краю Бездонного Провала и заночевал в гостевой комнате, и увидел сон. Потрясенный картиной, что явила ему богиня сновидений, он остался в монастыре и провел там восемь лет, изучая труды Праматерей и Праотцов, вознося молитвы и размышляя над тайнами мира. Примерно раз в год он видел новые сны – не столь ослепительные, как первый, но все же вещие. О них он расска-

зал братьям максимиановского ордена, от братьев узнали послушники, от тех – прихожане и заезжие торговцы, от них – все слуги солнечного королевства Шиммери, и все славные купцы, и моряки торгового флота, и весь юг Полариса от Лазма до Сердца Света. Так он обрел славу сновидца и пророка.

Спустя восемь лет от первого сна – и примерно за три месяца до тех дней, о которых мы ведем речь, – пророк покинул Максимиановскую башню и с крохотной свитой из семи человек пустился в странствие, чтобы взглянуть на мир новыми глазами, сквозь призму обретенного знания. То было время Северной Вспышки и Степного Огня, но пророка не интересовали войны. Его мысли занимало нечто более грозное и невероятное, чем вечные схватки лордов за власть. Потому пророк избрал для странствий такой путь, что позволил ему обойти стороной оба кипящих огненных котла – Мелоранж и Фаунтерру.

Сначала он двинулся через Шиммерийские горы чередой пастушьих селений и чайных городков, приросших к плантациям. Люди встречали его с большой радостью и спрашивали: что снилось пророку? Что их ждет? Видит ли он будущее, и каково оно? Пророк поднимал в памяти семь последних снов и давал ответы, и люди приходили в восторг, услышав, что все беды, постигшие Север, никогда не коснутся счастливого Юга.

За три недели он спустился с гор и вошел в город Сюрлион, что стоит на краю дельты Холливела, одною ногой в

Литленде, другой – в королевстве Шиммери. Пророк увидел забавные дома, торчащие на сваях, как голубятни; увидел странные улицы, по которым осенью ездят экипажи, а весною плавают лодки; увидел дворцы, выстроенные на кораблях, что заплывают на главные площади при разливе реки и уходят на глубокое русло в месяцы засухи. Пророк встретил чванливых шиммерийцев в белых чалмах и шустрых боконогих литлендцев, и жилистых матросов из центральных земель. Как и прежде, его хватали за рукава и полы сутаны, спрашивали: «Что тебе снилось, премудрый? Что нас ждет?» Он открыл им ту часть пророчеств, что их касалась. Литлендцы запели от радости, услышав, что Адриан одолеет степняков и освободит Мелоранж. Они ликовали и не слушали того, что пророк мог еще сказать, а он не навязывал своих речей тем, чьи уши были закрыты. Люди просили благословения, но он отказывал, ибо не ощущал в себе благодати. Они просили молиться, и он молился, хотя предупреждал людей: боги слышат их ничуть не хуже, чем его.

В Сюрлионе пророк посетил гильдию негоциантов и сказал, что видел во сне корабли, идущие без весел и ветра, ведомые лишь волей капитана и божественной силой. Купцы приняли это как очень доброе знамение и возрадовались, и предложили пророку в подарок одно из лучших судов, спущенных на воду сюрлионскими верфями. Пророк не посмел принять такой подарок. Он сказал: «Если хотите сделать доброе дело, подарите корабль братьям ордена Максимиана, что

восемь лет обучали меня мудрости. Я же позволю себе совершить на нем лишь одно плавание». Вынесенный в море могучим током Холливела, корабль повернул на север и пошел в Леонгард, неся на борту пророка и семь человек его свиты, и шестнадцать паломников, что увязались следом.

Леонгард – морские ворота Надежды – встречал путешественников гранитными клыками пирсов, вонзившихся в бухту, и величавой колоннадой храма Елены-На-Волнах, и звездными огнями Трехглазого Маяка, и радостной вестью: пророчество сбылось, Адриан одолел Степного Огня! Набережные наполнились людьми; служители храма, взявшись за руки, выстроили живой коридор для пророка, а добрые горожане Леонгарда кричали из-за их спин:

– Правда, что ты видишь будущее? Скажи, что нас ждет!

– Ужин и сон, – отвечал пророк, ибо время было вечернее.

– А после? Что принесет новый год? Чем кончится война?

Северянин сожжет Фаунтерру? Династия падет?!

Пророк отвечал, что видел во сне Янмэй Милосердную и Светлую Агату, что делили ложе и ласкали друг друга, как любовницы. Нельзя было понять это иначе, кроме как: Север помирится с Коронай, война кончится династическим браком. Люди ликовали – и не шли дальше в своих вопросах, а пророк не навязывал истины тем, кто в ней не нуждался.

В храме Елены-на-Волнах он сотворил чудо. В подземном святилище храма три века почивал малый Мерцающий Предмет – похожий на короткий металлический прут, ис-

точающий прохладное голубое сияние. Никто не смел приблизиться к нему, ведь известно, что Мерцающие Предметы несут страшную гибель всякому, кто недостаточно чист душою. Ни один священник Леонгарда не смел похвастаться абсолютной чистотой – и избегал подземелья. Но пророк спустился туда, взял в руку Предмет, подставив лицо смертоносному голубому свету – и остался невредим. Священники пали на колени и вознесли хвалы чистоте пророка. Они стали уговаривать его взять Предмет в подарок и носить на шее, чтобы каждый встречный сразу видел святость пророка. Конечно, он отмел эту бахвальную идею. Священники сказали, что пророк должен взять Мерцающий Предмет, ведь только такой святой человек сможет извлечь из него благо. Пророк сказал: «Во мне меньше святости, чем в самой нижней затертой ступени вашего храма» – но его, кажется, не услышали. В конце концов, он согласился взять Мерцающий, но велел уложить его в бронзовый ларец, а тот – в чугунный сундук, и оба надежно запереть, чтобы случайный встречный не пострадал.

Затем пророк посетил графа Лайтхарта – правителя Леонгарда. И тот задал привычные вопросы: «Что вам снилось, премудрый? Какое будущее меня ждет?» Пророку вовсе не снился граф Лайтхарт. По правде, было бы странно, если бы чистокровному шиммерийцу – пусть даже святому – начал сниться другой мужчина. Но пророк не хотел обижать дворянина и сказал то, в чем был уверен: «Худшие дни Дома Лайт-

харт остались позади». Граф устроил шумный пир в честь святого сновидца.

Из Леонгарда пророк двинулся в Сердце Света, сопровождаемый уже полусотней паломников. Каждый искал божьего благословения и избавления от своих личных бед. Никого полностью не интересовала истина, известная пророку, – волновал лишь крохотный ее кусочек, касавшийся личной драгоценной шкуры. Пророку, меж тем, все трудней становилось нести в себе бремя знания...

В Сердце Света он встретил герцога Фарвея в глубоком душевном смятении. Герцог сумел сберечь свои земли от пламени войны, но лишился любимых внуков: владыка взял их в заложники. Пророк сказал, что видел во сне девочку, спасенную из лап чудовища. Следующим днем владыка Адриан погиб и война окончилась, а внуки Фарвея остались живы. Ликованью герцога не было конца, и пророк хотел было открыть ему истину, но не посмел омрачить такое искреннее счастье и повел речь о неважных безделицах: искровых очах и монополии Шиммери на их добычу...

Он получил от герцога Фарвея в подарок драгоценную книгу «Божественная механика» Праотца Эдварда и покинул Сердце Света во главе процессии из сотни человек. Каждый паломник знал: восемь раз – по одному разу в год – пророку являлись вещие сны. Каждый верил: через сновидения боги говорили с пророком, предупреждая о бедах, но показывая их счастливый исход. Каждый думал: пророк знал на-

перед о Северной Вспышке, мятеже Степного Огня, о гибели владыки и примирении Агаты с Янмэй... Но все это было мишурою в сравнении с главным откровением, что явилось пророку в первом сне.

Восемь лет назад богиня сновидений взлетела к его ложу и показала такую картину. Подлунный мир выгибается, задрив к небу края и прогнувшись по центру. Он становится похож на воронку, сквозь которую в кувшины заливают масло, и как раз под горлышком воронки оказывается Бездонный Провал. Все люди, строения, животные соскальзывают с поверхности мира и сыплются в пропасть. Растения цепляются корнями и выпадают вместе с комьями грунта; птицы силятся удержаться в полете, но валятся от усталости. Весь мир осыпается в Бездонный Провал, и ничего не остается, кроме твердой, гладкой как стекло поверхности Вселенской Спирали. Вот и она идет трещинами, крошится на осколки – и дождем падает в бездну, и ничего не остается во вселенной, даже тех бесплотных глаз, что наблюдали сон.

В первом и самом жутком из своих снов пророк видел гибель мира.

Восемь лет он искал в трудах Прародителей хоть одну трактовку грозного знамения, хоть один намек на то, от чего может погибнуть все мироздание, и как предотвратить катастрофу. И не нашел. Прародители свято верили, что мир будет стоять вечно. Пророк не решался рассказать свой первый сон, ибо тот звучал бы худшей из ересей.

Но и забыть его не мог. Богиня сновидений не лгала пророку. В этом он был абсолютно уверен.

Сплавившись на баржах по Холливелу, пророк со свитой вошел в тенистое королевство Дарквотер. Он принял решение: хоть одному человеку необходимо открыть истину. По крайней мере, один человек должен его выслушать и понять – самая мудрая женщина Юга, пережившая трех детей и трех мужей, лично знавшая четверых императоров, выстоявшая в нескольких безнадежных войнах, постигшая оба ведовских искусства. Пожалуй, излишне уточнять, что пророк искал встречи с королевой Дарквотера – Леди-во-Тьме.

Вот как шиммериец оказался у ворот болотной столицы Нэн-Клер, где и увидел нахального нищего.

* * *

Они вошли в город, и нищий, разинув рот, принялся пялиться на диковинные дарквотерские домишки: все были широки снизу и сужались кверху, как купола или арки, или шляпки грибов; улицы же состояли из досок, настеленных на шпалы из бревен, а под настилами журчала и булькала вода.

– Ты хочешь есть? – спросил пророк у нищего.

– Дай агатку – поем, – ответил нищий и получил монету.

– А выпить желаешь?

– Дай агатку – не откажусь.

Он взял вторую монету, почти не глядя на пророка. Шиммериец, напротив, заинтересованно следил за нищим.

– Зачем ты прибыл сюда? Раз тебя не пускали, значит, живешь не в Нэн-Клере.

– Зачем? Спр-рашиваешь: зачем? Х-ха! Я покорю это королевство и стану кровавым деспотом – вот зачем!

Пророк моргнул. Нищий добавил:

– Найду бойкое местечко, буду просить милостыню. Со всем шуток не понимаешь?

Пророк не нашел ответа. Они прошли еще квартал, и нищий хлопнул его по плечу:

– Ладно, шиммериец, прощай. Я, значит, благодарствую. Удачи тебе.

Пророк не удержался:

– Постой! Разве не хочешь меня о чем-нибудь спросить?

Нищий пожал плечами:

– Да все с тобой, вроде, ясно...

– И не спросишь – что мне снилось?

– Еще чего! Бабу найди, ей сны рассказывай.

И нищий юркнул меж домов, оставив пророка в замешательстве.

Когда он отошел шагов на полста, случился маленький, но тревожный эпизод. Чья-то рука поймала нищего за шиворот, а другая ввела ему в ноздрю острие.

– Напряги те гнойные капли мозгов, что налипли изнутри на твой пустой череп, и пойми мои слова, – говорил, ко-

нечно, владелец кинжала, а нищий молча замер, чтобы не лишиться носа. – Если ты еще раз попадешься мне на глаза, то твоей участи не позавидует даже тушканчик, угодивший в лапы горного тигра. Исчезни, растворишься, как ведро нечистот в сточной канаве, и никогда больше не пересекай моего пути!

Хозяин кинжала убрал острие и пнул нищего в спину так, что тот растянулся навзничь. Сам же спрятал клинок в ножны и зашагал, по дороге собирая ладонью струйки воды, стекавшей с крыш, и отирая остатки грязи, пятнавшей шею и ворот сорочки. Напомним читателю: этот человек звался Герионом и был одет лучше всех среди свиты пророка. Скажем и то, чего читатель пока не знает: Герион был в числе тех семи спутников, что вышли с пророком из Максимиановского монастыря. Был он подле сновидца и все последние восемь лет, и даже раньше – когда пророк еще не видел снов и носил совсем иное имя.

Герион нагнал пророка, когда тот подходил к одной из двух больших гостиниц Нэн-Клера – той, что строением напоминала муравейник: у каждой комнаты имелся отдельный выход на полукруглый балкон, а все балконы связывались сетью лесенок и мостиков. В Сюрлионе и Леонгарде, и Сердце Света пророк гостил во дворцах градоправителей, но в Нэн-Клере чужеземец не может воспользоваться подобной честью. Сколь бы ни был он уважаем, чужак не вступит во дворец местной знати, пока не пройдет вратами доверия. По-

тому свита пророка расположилась в гостинице, а паломники разбрелись по дешевым постоялым дворам. Герион, верный своему сеньору, принялся терзать хозяев гостиницы и слуг, чтобы пророку подали горячий ужин и лучшее вино, принесли самую мягкую перину и достаточное число одеял, и вторую лампу – ведь святой человек читает писание по ночам. Когда все это было устроено, пророк пригласил Гериона:

– Садись, подели со мной ужин.

Тот ответил витиеватой благодарностью и принялся есть вслед за пророком.

– Мне тревожно, – сказал сновидец.

– Ваше великое знание порождает большую тревогу, – ответил Герион без запинки. – Так мудрость матери семерых полусует ее лик морщинами печали.

– Ты прав, я часто тревожен со дня первого сна, но нынче это – иное чувство. Я пустился в путь, ища божьих откровений, ответов на гложащие вопросы. Я прислушивался к речам каждого встречного, не делая исключений, – но ни в одни уста боги не вложили ключа к тайнам. Как и в первый день пути, сны – все, что я имею.

– То великая божественная милость, которой мало кто одарен, – возразил Герион, попивая вино. – Так лев мог бы роптать на роскошную золотую гриву за то, что она не покрывает спину.

– Ты снова прав, – кивнул пророк, – я каждый день бла-

годарю богов за откровение. Но мне была указана опасность и скрыт путь спасения от нее. Если я должен был сам понять путь, то потерпел неудачу: за восемь лет мой скудный ум не нашел его. Тогда я стал молиться о подсказке и пустился в странствие, чтобы ее разыскать...

Пророк заметил, что Герион слушает вполуха, и прервал себя:

– Да ты все знаешь, к чему повторяться? Суть та, что Нэн-Клер – последний город, а Леди-во-Тьме – последняя надежда. Если через нее боги не дадут мне ключа... я окажусь зверем, загнанным в яму.

– Леди-во-Тьме – не последний мудрец на свете, подобно рыжехвостой лисице, которая... – начал Герион, но по ходу слегка подправил свою речь: – ...которая искала дичь за тремя лесами, а поймала жирного зайца на обратном пути домой, у самого своего логова.

– Не припоминаю такой притчи, – нахмурил брови пророк, – хотя смысл ясен. Хочешь сказать, я найду разгадку у Бездонного Провала, когда вернусь и взгляну на него новыми глазами?

– Я был бы последним из хвастунов, если бы посмел советовать премудрому. Мой разум лишь породил скромную мысль, и я поделился ею ради вашей забавы. Возможно, ключом является то, что всегда было под рукою, а боги говорят устами давнишнего знакомого...

– Благодарю тебя за луч надежды, верный друг, – ответил

пророк, молитвою возблагодарил богов за кушанье и погрузился в чтение «Божественной механики».

Пожалуй, стоит отметить, что подобные беседы раньше уже имели место, и не впервые Герион пытался успокоить тревогу пророка, зародив надежду на скорую разгадку. Пророк, конечно, учитывал возможность того, что боги могут обратиться к нему устами верного помощника, и тщательно взвешивал слова Гериона. Увы, на деле они оказывались пусты, как карман пьяницы, и содержали смысл столь же глубокий, как миска с кашей. Боги не желали говорить устами Гериона, и оба – пророк и помощник – знали об этом.

Но одного пророк не знал – а именно, того, что помощник готовил ему сюрприз. Поздним вечером Герион покинул гостиницу и стал плутать по улицам, пока не встретил извозчика – самого хмурого и ушлого во всем Нэн-Клере. Заплатив серебряную глаорию, Герион отправил его с делом, суть коего до поры останется в тени.

* * *

Школа светлого ведовства – искусство Асфены, как называют ее в Дарквотере, – знает среди прочих одно занятное зелье: эссенцию луноглаза. Под влиянием этого зелья человек погружается в глубокий сон и в самых ярких красках видит исполнение своих потаенных желаний. Реальный мир ни звуками, ни касаниями, ни даже болью не способен прорвать

пелену этого сна, откуда сила зелья не иссякнет. Полковые лекари применяют луноглаз, чтобы унять страдания умирающих. Отчаявшиеся бедняки и одинокие старцы пьют его, дабы отрешиться от безысходной жизни и унести в царство грез. Так что в Дарквотере никого не удивишь реалистичными снами, а сновидчество не входит в круг мистических искусств. Но такие сны, что сбываются наяву, – редкость даже в болотном королевстве. Потому слухи о приезде пророка быстро разлетелись по Нэн-Клеру и возбудили всеобщий интерес.

Когда поутру пророк с Герионом и остальной свитой покинул гостиницу, за ними увязалась стайка зевак. Она неуклонно росла по мере движения вдоль улиц, и на подходах к собору Кристена – главному храму столицы – составляла уже полтысячи душ. В других землях толпа ведет себя голосисто, но осторожные болотники тушуются и затихают при большом скоплении народа. Потому толпа следовала за пророком в жутковатом молчании, не издавая иных звуков, кроме шороха подошв да ворчливых шепотков. И паломникам, и Гериону, да и самому пророку становилось не по себе.

Но на соборной площади тишиною и не пахло. Люди азартно гомонили, наблюдая некое действие перед ступенями храма. Подойдя ближе, пророк и Герион увидели причину шума: четверо бедняков сцепились меж собою и катались по бревнам, из коих состоял настил площади, отчаянно тужа друг друга. Четное число драчунов располагало к честно-

му разделению сил, однако нищие образовали неравновесные команды: трое колотили одного. И, что самое занятное, этим одним был вчерашний знакомец пророка.

– Прекратите насилие! – потребовал южанин.

Драчуны не услышали его, но люди из толпы откликнулись на зов, разняли нищих и поставили пред лицом пророка. Трое победителей жарко отдувались, побежденный потирал многочисленные ушибы.

– За что вы его избивали?

– Этот гнойник занял наше место!

– Ва-аше место?! – избитый едко рассмеялся. – Феодалы выискались! А покажите-ка ленную грамоту на эти ступени!

– Все в городе знают: ступеньки собора – наши! Только мы здесь просим милостыню! Другим нельзя!

– Может, это в вашем уставе прописано? Старейшины гильдии так постановили?! Если да, отведите меня к ним!

– Мы тебя в Ямы отведем, если не уймешься!

– Бойтесь конкуренции, да? Я вступлю в гильдию нищих! Стану мастером, старейшиной... генералом нищих! Мне будут столько подавать, что я куплю эти ступени вместе со всем собором!

– Ты – большой мастер в сборе подаяний? – спросил пророк.

– Еще бы!

– Пока я отметил лишь твое умение быть избитым.

– Одно – часть другого. Сначала тебя бьют, потом жалеют

и дают милостыню. Проверял в Альмере, Надежде, на берегах Холливела – работало всюду.

– Ты не очень-то разбогател.

– Много ты понимаешь! Я потратил все деньги на дорогу сюда. Одна переправа чего стоит!

– И снова я диву даюсь: ты проделал такой путь, чтобы просить милостыню перед храмом?..

Нищий фыркнул и задрал подбородок с достоинством принца Великого Дома. Из его челюсти торчал липкий грязный пучок волос, в лучшие дни именовавшийся бородою.

– Добро пожаловать в Нэн-Клер, премудрый! – произнес приятный низкий голос. Обернувшись, пророк увидел священника в праздничной зеленой мантии, который вышел из храма навстречу гостям. – Рад приветствовать вас. Надеюсь, ваше странствие было легким.

Пророк улыбнулся:

– Нет ничего сложного в странствиях: переставляешь правую ногу, затем левую, и так по очереди. Доброго здравия, отче!

– Мое имя – отец Лорис, – поклонился священник. – Его преподобие епископ Нэн-Клера страдает недугом и глубоко сожалеет, что не смог выйти из дому. Мне выпала честь встретить вас и познакомить с нашей великой святыней: чудотворящей скульптурой Праотца Кристена.

– Я буду счастлив увидеть ее, но имею к вам просьбу. Отче, позвольте взять с собою одного человека.

Пророк метнул взгляд на нищего, и тот ошетинился:

– Эт-то еще зачем?

– Ты второй раз встретился на моем пути. Возможно, боги хотят мне что-то сказать.

– А мне какое дело до твоих бесед с богами?

Герион не выдержал такой наглости:

– Не ценишь оказанной чести – тогда убирайся! Поди прочь, зловонный гнойник!

Ему понравилось словечко, услышанное от драчунов. В понимании Гериона, оно передавало самую суть этого мерзкого попрошайки.

– Нет, отчего же, – возразил нищий, – я ценю честь. Если оказывают, то я завсегда. Такого ценителя чести еще поискать!

Он скользнул между пророком и отцом Лорисом, прямоком к portalу собора:

– Куда заходить – сюда?

Пророк, усмехаясь, последовал за нищим, остальные – за пророком. Так и вошли в храм: грязнющий избитый попрошайка, за ним южный сновидец, за ним – святой отец.

В соборе тоже хватало людей, ведь стояло воскресенье, и не так давно завершилась проповедь. Пока пророк шел к алтарю, один, второй, третий выхватились с привычными вопросами: «Что тебе снилось, пророк? Какое ждет нас будущее?» Подмастерье в серой робе любопытствовал:

– Скажи, премудрый, моя любовь достигнет успеха?

– Если ты полюбил, это уже успех, – отвечал пророк.

Зверолов в шапке с хвостиком просил совета:

– У меня пятеро детей и жена снова на сносях... Что скажешь, премудрый: богам угодно, чтобы родила? Или зелье купить?..

– Боги сами исправят то, что им неуютно.

Мрачный воин в маскировочном плаще спросил требовательно:

– Мне предложили одно дело. Взяться за него или нет?

Пророк пожал плечами:

– А у меня дома в сарае топор. Я думаю: наточить его, или и так сойдет?

– Почему мне знать? Я не видал твоего топора!

– А я не слышал твоего дела.

Нищий слышал все ответы, поскольку шел возле пророка. Одобрительно буркнул вполголоса:

– Ты еще тот мудрец. Знаешь, что говорить дуралеям!

– А сам не желаешь спросить о чем-нибудь?

Нищий мотнул головой:

– Заладил – спроси да спр-роси. Не хочу я тебя спрашивать! Сам все знаю!

У Гериона зачесалась рука, чтобы схватить нищего за шиворот и выкинуть из храма. Но сделать этого он не смог: процессия подошла к алтарю. Опустившись на одно колено, все прочли «Укрепимся трудами и молитвами», а затем следом за отцом Лорисом поднялись по винтовой лестнице на

балкон. Чудотворная скульптура Праотца Кристена была настолько почитаемой святыней, что хранилась не на алтаре, а над ним. Увидев ее, пророк и Герион испустили вздохи удивления.

Скульптура величиною в треть человеческого роста располагалась на мраморном постаменте. Она изображала мужчину в набедренной повязке с погасшей свечой в руке. Мужчина выглядел живым. Не в метафорическом смысле, как, возможно, подумал читатель, но в самом прямом. Кожа имела идеально правильную фактуру, мышцы бугрились под нею. Темнели родинки, матово поблескивали ногти, кудрявились волосы, покачиваясь от потоков воздуха. Зрачки хранили живой влажный блеск. Священный Предмет (а это, вне сомнений, был он) представлял собой уменьшенную втрое копию живого Праотца Кристена.

Но потрясала не только точность изображения. Едва гости приблизились к святыне, как леденящие душу черты скульптуры бросились в глаза. Изображенный мужчина страдал тяжелейшим недугом. Его лицо мертвенно белело, кожа обтягивала кости черепа, словно бумага. Грудь, шею, плечи усыпали нарывы и язвы, по спине струился лихорадочный пот. Ноги стояли так нетвердо, что, казалось, вот-вот подогнутся, и скульптура рухнет с постамента. Ужасней всего была рука с потухшей свечой: на ней отсутствовала кожа.

– Святые боги! – выдохнул Герион и дважды сотворил спираль.

Отец Лорис заговорил, низко поклонившись святыне:

– Сей Предмет дошел до нас от самого времени Прародителей. Сличение с сохранившимися рисунками показывает, что божественная скульптура с высокой точностью повторяет внешность Праотца Кристена. Святой Кристен со своим братом Эдвардом посвятили жизнь изучению наук и познанию природы сил, с помощью которых боги управляют миром. На склоне лет Кристен впал в еретическое заблуждение: решил, что сумел понять закономерности божественной власти, и взялся писать об этом книгу. Боги послали Праотцу грозное предупреждение: его скульптура на глазах изменилась и обрела вот такой ужасающий вид. Кристен немедленно раскаялся в гордыне, сжег еретические заметки и поручил брату написать иную книгу – бросающую почтительный луч на тайны мироздания и должным образом славящую богов. Так появилась...

– «Божественная механика», – сказал пророк. – Мне выпало огромное счастье прочесть этот труд.

– Я не могу удержаться от зависти к вам!

Герион полюбопытствовал:

– Отчего же зломерзкие язвы не пропали с лица Праотца, когда он отрубил гордыню?

– Они остались как назидание для потомков.

– А что символизирует свеча в руке Праотца?

– Она – знак угасания духовности, к коему ведет гордыня.

Очевидно, во времена Сошествия эта свеча горела, а угасла

в дни ереси Кристена.

– Плохо, – почему-то сказал нищий и нервно почесал плечо. На него не обратили внимания.

Пророк наклонился к изуродованной руке скульптуры, внимательно рассмотрел свечу.

– В ней имеется странность, вы не находите?

Священник согласился. Тщательно присмотревшись, Герион тоже понял, о чем речь: в контрасте с жутковатым правдоподобием скульптуры, свеча была выполнена очень грубо. Ни фитилька, ни капель оплывшего воска – просто белесый стерженок.

– Скажите, отче, какие чудеса творит сия святыня?

– Исцеляет страждущих, премудрый. Убирает комариную лихорадку, красную сыпь, шейные нарывы, а при должной силе молитвы – даже постыдные хвори.

– Сквер-ррно... Др-ррянь! – прорычал нищий и яростно поскреб себя.

– Заткнись, ничтожная тварь, – шикнул на него Герион.

Пророк обошел вокруг скульптуры, впервые удостоив внимания не ее саму, а окружающее убранство: дивные и загадочные иконы, вырезанные по черному дереву; стрельчатые мозаичные окна, витиеватые искровые светильники. Перевел взгляд к двери, поискал глазами.

– Верно ли, отче, что искровые лампы зажигаются из центрального нефа?

– Как принято во всех храмах, премудрый.

– Стало быть, днем этот балкон освещен солнечным светом, а после заката служитель сперва зажигает искру, и лишь потом входит на балкон?

– Конечно, премудрый.

– Значит, никто не видит скульптуру Праотца Кристена в темноте?

– Было бы странно прийти к святыне и не увидеть ее из-за темени.

– Отче, вы позволите мне поставить маленький опыт?

Получив согласие, пророк попросил Гериона:

– Позвольте ваш плащ, милый друг.

Тем временем нищий совершенно утратил покой. Он рыскал по балкону, как зверюга в клетке, издавал злое бормотание и так скреб свои руки, будто хотел ободрать с них кожу и уподобиться скульптуре Праотца. Изо всех сил стараясь не замечать нищего, Герион расстегнул серебряную фибулу, скинул бархатный плащ и с низким поклоном подал его пророку.

– Будьте добры, держите один край, а я – другой. Вы же, отче, придержите ткань по центру.

Трое простерли плащ над головой скульптуры и опустили по краям на манер шатра. Густая тень накрыла Праотца Кристена.

– Смотрите на свечу, друзья!

Герион ахнул. В темноте стало заметно, что свечу опоясывают тончайшие лучи света – не прямые, а изогнутые, как ле-

пестки цветов! Цветок, сотканный из красных лучей, был самым крупным: его лепестки упирались в животы южан. Цветок из голубых лучей имел пару футов в поперечнике и целиком помещался внутри красного. А самый крохотный цветок состоял из белесых едва заметных лучиков и жался к самой свече, будто надетая на нее корона. Что же до свечи... она источала призрачное, едва видимое мерцание.

Герион попятился и выронил плащ. Отец Лорис в изумлении уставился на Пророка:

– Как вы догадались? Видели это во сне?

– Нет, отче. Просто мне выпала удача ознакомиться с «Божественной механикой». Я узнал, что Праотец Кристен уделял много времени изучению Мерцающих Предметов, и допустил, что скульптура должна отражать этот факт.

– Вы воистину...

Отец Лорис не успел выразить восторг: нищий прервал его отчаянным воплем.

– Аа-аа! Плохо-оо! Не могу. Не могу-ууу!

Впиваясь ногтями себе в лицо, он кинулся к выходу, на лестницу. Споткнулся, потерял равновесие, скатился по ступеням...

– Так тебе и надо, – злорадно усмехнулся Герион, но пророк с отцом Лорисом поспешили на помощь бедняку.

Едва его подняли на ноги, как он заорал: «Пр-ррочь!», – и рванулся к выходу из храма, поскользнулся на мозаичном полу, пребольно грохнулся на спину. Его снова подняли и

бережно под локти вывели на площадь.

Там было свежо, моросил дождь. Растирая влагу по лицу, нищий пришел в себя.

– Я ж говор-ррил... Не надо мне в собор!

– Прости меня, – сказал пророк. – Я не желал тебе зла.

– Добр-рохоты идовы...

– Я действительно хотел тебе добра.

Пророк вложил монету в дрожащие пальцы нищего. Тот поднял ладонь, блеснул чеканный золотой эфес.

– Др-ряянь... – простонал нищий и шарахнулся в сторону, выронив монету.

– Постой! – крикнул пророк. – Как тебя зовут-то?

Но нищий уже исчез среди толпы.

Герион подобрал эфес и вернул пророку. Сказал:

– Душа этого отребья – такая же гниль, как его лохмотья.

Недаром он ошалел при виде святыни. Тень Идо владеет его сердцем!

Пророк покачал головой:

– Не будьте так строги, мой друг. Просто бедолага раньше не видел Предметов.

– Зрелище слишком потрясло его, – согласился отец Лорис.

– В отличие от вас, отче, – сказал пророк. – Вы удивились моей догадливости, но не тому, что свеча Кристена мерцает. Вы уже знали тайну?

– Это же мой собор, – с достоинством произнес священ-

ник.

– Однако раньше времени не выдали своего знания... Полагаю, отче, вы – первые врата?

Священник поклонился:

– Проницательность делает вам честь, премудрый.

– Могу ли я полюбопытствовать о вашем решении?

– Вы прошли врата, премудрый. И вы, славный.

Герион застегнул плащ с видом самодовольства. Иного он и не ждал.

– Как ни странно, – добавил отец Лорис, – тот бедняк тоже прошел первые врата. Жаль, он этого не знает.

К данной минуте у проницательного читателя наверняка назрел не один вопрос.

Что это за Ямы, которыми пугали нищего драчуны?

Отчего священник назвал себя вратами?

Какое имя, в конце концов, носит пророк?

Правда ли, что подобострастие Гериона выглядит несколько наигранным?

Мы осветим лишь один из этих вопросов, а остальные со временем сами собою получают ответы. Безликое «пророк», коим мы величаем героя, отражает его собственную неловкость от звука своего имени. Ведь имя это, громогласное и пафосное, прекрасно подходило тому человеку, каким был пророк до отшельничества, и отнюдь не соответствует его нынешнему образу. Девять лет назад пророк звался преслав-

ным Франциском-Илианом рода Софьи Величавой. Он был столь велик, что владыка Телуриан считал правильным встать с трона при его появлении. Он владел таким богатством, что однажды купил остров ради единственной прогулки с любимой. Он имел одного сына и шестнадцать дочерей, и столько альтесс, что если бы каждой дарил утеху хотя бы раз в неделю, то никогда не вставал бы с ложа любви. Он носил титулы внука солнца, простирателя блаженной тени, хранителя ключей от Львиных Врат, славного над славными и Первого из Пяти. Говоря коротко, Франциск-Илиан был полновластным королем Шиммери.

В те времена и уходит корнями витиеватая льстивость Гериона.

* * *

Невзирая на чудесную разгадку тайны скульптуры Кристена и легкое прохождение первых врат, вечером пророк был мрачен. Он дочитал трактат «Божественная механика» и обогатился рядом интересных мыслей о Мерцающих Предметах, но так и не получил столь желанного откровения. Не Мерцающие и не скульптура Кристена волновали его, а видение гибели мира, ничуть не поблекшее в памяти за восемь лет. Неведомая катастрофа, которую знаменовал тот сон, стала на восемь лет ближе, а пророк не сделал ни шагу по пути спасения. Простой люд с его незатейливыми вопро-

сами больше не забавлял пророка, а вызывал раздражение и злость. Добрый Герион силился убедить сеньора, что мелкие вопросы людей предвещают светлое будущее: ведь если бы наступала трагедия, хоть кто-то да ощутил бы ее близость. А раз никто не тревожится о большем, чем собственный кошелек, здоровье или постель – то, значит, никто ничего страшного не предчувствует. Пророк поблагодарил помощника, хотя знал, что тот неправ. Сам-то пророк ясно ощущал приближение опасности. Своим чувствам он верил больше, чем чужим.

Около полуночи Франциск-Илиан отошел ко сну, измученный тревогами, а Герион вернулся в свою комнату, где нашел странную записку. «Сделай двести шагов по улице», – значилось в ней незнакомым почерком. Герион проверил заряды в кинжале и искровом самостреле, запахнул плащ плотнее и вышел на улицу. Сделав двести шагов, он остановился на перекрестке. Широкую улицу, ведущую к гостинице, пересекала узкая и кривая. Ни на той, ни на другой не наблюдалось ни души. Герион покрутился на месте, присматриваясь. Нэн-Клер не баловал обилием освещения: фонари стояли по паре на квартал, между ними гнездилась глубокая тень, но все же не настолько густая, чтобы в ней скрылся человек. Да и шагов было не слышать. Журчала вода под дощатым уличным настилом, плямкали капли, падая в лужи, цвиринькали ночные кузнечики в зарослях плюща на стенах домов... Герион выбранился и развернулся назад к гостини-

це. Прямо за спиной стоял человек.

Герион не успел вскрикнуть – с быстротой змеи человек схватил его за шею. Перчатка человека была липкой и горячей; жжение прошло по коже и мышцам шеи, глотка заполнилась огнем. Дыхание перехватило, в глазах помутилось. Герион поднял руки для защиты – они оказались мягкими, как вата. Рванулся назад – ноги подогнулись, уронив его на настил. Человек подхватил Гериона и поволок в боковой переулок...

Когда туман в голове рассеялся, помощник пророка обнаружил себя сидящим на полу у стены в очень странной комнате. Все ее стены покрывала бахрома из пучков зелени, развешенной на веревках. Здесь были разнотравья и букетики цветов, гроздья ягод и сушеные грибы, камыши и стручки. Тут и там в дебри сушняка вросли полки со склянками, горшками, мешочками, а также бронзовыми ступками, пестиками, щипцами и прочим инструментом. Воздух наполнял такой хаос запахов, что обоняние тщилось выделить и распознать хоть один из них. Из мебели в комнате имелся только низкий стол. Возле стола на корточках, по-жабьи, сидел тот самый человек. Он откинул капюшон маскировочного плаща, и Герион смог рассмотреть его черные сальные волосы, крючковатый нос, близко посаженные глаза. Герион пошевелился и не обнаружил на себе веревок, отчего сразу испытал прилив смелости.

– Что ты себе позволяешь, болотник? Знаешь ли, какого человека похитил? Безопасней для тебя было бы сорвать кисточку со львиного хвоста!

– Ты сам искал встречи, – тихо произнес человек. – Не хочешь – уходи.

– Я не просил, чтобы меня парализовали и волокли куда-то, будто тук соломы!

– Ты должен был убедиться в моем мастерстве. Разве нет? Герион потянулся и размял затекшие плечи.

– Значит, ты – жало кривола?

Человек промолчал.

– То есть, болотный ассасин? – уточнил Герион.

Человек отрицательно качнул головой:

– Я не убиваю за деньги. Владею искусством, но оно не продается. Не такому, как ты.

Гериона задели последние слова, но он вовремя сообразил, сколь неуместно будет козырять титулами. Чем меньше узнает о нем болотный мерзавец – тем лучше.

– Мне не нужно все твое искусство, ловкач. Я хочу купить только один инструмент.

– И ты применишь его для умерщвления человека? – осведомился болотник.

– Будь ты даже мамой моей жены, и то я не давал бы тебе отчета. Как применю – тебя не касается.

– Ты должен принять условие, – сказал болотник. – Когда увезешь инструмент к себе в Шиммери, делай с ним что хо-

чешь. Но в Дарквотере ты не умертвишь никого.

– Моя жизнь и так полна хлопот. Не хватало еще травить болотников!

– Покажи мне деньги.

Они недолго поторговались и сошлись в цене, Герион выложил эфесы на стол. Жало криболы поднялся, чтобы взять их, и лишь теперь Герион отметил: все время разговора болотник сидел на корточках, не ощущая никакого неудобства. Его тело было много гибче обыкновенного человека, и Герион при этой мысли испытал омерзение.

– Держи, – сказал жало криболы и дал южанину маленькую, меньше ладони, подушечку. Она болталась на веревочке, словно талисман. На сером боку подушечки темнели две бурые линии, похожие на шрамы.

– Это инструмент? – удивился Герион. – Как же ею убить?

– Всего лишь мишень, – ответил болотник.

Он отошел к стене и, пошарив рукою среди пучков травы, выдернул крупный стручок. Держа его пальцами за хвостик, тихо заговорил:

– Кустарник корзо стоит на полпути между растениями и животными. Взрослый корзо имеет все признаки растения, но семя его – живое. Оно умерщвляет диких свиней, превращая их плоть в живительную почву, пускает в нее корни и дает начало новому кусту.

Герион вообразил побеги, растущие из дохлой свиной туши, и с трудом подавил тошноту.

– Оставь при себе эти мерзости! Просто дай мне яд!

– Свины бегают по чаще с ритмичным звуком, – продолжил болотник. – Зависимо от местности, их копыта хрустят по валежнику или тупают по твердой почве, или чавкают по грязи – но всегда ритмично. Семя знает этот ритм.

Болотник трижды ударил ногою в пол. Звук от мягких мокасин был очень тих, но размерен, как часы: тум – раз, два – тум – раз, два – тум. Стручок в его пальцах раскрылся и из него свесилась на тонком стебельке бусинка – крохотный глаз.

– Шкура свиней очень толста, ее не прокусит даже рысь. Но на шее свиньи имеется уязвимое место. Две складочки тонкой кожи, по цвету как грязная кровь. Семя корзо слишком мало и глупо, чтобы разглядеть всю свинью, но две бурые черты на ее шее...

Что-то продолговатое, как пиявка, выпало из стручка и метнулось к Герionу. Безумно быстро, неподвластно глазу! Точка на полу – исчезла – появилась на два ярда ближе – исчезла – появилась у ног – исчезла. Подушечка в руке южанина качнулась, когда пиявка впиалась точно в середину правой бурой черты. С огромным опозданием Герion отшвырнул ее.

– Будь ты проклят, болотник! Какого черта?..

– Тебе следовало убедиться в действенности инструмента. Будь эта полоска на твоей одежде, ты умер бы примерно за минуту. Свинья успевает пробежать полсотни ярдов, тем самым распространяя семена корзо.

Он подобрал талисман, оторвал пиявку и бросил в горшок, подушечку окунул в другой горшок, над ним поднялся желтоватый дым.

– Нейтрализатор яда? – с умным видом спросил Герион.

Болотник странно ухмыльнулся:

– Нейтрализатор этого яда сам по себе смертелен. От семени корзо нет спасения.

Герион поразмыслил.

– Значит, я должен пометить жертву двумя красными полосками...

– Не красными, а грязно-багровыми – как смесь крови с пылью.

– А потом потопать ногами...

Болотник трижды щелкнул пальцами, затем трижды клацнул языком.

– Любой четкий ритмичный звук. Главное – ритм: два такта мимо, третий – удар.

– Семя прокусит одежду?

– Полотняную, не кожаную.

– И не промахнется?

– В том и сила, южанин. Пусть рядом стоят хоть двадцать человек – семя атакует меченого. В миг укуса ты можешь быть за сто шагов от цели – лишь бы семя услышало твой сигнал. Никто и никогда не докажет твою вину. За пределами Дарквотера никто даже не поймет, что случилось.

Герион оскалился плотоядно и гадливо:

– По рукам.

Остальные семена корзо, кроме пробного, хранились в мешочках, набитых войлоком. Болотник вручил Герionу один такой мешочек с тремя стручками внутри.

– Не вынимай их раньше времени. Если будут слышать звуки, могут проснуться от стука копыт или уличных барабанов.

Герion для верности обмотал мешочек парой тряпок и сунул в карман сюртука. Затем он изложил просьбу, которую жало криболы счел довольно странной, но согласился выполнить за пару елен. Герion уплатил их и попрощался, не скрывая брезгливости.

– Я не хочу, чтобы ты знал дорогу, – сказал болотник, зачерпнул из мешочка пыльцы и дунул в глаза Герionу. Изрыгая проклятия, тот ослеп.

Болотник за руку вывел его из дому и повел по улицам, сбивая с толку поворотами и зигзагами. Минут через десять, когда зрение вернулось к южанину, они стояли на дороге, свободной от домов. Единственный фонарь кое-как освещал дорожный настил, по обе стороны которого тянулись глубокие канавы. В них, как и повсюду в этом треклятом городе, журчала вода – но как-то особенно громко. К журчанию примешивался странный и неприятный звук: вроде влажно-го хруста или чавканья.

– Послушай. Если хочешь, загляни: под фонарем ты сможешь их увидеть.

– С меня довольно болотных мерзостей! Немедленно верни меня в гостиницу!

– Это Ямы, – продолжил жало криболы, игнорируя вопли Герiona. – Сюда попадают все сточные воды города, все нечистоты. Но запах почти не ощущается, верно? В Ямах кишат щуры – трясинные крысы. Они всеядны: начисто выедают все, что может гнить. Из Ям в море вытекает чистая водичка. Город сам убирает за собою.

– Значит, вы, болотники, чистоплотны как девственница? Прекрасно, расскажу друзьям, они заплачут от умиления. А теперь мне пора спать!

– Что особенно приятно, щуры боятся громких звуков. Потому Ямы почти безопасны: если случайно упал туда, просто ори и бей руками по воде, и ни одна крыса тебя не тронет. Но если вдруг по какой-то причине ты онемел и лишился подвижности...

Жало криболы поднес руку в отравленной перчатке к кадью Герiona.

– Крепко помни наш договор: ты никого не тронешь в Нэн-Клере.

* * *

На третий день визита в город пророк Франциск-Илиан посетил гавань. Она привлекала его интерес, поскольку граничила с бездной.

Гряда Фольтийских островов, лежащая в шестидесяти милях к западу от побережья Дарквотера, отделяет от океана большую заводь. Защищенная от течений и штормов, эта заводь всегда тиха, будто озеро. Богатые жизнью и грязью реки Дарквотера выносят в море массы листвы, перегноя, животных и растительных останков. Яркое южное солнце круглый год греет заводь, превращая ее в гигантский котел с питательной похлебкой для всех видов морской жизни, прежде всего – водорослей. Глубины заводи так плотно заросли ими, что превратились в сплошную непролазную чашу; вода же настолько переполнилась планктоном и плавучими растениями, что сменила исконный синий цвет на черно-зеленый. Эта часть моря зовется Топями Темных Королей.

Набережная кишела людьми. Корабли из Шиммери и Мельниц, и Закатного Берега заходили в Нэн-Клер, чтобы нанять лоцмана: только болотники знали безопасные пути через Топи Темных Королей. Лоцманов не хватало, многим судам приходилось выстаивать по несколько недель, пока найдется навигатор. Конечно, экипажи не тратили это время впустую: купцы вели бойкую торговлю, а матросы развлекались, как могли. Набережная выглядела будто ярмарка в канун дня изобилия: всюду пестрели шатры и лотки, толпились зеваки, сновали торговцы, орали зазывалы. Чужеземцы зарабатывали монету, показывая диковинные штуки. Вот огромный медведь отплясывал под звуки дудки, на которой

наигрывал нортвудский боцман. Вот пара моряков Закатного Берега жонглировали горящими факелами, а потом сами выдыхали языки пламени. Вот здоровяк из Фейриса водил на веревке карлика, а тот нес на плечах другого карлика – еще вдвое меньше. Вот здешняя болотная ведунья продавала зелья от всего, а рядом шарлатан из Шейланда вопил, что никаких зельев не нужно, ведь любую хворь можно выкатать стеклянным шариком (девчонка-помощница продавала шарики и записки с заклинаниями).

А вот толпа окружила голосистого бедняка, который вещал о битве под Мелоранжем. Он явно затруднялся в подборе слов и многие описания заменял возгласами: «Хр-рясь! Бумц! Ур-рааа! Карауул...» Так что выходило не очень внятно, зато весьма эмоционально:

– Подайте милостыню, добрр-ррые матрр-росы! Подайте тому, кто видел идову тьму! Владыка вел нас по реке без воды – сухое русло, да! Сухое, как моя глотка. Он шиммерийцев послал впер-рред. Сказал: «Вперр-ред, принц, дуй за славой!» И принц только вперед, как тут шаваны – дыштыгыдым! Принц: «Стоять!», а шаваны: «Ур-ррааа!» Врубились так, что хрясь-барабам! Караул настал принцу, а владыка своим гвардейцам: «Искру к бою!» А гвардейцев-то сколько? А ну, угадай!

Он схватил первого попавшегося морячка за рукав:

– Угадай, говорю!

– Десять тыщ!

– Размечтался! Тыща наших была – вот и все. А шаванов – сорок тыщ! И они – хрррясь! А гвардейцы искрой – тыдыц. Шаваны – ой-ой, но снова – хр-ррясь! А гвардейцы искрой – тыдыц!

И в этот миг высочайшего накала бедняк внезапно сбился, закашлялся и попросил:

– Подайте бедному человеку, что лишился всего.

По толпе пробежал ропот:

– До конца расскажи! Что дальше-то было?

– Дальше не помню. Сказал же – лишился всего!

– Чего ж ты лишился, баран? Руки-ноги на месте, голова тоже. Яйца тебе что ль оторвали?..

– Вссссего, – просипел бедняк таким зловещим шепотом, что люди сразу утихли. – Вссссего – это значит, души. Торкнуло меня искрой. А когда бьет искра, она душу убивает!

– Да ладно... – сдержанно усомнился кто-то.

– В глаза мне загляни. Сам посмотри – есть там душа, али нет?!

При этих словах бедняк вскочил во весь рост и оттянул нижние веки. Зрачки безумно вращались, белки багровели сетью прожилок.

– Святые боги... Тьма тебя загреби...

Потрясенные слушатели стали швырять рассказчику монеты – щедро, без скупости.

Пророк еще на подходе слышал знакомые нотки в речи бедняка. Теперь же, когда рассказчик поднялся и дал своей

голове показаться над толпой, Франциск-Илиан улыбнулся новой встрече. Но вместо приветствия задал каверзный вопрос:

– Скажи-ка, друг, а ты на чьей стороне бился?

– Я-то?..

– Ты-то!

– Я сражался на стороне истины!

Любые сомнения расшибились о такую отповедь, и нищий в благословенной тишине стал собирать монеты.

– Как тебя зовут? – спросил пророк.

– Вот зачем ты все за мною ходишь, а? – вместо ответа проворчал нищий. – Этот твой... в плаще с фибулой... ножичком мне грозил, велел не попадаться на пути. Я уж как могу стараюсь – но нет, где ни стану, туда ты и явишься.

Пророк удивленно воззрился на Гериона, а тот покраснел от стыда. Королю не следовало знать, как Герион пачкал нож о подзаборную шваль. Нищий продолжил:

– Скажи честно, пресветлый... или как тебя там... снова меня куда-то потащишь? Опять захочешь сны рассказать? Я уже сыт по горло твоими снами, хотя ни одного не слышал!

Пророк ответил:

– Я не навязываю знаний тем, кто их не хочет. Но сейчас я с друзьями собрался покататься. Раз уж ты нам встретился – не составишь ли компанию?

Нищий наморщил нос:

– Покататься – надеюсь, не поездом? Я ненавижу поезда!

– Лодкою.

– Лодкой можно, – снизошел бедняк. – Вот монетки со- беру – и айда.

Гериона аж покорило от презрения. Нахальный гной- ный прыщ! Поезда он ненавидит! Да ступал ли он хоть ногою в самый дешевый вагон самого захудалого состава?!

Незнакомый голос с сильным акцентом отвлек Гериона от упоения злобой.

– Приветствую премудрого и славную свиту. Простите, что пришел долго. Было нелегко вас видеть среди толпы.

Перед ними возникли трое мужчин в синих с черным кам- золах дарквотерского флота. Говорил старший по званию:

– К вашим услугам адмирал Фанно Грок, первый навига- тор ее величества Леди-во-Тьме.

Пророк отрекомендовал себя и свою свиту. Адмирал ска- зал:

– Я наслушан про желание премудрого усмотреть Топи Темных Королей и буду рад помочь. Сколь долгую прогулку вы хотите?

– Часа будет довольно, – ответил пророк. Он не думал, что для познания истины необходимо полностью пересечь Топи. Войти в них, заглянуть в черную воду, не имеющую дна, увидеть остовы кораблей, вросших в море, – и смысл откроется... если только он есть в Топях.

– В таком случае, мы возьмем бот, – решил адмирал и послал помощника снаряжать судно.

Спустя полчаса весельный бот резво шел к выходу из гавани. На борту находился пророк с Герионом и свитой, нищий гнойник, адмирал Фанно Грок со старшим офицером и команда гребцов. Боцман отстукивал такт на барабанах, гребцы ритмично взмахивали веслами, а Герион с беспокойством думал о семени корзо, спрятанном в мешочке под плащом. Что, если оно услышит сквозь войлок ритм барабана и выйдет на охоту? Конечно, на теле Гериона нет бурых полос, но вдруг за неимением бурого семя вопьется куда попало?! Позже он сообразил: даже если семя проснется, то все равно не сумеет развязать мешочек.

Темное могущество Топей начиналось за пределами гавани, и пока судно шло туда, пророк завел беседу с адмиралом.

– Простите мне нескромный вопрос. По вашему акценту и чертам лица я полагаю, вы родом с Фольты?

– Из Республики Фольта, – подчеркнул адмирал.

Фольтийцы всегда гордились независимостью от Фаунтерры и своею странной формой правления, именуемой равновластием. Гериону было этого не понять. Лично он восторгался пирамидальной стройностью поларийской иерархии и приходил в ужас от мысли об обществе, плоском, как половица.

– Насколько я понимаю, – вел пророк, – ваша вера отлична от нашей?

– Как ветер от моря.

– Я слышал, фольтийская религия предсказывает конец

света.

– Конец света?.. – переспросил адмирал.

– Вы верите, что мироздание рано или поздно погибнет.

– Мироздание?

– Все, созданное богами. Люди, животные, растения и все прочее, что есть на вселенской спирали. Ваша церковь предвещает гибель всего этого. Я прав?

Адмирал рассмеялся:

– Конечно, нет! Вот же задумали! Погибнет не мироздание, а только Поларис.

– Что-оо? – в один голос воскликнули Герион и нищий.

– Сказано, что ваша войственность... воинственность не доведет до добра. Поларийские лорды построят столько замков, а рыцари накуют столько доспешных железов, что земля не сможет держать такую тяжесть. Материк расколется на сто тысяч островков, рыцари в железе потонут, а замки разрушатся. Империю Полари придет наконец, но Республика Фольта будет процветать, как и прежде. Все, кто останется жив, признают правду нашего равновластия.

– Нехило выдумали, – одобрил нищий.

Герион спросил:

– А что вы, солнцемудрые гении, сделаете с тремястами боевых кораблей шиммерийского флота? Они-то не потонут, когда Поларис расколется!

– Все моряки переплывут на нашу сторону, едва услышат мудрость фольтийского морского закона.

Герион хотел выяснить, что это за морской закон, но пророк задал вопрос поинтересней:

– Как же вы с такими убеждениями сумели стать первым навигатором Леди-во-Тьме?

Адмирал пожал плечами:

– Прошел врата и выслужил доверие. Наша вера гласит: Поларис рухнет через триста лет. А до тех пор он будет стоять крепко, так что мы не пытаемся вредить вашему глупому империи.

– Жаль, что Орриджин не фольтиец, – процедил нищий.

Тем временем бот вышел из гавани, и вода за бортом сменила цвет. Верхние три фута хранили прозрачность – было видно, как полощутся в них медузы и мечутся рыбки, встревоженные веслами. Но глубже море становилось зеленым. Бесчисленные водоросли слипались в единую, непролазную и непроглядную массу. Под днищем бота лежали морские джунгли.

– Мы вошли во владения Темных Королей, – сообщил адмирал Фанно. – Взгляните вперед и увидите первое их завоевание.

Прямо по курсу в полумиле от бота из воды торчал угловатый силуэт. Присмотревшись, Герион понял: это полуза-топленная шхуна, нырнувшая кормою под воду и задравшая нос.

– Пять лет назад ее схватили Темные. Сбилась с фарватера, запуталась килем в чаще.

– Стоит так уже пять лет?! – ужаснулся Герион. – Как же не утонула?

– Увидите, когда подойдем ближе.

Адмирал велел прибавить ходу. Барабан забил быстрее (опережая ритм копыт болотных свиней). Весла бодро вспенили воду.

– Есть три надежных фарватера, какими можно пройти Топи, – сказал Фанно Грок.

– Три?.. – спросил нищий так, будто ожидал иного числа. Адмирал смерил его долгим взглядом.

– Третий фарватер открыт недавно, уже при владыке Адриане. На свете только восемь лоцманов, кто знает все три. И еще полсотни тех, кто говорит, что знает три, но в лучшем случае – только один. А сбиться с фарватера очень легко: в Топях нет ориентиров, кроме оттенков воды и останков кораблей.

– Коли сбился с пути, то уже не вернешься? – спросил пророк. Прозвучало до странности философски.

– Если за милю заметишь ошибку, то еще можешь выправить. Потом киль оплетут стебли, и корабль перестанет слушаться руля. Будет дрейфовать до тех пор, пока совсем не вращет. Тогда скажут: судно схватили Темные.

Герион удивился:

– Разве нельзя послать матросов, чтобы нырнули и очистили киль?

– Да спасут тебя боги, славный, если нырнешь в эту воду.

– А вовсе не ходить через Топи? – спросил пророк. – Можно обогнуть Фольту с запада.

– Океанский бриз очень силен, а рифы вдоль западного берега коварны. Не один десяток судов разбился о них.

Мрачный остов шхуны выросал над черной водою и вкупе с речами адмирала производил гнетущее впечатление. Хуже всех доводилось нищему: он ворчал, жевал собственные губы, царапал плечи. Герион надеялся, что нищий снова ошалевает, как в соборе, прыгнет за борт и будет сожран медузами. Пророк, желая отвлечь всех от ужасов Топи, сменил тему:

– Адмирал, насколько мне ведомо, ваши предки фольтийцы первыми достигли берегов Шиммери.

– Приятно слышать это изо рта шиммерийца. Вы вечно думаете, что Лаэмский мыс открыл экипаж лорда Лаймона из Маренго. Но на правде моряки Лаймона еще были нежными мечтами их прадедушек о сладких лонах их прабабушек, когда фольтийцы уже обогнули мыс!

– Они высаживались в Шиммери?

– С гигантским удовольствием. Брали чай, кофейные зерна, хвостатых птиц и смешных мартышек, и все это везли на родину. Фольта уже пила лучший в мире кофе, когда Фаунтерра знала только ячменевый отвар.

– Случалось ли фольтийским путешественникам посещать Бездонный Провал?

– В шестом веке... ммм... в двенадцатом по вашему сче-

ту.

– Каким он был тогда?

– Таким же бездонным... не бездонным, конечно, но безумственно глубоким. Дна было не видать из-за тумана. Никто не мог спуститься и не размозжиться.

– Не связывает ли ваша вера гибель Полариса с Бездонным Провалом? Возможно ли, что он – первая трещина на челе материка?

Адмирал Фанно потер подбородок, закатил глаза, припоминая.

– Ничего такого не слышал. Провал сделали боги, а вы погибнете от своей собственной злобы, не от богов. Когда Поларис треснет, Провал наполнится водою, и станет видно, что никакой он не бездонный. Наверх всплывет весь мусор, который вы, шиммерийцы, накидали вниз. А еще всплывет пустой мех, надувный воздухом, а в нем внутри записка: «Мы здесь были первыми. Моряки Фольты, шестой век». Славное будет зрелище. Надеюсь, что увижу все со Звезды.

– Вы тоже попадаете на Звезду после смерти?

– А куда еще? Мы же не звери! – Фанно Грок подумал и добавил: – В пророчестве говорится: «Счастливы те, кто попадут на Звезду до большого раскола. Несчастливы все прочие». Так что нам надо умереть в ближние триста лет.

– Х-ха! Я уверен, мы спр-рравимся!

Тем временем мертвая шхуна приблизилась и стала различима во всех деталях. Вид ее вызывал оторопь. Влажные

стебли поднимались из воды и густой сеткой покрывали борта, опутывали палубные постройки и основания мачт, врастали в люки, в щели меж досок... Корабль был насквозь пронизан ими, проглочен и сожран, но до сих пор не переварен. Уже не вызывала вопросов та сила, что держала его на поверхности: ветви подводных джунглей не давали ему затонуть.

На минуту воцарилась тишина. Даже боцман перестал отбивать ритм, и весла застыли над водою.

– Команда осталась внутри? – спросил кто-то из свиты.

– Из Нэн-Клера пришли шлюпки и сняли ее. Топи безопасны для шлюпок.

Пророк сотворил священную спираль:

– Слава богам, что люди спаслись.

– Мрррази, – прорычал нищий. – Погубили корабль, а сами рады!

Стоит сказать: до сей поры ничто не удивляло нищего. Он преспокойно взирал на мрачные чудеса Топей, и лишь теперь, узнав о судьбе команды, проявил злость. Адмирал взглянул на него с огромным уважением.

Пророк еще долго молчал, созерцая поглощение судна подводною бездной... но, видимо, не нашел в этом желанного ключа. Печально вздохнув, попросил адмирала:

– Будьте добры, командуйте возвращение.

Когда они сошли на берег, адмирал Фанно Грок взял у

старшего офицера карандаш и блокнот, быстро набросал несколько строк и передал записку пророку.

– Счастливых дней в Нэн-Клере, премудрый. Я был радостный нашему знакомству.

Отойдя на приличное расстояние, южанин развернул записку, прочел... и показал нищему. Тот отпрянул.

– Ты, конечно, безграмотен, – понял пророк.

– Н-ненавижу письма!

– Будто тебе кто-то их шлет! – фыркнул Герион.

– Попробовали бы! Руки отломаю любому, кто пр-ришлет мне письмо!

– Зря, – сказал пророк. – В этом письме говорится, что ты имеешь шанс попасть во дворец.

– Во двор-рец? Я? В чей?

– Мы прошли вторые ворота, ты – тоже. Остались только третьи – и путь ко двору открыт. Встреться со мною завтра, и, возможно, ты увидишь королеву Дарквотера.

Герион задохнулся от возмущения. Он просто не находил слов: этого гнойника – во дворец! Боги, невозможно найти способ упасть еще ниже!..

Нищий же изобразил озадаченную мину, будто прикидывал: хочет ли повидать королеву, или без этого хорошо проживет.

– Ты желал стать лордом нищих, – сказал пророк. – Попросишь Леди-во-Тьме – возможно, она дарует тебе титул.

– Заманчиво, – признал нищий.

– Кроме того, оценишь иронию: ты увидишь королеву, а она тебя – нет. Леди-во-Тьме слепа.

– Х-ха, – ухмыльнулся отброс. – Мне нрр-равится. Но чем расплачусь с тобой?

– Спросишь меня о сне. Я расскажу. Ты скажешь, что ду-
маешь.

– Неох-хота... Но ладно, идет. По рукам.

Тошнота подкатила к горлу Герiona, когда Фран-
циск-Илиан, король Шиммери, пожал грязную пятерню от-
броса. Сейчас Герion ясно понимал, сколь глупо было гро-
зить нищему ножом: ведь вовсе не этого гнойника он нена-
видел всей душою.

В эту минуту, отнюдь не подходящую для торговли, на до-
роге пророчьей свиты возник человек в куртке, густо обве-
шанной мешочками, амулетами, талисманами и тому подоб-
ной болотной дрянью. Его гундосый голос ударил по ушам:

– Лучшие амулеты для славных! От сглаза – gloria, от
порчи – две. Надеть браслет – елена, скинуть браслет – эфес.
Нет удачи в торговле? Плати эфес, пей зелье, ступай на ба-
зар. Мужское бессилие? Плати два, пей зелье, прыгай в по-
стель!

– Имеешь зелье от тупости? – спросил нищий. – За агатку
куплю тебе в подарок.

– А есть такое, чтобы услышать богов? – осведомился про-
рок.

Торгаш озадачился:

– Вот южные чудаки. Кому нужно зелье от тупости? Кто туп, тот этого не знает! Кому нужно слышать богов? Главное, чтобы они тебя слышали!

Пророк скривил губы:

– Значит, ты имеешь в арсенале средства лишь от тривиальных бед?

– От каких?.. – не понял торгош.

– Таких, что волнуют безмозглых баранов, – перевел нищий.

– Ты следи за языком, рвань! Я баранам не торгую! И детям не торгую, и бабам не торгую. Мои средства – только для мужчин! Коль мужчина – покупай, не мужчина – проходи! Вот ты...

Торгош схватил за грудки Герiona.

– Хочешь, чтоб девушки любили? Чтобы раз глянула – и твоя?

Герion зарделся, поскольку, говоря правду, очень этого хотел. Уже три месяца – все время путешествия! – он не имел ни одной девушки.

– Елена плати, амулет бери, на пояс подцепи – на охоту выходи!

Торгош ткнул ему в руку странно знакомую мягкую подушечку с двумя багряными чертами... и лишь сейчас Герion узнал вчерашнего убийцу-болотника, которого сам же просил продать талисман! Как же ловко тот изменил внешность: одежда, походка, глаза, волосы – все другое!

Южанин сунул ему елену и повесил талисман на пояс под дружный смех пророка и нищего. Вряд ли кто-то из них издал бы хоть смешок, если б знал истинное назначение подушечки.

Здесь пытливый ум читателя наверняка задастся вопросом: за что же Герион так гневается на пророка? Вполне возможно, читатель уже извлек верную подсказку из герионова красноречия, дорогого платья, искрового кинжала...

Конечно, Герион происходил из семьи южных богачей. Десять лет назад отец выхлопотал ему сказочное место: адъютант его величества Франциска-Илиана. Всякий придворный скажет: адъютант короля, не ведущего войну, – это медовый пряник, а не служба. Герион выполнял несложные поручения, покрикивал на слуг и приглядывал за секретарями – а взамен беспрестанно грелся в лучах королевского величия, пировал за роскошными столами, пил лучшие вина, носил дорожные наряды, получал шикарное жалование и щедрейшие подарки. Порою даже любился с той или другой из королевских алытесс – ведь адъютант был молод и хорош, а Франциск-Илиан не успевал давать утешу всем своим женщинам. Словом, два года Герион прожил в сказке и мог мечтать лишь о том, чтобы король повысил его до первого министра.

Но однажды Франциск-Илиан посетил монастырь Максимиана-у-Бездны, хорошенько выпил на пару с аббатом, а но-

чью увидел проклятуший сон – и решил стать отшельником. Он передал дела сыну и заперся в монастырской библиотеке, и большинство придворных вымолили у него свободу, чтобы перепорхнуть ко двору принца Гектора. «Пока смерть или воля сюзерена не освободит меня», – так говорится в вассальной клятве. В первый год Франциск-Илиан своею волею освободил всех, кто просил о том. Герион же недооценил пророчью решимость. Думал: эта блажь пройдет, как и все предыдущие. Ведь случилось, например, однажды: его величество отменил зиму в Шиммери, указом повелел считать декабрь, январь и февраль «юною весной»...

Но шли годы, и пророк не собирался делаться обратно королем. Все глубже увязал в занудных талмудах, унылых молитвах и библиотечной пыли, а Герион зарывал свою молодость в могилу монашеской кельи! Лет пять назад он отчаялся и попросил короля снять вассальную клятву, но тот ответил:

– Ты пробыл со мною так долго... видимо, на то есть причина. Через тебя боги намерены что-то сказать. Я отпущу тебя, когда услышу их слова.

С тех пор не раз и не два, и не десять Герион силился изречь нечто достаточно замысловатое, что сошло бы за божье откровение. И терпел неудачи, все более печальные раз от раза.

Франциск-Илиан все еще формально носил титул, да к тому же видел вещие сны, потому люди интересовались им. Ге-

рион зарабатывал кое-какое золотишко, распродавая пророчьи секреты всем, кто желал их знать. Но что такое заработки шпиона в сравнении с блеском успешного царедворца!..

Таким образом, пытливый ум читателя был трижды прав в своей догадке: всеми богами проклятый сон короля сгубил молодость, карьеру и мечты Герiona. За это Герion ненавидел короля.

Иронично и занятно: Герion знал истинный смысл того сна. Однажды пророк частично описал ему ужасное видение, и Герion без колебаний допустил: сон предвещает смерть пророка. Там показана гибель мира... но ведь сам человек для себя и есть весь мир! Если умираешь – весь твой мир гибнет вместе с тобою! Пророк не принял такой трактовки: он был не настолько дерзок, чтобы поставить знак равенства между собственным «я» и мирозданием. Герion же остался убежден в своей версии. Вновь и вновь вспоминал он слова клятвы: «Пока смерть или воля сюзерена... Воля сюзерена... Или смерть».

* * *

На шестой день визита в Нэн-Клер пророк получил приглашение от лорда Эммона Дарклина – кастеляна королевского замка. Лорд Эммон – чистокровный янмэец, племянник Леди-во-Тьме – был одним из самых преданных ее вассалов. Степень доверия королевы к племяннику сразу выда-

вало расположение его личных покоев.

На первый взгляд замок Нэн-Клер кажется не особо внушительным. Тот, кто видел неприступные громады Сердца Света, Эвергарда или Первой Зимы, не впечатлится пятиардовыми замшелыми стенами Нэн-Клера и рассмеется, увидав вместо оборонительного рва вокруг замка – поле зеленой травки с умильными цветочками и бабочками. «Эта фортификация удержит лишь ребенка!» – скажет путешественник, и ошибется с точностью до обратного. Как раз ребенок и сможет подойти к замку, но взрослый (а тем более – воин в доспехах) провалится в гибельную бездну. Ведь поле – на самом деле, трясина, поросшая молодой травой-сеточницей.

Единственный мост, ведущий из замка через болотное поле в город Нэн-Клер, обороняет могучая гранитная башня, испещренная стрелковыми амбразурами, камнеметными гнездами, жерлами смоляных котлов. Три дюжины воинов в этой башне могут защитить весь замок от целого вражеского полка – и с тем же успехом могут не выпустить наружу самих обитателей замка. На верхнем этаже Мостовой башни и обитает лорд Эммон Дарклин.

Ненастным сырым днем кастелян оказал пророку радушный, но странный прием. Введя троих гостей в свою светлицу, лорд Эммон крепко пожал им руки, жестом предложил занять удобные кожаные кресла, сам уселся напротив и принялся молчать. По этикету любой земли хозяин должен говорить первым, потому гости молча ожидали, а кастелян и не

думал раскрывать рта. Шла вторая минута, третья, четвертая – он знай себе рассматривал чужаков, и не будь он обличен титулом лорда, мы бы описали этот процесс более метким словом «тарашился». Нищий утратил терпение, стал ерзать и почесываться. Это смотрелось несуразно, поскольку был он чист и прекрасно одет. Герион метал взгляды в сторону пророка: если уж кто имеет право нарушить паузу, то только Франциск-Илиан. Но король-сновидец как будто принял игру болотного лорда: молча крутил головой, рассматривал все вокруг.

Минуте на шестой – Герион стал пунцовым от неудобства, а нищий успел почесать все закутки себя, кроме промежности, – лорд Эммон наконец нарушил молчание:

– Не скажете ли, премудрый, что вам снилось?

Нищий прыснул со смеху:

– И над этим вопросом ты столько думал?!

Янмэец легко мог разгневаться, но вместо этого приятно улыбнулся, и всякую неловкость как рукой сняло.

– Нет, славный. Первую минуту я думал: «Боги, никогда прежде не видел пророка, надо его рассмотреть хорошенько!» А остальное время изобретал, как бы снять неловкость первой минуты. Решил: банальный вопрос развеселит вас.

– Ха-ха, – изрек Герион.

– Желаю вам здравия, милорд, – с улыбкой заговорил Франциск-Илиан. – Я всегда ценил чувство юмора, присущее вашему роду. Жаль, что Праматерь Софья не наделила

меня подобным даром. Но позвольте узнать: действительно ли вас интересует ответ?

Лорд Эммон развел руками:

– Весь город пересказывает ваши сны, так что я, конечно, слышал немало. Но не знаю, верны ли пересказы, так что, если вас не затруднит...

– Прошлым летом, на Софьины дни, я видел нагих Праматерь Янмэй и Праматерь Агату, что сплелись в жарких объятиях страсти.

Нищий присвистнул:

– Нич-чего себе сон! А можешь в подро-робностях?

– Молчи, невежда! – шикнул на него Герион. – Сны следует понимать метафорически! Данное видение знаменовало мир между Янмэй и Агатой, каковой уже и наступил.

– В запрошлом году, по Весенней Заре, – продолжил пророк, – я видел юную девочку, спасенную из лап страшного чудовища.

– Тоже нагую? – уточнил нищий. – Ах, старый развр-рратник!

– Глупец! – пристыдил Герион. – Этот сон несет двумудрое значение. Спасенная девочка – в одночасье и ее величество Минерва, успешно взошедшая на трон, и внучка герцога Фарвея, избежавшая гибели в императорском поезде!

Нищий вздрогнул, как от пощечины, и клацнул зубами.

– Н-нненавижу поезда...

– Перед Сошествием года семьдесят второго, – сказал

пророк, – я видел корабли, что идут по морю сами собою, без ветра и весел.

Нищий снова не сдержался:

– И мужчин, что утешаются сами собою, без бабы! Судя по снам, голодно тебе пришлось в том монастыре!

Герион хотел разразиться бранною тирадой, но заметил усмешки на лицах короля и лорда.

– Премудрый, ваши сны наделены глубоким смыслом, и, что не менее важно, вы нашли двух отличных толкователей!

– Милорд, если вам любопытно, я могу изложить все свои сны, включая первый.

В голосе пророка звучала надежда, вполне понятная читателю. Но менее осведомленный лорд Эммон не распознал ее и счел предложение простой данью вежливости.

– Я не смею досаждать вам лишними расспросами. Поинтересуюсь лишь одним: встретились ли в царстве снов знамения о королевстве Дарквотер?

– Одно знамение, кажется, касалось всех земель. Оно было смутно, хаотично и весьма тревожно.

– Хаос, тревога и смута – не черты ли всего нашего времени? – согласно кивнул лорд Эммон. – Премудрый прав: эти напасти бьют по каждой из земель. Впрочем, Дарквотер под рукою Леди-во-Тьме пока успешно противится им.

Пророк приуныл, осознав, что лорд Эммон также не готов испить чашу истины до дна. Но, будучи умелым дипломатом, не изменился в лице и спокойно повел речь о здоро-

вье Леди-во-Тьме и успешности ее правления. Племянник королевы поддержал светскую беседу ответами и встречными вопросами – о путешествии пророка и состоянии дел в южных землях. Разговор потек мягко и остроумно, доставляя должное удовольствие всем участникам. Когда же светские темы поисчерпались и возникла не лишенная неловкости пауза, нищий полюбопытствовал:

– А что это за такие вр-ррата доверия? Премудрый говорит: мы прошли их третьего дня, – а я этого даже не заметил. Обидно: если б знал, хоть поглядел бы...

Лорд Эммон сказал:

– В любой земле, желая попасть на прием во дворец правителя, вы проходите некоторые ритуалы. Например, подаете прошение в секретариат или заручаетесь рекомендательными письмами, или шлете вперед себя послов с дарами, или ждете Дня Сошествия, когда двери открываются с большей легкостью. А у нас в Дарквотере бытует иной ритуал: на прием к Леди-во-Тьме попадает тот, кто вызовет интерес и доверие у трех надежных ее вассалов.

– Значит, тот моряк-фольтиец, который толком не говорит по-нашему...

– Верно: он – вторые врата.

– Но мы просто поболтали с ним да на лодке покатались!

– Умеющему видеть этого довольно, чтобы узнать необходимое.

– И вы думаете, это защитит кор-ролеву? Это у вас такая

безопасность вместо пр-ротекции и гвар-ррдии?

Лорд Эммон дал на сей вопрос весьма занятную отповедь, но прежде нам стоит сделать ремарку. Полагаем, читатель успел ощутить удивление: с чего вдруг уличный нищий так нахально расспрашивает лорда-янмэйца, а тот любезно отвечает? Причина в том, что нищий теперь имел вид не бедняка, а личности состоятельной и светской. Перемена свершилась следующим путем.

Накануне визита к лорду Эммону нищему велено было помыться. Он воспротивился мытью, сославшись на первую заповедь. Сказано: «Свое место в мире прими с достоинством» – вот он и принимает свое место грязного бедняка! Двое крепких монахов из свиты пророка попытались искупать его силой. Нищий поднял гвалт, вопя, что беломордые святоши попирают двенадцатую заповедь: «Позволь иному быть». Они, чистюли, не позволяют ему быть отличным от них! Монахи пошли на уговоры:

– Праотец Максимиан и ученый Эдвард с братом Кристеном, и святые отшельники Марек с Симеоном, и даже сам Вильгельм Великий не ленились мыться хотя бы раз в четыре дня. Так от тебя и подавно ничего не отвалится, если поскребешь как следует свою шкуру!

Нищий привел тонкий теологический аргумент: дескать, Праотцы были чисты душою и, моясь, приводили свою наружность в соответствие с содержанием; у нищего же нутро черно, как Томас-кот, и если он отмоеет рожу добела, то ве-

дет окружающих в богопротивный обман. Монахи опешили, но Герцион пришел им на помощь:

– Не хочешь мыться – не попадешь во дворец. По мне, оно и к лучшему, ведь кому нужна крыса в павлиньих чертогах?

Южанин показал, будто рад избавиться от нищего, и тот сразу согласился искупаться – Герциону назло. Однако на деле Герцион уже не тяготился обществом бедняка, а наоборот, имел на него далеко идущие планы. Он сам позаботился о новой одежде для нищего, раздобыл белые чулки и сорочку, лаковые туфли, синие бриджи и черный с узорами камзол. Бедняк чудесно преобразился. Если он и не стал достоин визита ко двору королевы, то, по крайней мере, больше не вызывал рвотных спазмов своим видом. Герцион застегнул и оправил на нем камзол, затянул потуже ремень, воткнул в карман белый шелковый платочек и прочесал расческой пепельные дебри на темени нищего. Оглядев дело рук своих, южанин остался настолько доволен, что допустил появление улыбки на лице.

Если зоркий читатель заподозрил в данной сцене некий подвох, то он совершенно прав. Однако суть подвоха была умело скрыта Герционом, и до поры останется тайною как для нищего с пророком, так и для читателя.

Итак, теперь, видя перед собою худого, но опрятного и нарядного господина, лорд Эммон охотно дал пояснения:

– Я сожалею о том, что огорчил вас долгим ожиданием. Конечно, ваше положение и слава позволяли ждать пригла-

шения ко двору в первый же день, а не в шестой. Но я прошу вас понять и принять особенности нашего нрава.

– Позволь иному быть, – ответил поклоном пророк. – Мы и не ждем в Нэн-Клере того, чего ждали бы в Лаэме.

– Вы в высшей степени правы. Каждый защищает себя, чем может: шиммерийский лорд полагается на силу денег и луки наемников, северянин – на скорость вассальных мечей, столичник – на мощь державной машины... Но Дарквотер – королевство тени. Здесь ничто не является тем, чем кажется. Деньги не стоят своей цены, мечи и луки не выигрывают сражений, колесики властной машины вязнут в болотах. Мы можем опираться только на людей, которым доверяем. Заслуженное доверие – наш щит и доспех, без него мы голы, сколько бы железа ни надели на себя.

– Бойтесь кинжала в спину? – Спросил нищий, нервно почесывая руки.

– О, кинжалы – игрушки по меркам Дарквотера. Позвольте проиллюстрировать мои слова примером.

Лорд Эммон открыл дверцы комода и выставил на стол несколько предметов: три свечи, пару деревянных кружек, бутыл, заткнутую пробкой. Он зажег свечи и погасил лампу. Дождь стучал дробью в стекло, тучи скрывали небо свинцовой завесой, сумерки подрагивали от свечных огоньков. Дух мрачной таинственности заполнил комнату.

– Любезные гости, я предложу вам на выбор два напитка, – сказал лорд Эммон, открыл окно и подставил кружку

под струйку дождя. – Первый напиток – безвредная дождевая вода.

Когда в кружке набралось несколько глотков, он поставил ее перед гостями левой рукою – жестом, не лишенным брезгливости. Затем взял другую кружку, плеснул из бутылки, обеими руками подвинул напиток ближе к гостям. Над кружкой поднялся желтоватый дымок.

– Второе угощение – смертельный яд. Вы можете понюхать жидкость и, если знаете запах настойки лиланны, то убедитесь: это именно она. Отмечу, что подобное испытание предлагается жалам криболы, когда они поступают на службу к Леди-во-Тьме. От выбора зависит дальнейшая карьера и, как несложно понять, сама жизнь. Итак, господа, прошу вас: угощайтесь!

В ожидании их решения лорд Эммон задумчиво поглядел в окно, черпнул ладонями дождевой воды, умыл лицо, сделал пару глотков.

Первым решился нищий.

– Если б ты знал, милорд, как меня тошнит от ядов, то не предлагал бы мне эту дрянь!

Он оттолкнул кружку с лиланной и хлебнул чистой воды.

Герион улыбнулся своей находчивости:

– А я, милорд, не испытываю жажды. С глубочайшим сожалением вынужден отказаться от угощения.

Герион был уверен, что пророк поступит точно так же. Какое было его удивление, когда Франциск-Илиан взял кружку

ку с отравой!

– Милорд, вы подали эту чашу двумя руками – жестом искреннего радушия. Я не могу его отвергнуть.

Пророк смело глотнул лиланны. Лорд Эммон выдержал долгую паузу, пока Герион и нищий напряженно следили за пророком. Наконец, сказал:

– Итак, выбор сделан. Вы, любезный, – лорд обратился к нищему, – питаете принципиальное отвращение к ядам, и я уважаю ваши принципы... но это не делает ваш выбор правильным.

Нищий хотел ответить, но внезапно схватился за грудь, скорчился и рухнул на пол, сотрясаемый судорогой.

– Вы в Дарквотере, друг мой. Вещи не таковы, какими кажутся. Дождевая вода стала ядом, когда я набрал ее в чашу из древесины томму.

Герион встревожился о том, как исполнится его план в случае смерти нищего, но вдруг и сам ощутил странное. Во рту резко пересохло, горло засыпало горячим песком. Он попытался сглотнуть, но горло будто сжало тисками.

– Славный, вам не следовало отвергать мое угощение под видом вежливости, ведь это отнюдь не вопрос этикета. Если хозяин, которому верите, дает вам выпить – пейте.

Герион силился вдохнуть – и не мог. Перед глазами плыло и багровело. Ногти царапали шею, тщась ослабить незримую петлю.

– Воск иллари, из которого сделаны свечи, почти невоз-

можно распознать по запаху. Но его дым вызывает горловой спазм. Единственное спасение – срочно выпить жидкости. Любой.

Лорд Эммон протянул Гериону чашу с ядом.

– Доверитесь мне, славный? Или умрете от удушья?

Пророк – единственный, кто не испытал боли, – спросил:

– Запах лиланны сымитирован? На самом деле в чаше нет яда?

– Вопрос доверия, премудрый, – охотно пояснил Эммон. – Я не посмел бы лгать гостям: если сказал, что в чаше яд, то он там есть. Но когда я пожал ваши руки при встрече, нейтрализатор попал с моей ладони на ваши и впитался сквозь кожу. Настойка лиланны стала для вас безвредной.

Полуживой Герион из последних сил схватил кружку и опрокинул в рот. Горло тут же расслабилось, и южанин закашлялся, поперхнувшись настойкой. Выхаркал ее и с мучительным наслаждением принялся дышать.

Нищий перестал корчиться и с трудом поднялся на четвереньки.

– Я вроде не похож на мерр-рртвого...

– Сок дерева томму весьма опасен, но при малой концентрации все же неспособен остановить сердце. Агония, которую вы пережили, пускай послужит уроком. Деньги, мечи и доспехи не защищают там, где убить может деревянная кружка, дождевая вода или свечной огонек. Узы доверия между людьми – единственная надежная защита.

Лорд Эммон поклонился пророку:

– Поздравляю, премудрый: вы миновали третьи врата.

Впрочем, я и не ждал иного.

– А-кх... а мы? – выкашлял Герион.

– Вы оба сделали неверный выбор, однако именно такой, какой подсказывала ваша натура. Вы не пытались обхитрить меня и ввести в заблуждение. Врата проходит не всезнающий, но искренний. Поздравляю, славные: вы также допущены во дворец Леди-во-Тьме.

Вслед за лордом Эммоном потрясенные гости вышли на галерею башни. В начале длинного моста, ведущего в замок, стоял на рельсах опрятный желтый вагончик. Лакей распахнул дверь перед гостями.

– Это что, поезд? – Опасливо спросил нищий.

– Да, милорды. Большая рельсовая дорога еще не дотянулась до королевства тени, но мы стараемся следовать за прогрессом.

– Ненавижу поезда!

– Хорошо вас понимаю, – усмехнулся лорд Эммон. – Местная знать тоже сперва не доверяла вагону. Именно затем Леди-во-Тьме и велела его установить: чтобы приучить нас к искровой технике. Занимайте места – поездка будет легкой.

Вагончику понадобилось минуты две, чтобы пересечь сотню ярдов болотного поля, нырнуть в амбразуру замковой

стены, по эстакаде вкатиться на балкон центрального здания и выпустить гостей. Но за это короткое время нищий утратил равновесие души. Он стонал, скрипел: «Дрррянъ», покусывал свою бороду и чесал руки. Манжета задралась, и Герион увидел на левом предплечье бедняка странные шрамы, будто тот пытался свести счеты с жизнью, перекусив жилы зубами! «Безумец», – решил Герион и не смутился. Безумие бедняка не мешало его планам, пожалуй, даже способствовало.

Нищий первым выскочил из ненавистного вагончика, Герион пропустил вперед Франциска-Илиана и украдкой глянул на его спину. Если читатель равнодушен к судьбе сновидца, то спокойно прочтет следующие строки: выше поясницы Франциска-Илиана виднелись две короткие бурые полоски, нанесенные Герионом еще с утра. На сером сукне балахона они не бросались в глаза, но семя корзо легко заметит их, когда придет время.

Покинув вагончик, гости оказались в пустой тенистой приемной. Лакей с поклоном указал на дальнюю дверь:

– Милорды, ее величество примет вас в зале мотыльков.

Затем он удалился в вагончике, и гостям ничего не осталось, кроме как самим пройти приемную и открыть дверь зала. Удивление гостей вырвалось дружным вздохом: тронный зал королевы Дарквотера оказался теплицей!

Под стеклянную крышей (стоившей, видать, целого состояния) цвел прекраснейший сад. Раскидывали ветви узловатые

тые декоративные деревья, причудливо остриженные кусты составляли ограды и лабиринты, клумбы пестрели восхитительными цветами. Повсюду порхали ярkokрылые бабочки, на ветвях чирикали пташки, где-то журчал невидимый глазу ручеек. Трое гостей двинулись вглубь сада по гравийной дорожке, и с каждым шагом умиротворение все больше овладевало ими. Светлая улыбка коснулась уст пророка, с лица нищего пропала тень страдания, пережитого в вагоне. А Геррион наполнился приятной уверенностью в том, что план его сработает наилучшим образом.

За аркою из выющихся роз взорам гостей открылся искусственный прудик с белоснежными пятнами кувшинок. У пруда в плетеном кресле из лозы, укрыв пледом колени, сидела пожилая леди. Возраст иссушил ее тело, заострил черты, сделал суставы узловатыми, как ветви деревец. Морщины бороздили восковое лицо, тусклыми лунами смотрели невидящие глаза. Леди-во-Тьме выглядела человеком, мучительно уставшим от бытия. За ее плечом стояла фрейлина, готовая в любой момент прийти на помощь королеве.

– Доброго здравия, милорды, – голос Леди-во-Тьме был старчески скрипуч, но не лишен твердости. – В подарок от меня сорвите себе по цветку. Не чувствуйте стеснения, пройдитесь аллеями, дайте себе время.

Шурша подошвами по гравию, пророк двинулся на поиски. Геррион и нищий последовали его примеру. Потратив пару минут, все трое вернулись к королеве.

– Герда, что за цветы выбрали гости?

Фрейлина дала ответ.

– Милорды, прошу вас, скажите несколько слов о своем выборе. Что он символизирует?

Пророк поднял к лицу тончайшую травинку:

– Я выбрал себе в подарок символ чувства, которое питаю перед нашей встречей: надежды.

Леди-во-Тьме благосклонно кивнула и обратила незрячие глаза к Герionу. Тот держал пышный розовый бутон.

– Эта роза вобрала в себя величие и роскошь двора вашего величества!

Конечно, по сравнению с блеском солнцеподобного шиммерийского престола двор Леди-во-Тьме смердел унылым захолустьем. Но Герion знал, что все врата доверия уже пройдены, искренности больше не требуется, и в свое удовольствие солгал.

Леди-во-Тьме обратила внимание на нищего, и тот поднял удивительный цветок: крестовидный и черный, будто смола. Никогда и нигде Герion не видал подобного.

– Символ безысходности – вот что он такое.

Веки старухи дрогнули в ответ на слова нищего.

– Благодарю вас, славные. Прошу вас, присядьте на скамью и поведайте, с чем пришли.

Пророк поклонился королеве:

– Я также доставил дары вашему величеству.

Он ничего не вручил ей и не добавил ни слова. Но Ле-

ди-во-Тьме поняла – сузились морщины вокруг ее глаз, заменяя улыбку. Она трижды хлопнула в ладоши. Из зеленого лабиринта выступили три человека, прежде незамеченные гостями. Желудок Герiona сжался, а хребет похолодел. Те трое были вратами доверия – отец Лорис, адмирал Фанно Грок и лорд Эммон Дарклин. Южанин не ждал снова их увидеть, но причиной испуга было иное. Леди-во-Тьме хлопнула именно в том ритме, от которого раскрылись стручки корзо, вшитые в подкладку камзола бедняка, и высунули из-под полы свои глазки-бусинки. Правда, пророк сидел на скамье, и смертоносные семена пока не могли видеть полосок на его спине. Но стоит ему подняться...

Герион спешно прикинул, чем грозит неожиданное событие, и успокоился, когда понял: в сущности-то план не меняется. Да, дело идет быстрее, чем следовало: Герион хотел сперва настроить королеву против нищего парой-тройкой намеков, а уж потом привести в действие семена – чтобы, когда все случится, подозрения сразу пали на отброса. Но все еще может обернуться удачно – нужно только не зевать.

– Ваше величество, – заговорил Герион, – прошу меня простить, но я должен обратить ваше внимание на личность одного из гостей. Довожу до ведома, что он...

Леди-во-Тьме подняла ладонь протестующим жестом:

– Не трудитесь, славный. Мои люди скажут все необходимое. Поведайте мне: кого, кроме короля-сновидца, вы впустили во дворец?

Трое вассалов, коим Леди-во-Тьме адресовала вопрос, переглянулись и выбрали очередность. Первым заговорил отец Лорис:

– Ваше величество, я увидел благородного человека с изломанной судьбою и низкого златолюбца, исполненного злобы. Я пропустил их, поскольку первый может быть вам интересен, а второй – полезен.

Оказывается, священник сумел разглядеть, как прихоть пророка испортила жизнь Гериону! Экий проникательный, – подумал южанин с долей тревоги.

– Благодарю, отче, – сказала королева. – Ваши наблюдения верны, но неполны. Адмирал, что вы можете добавить?

– Ваше величество, я вижу кровавого лорда-морехода и шелудивого шпиона-пса.

«Кровавый мореход?...» – озадачился Герион, но вспомнил своего деда – известного капитана южных морей. Дурак-фольтиец имел в виду не «кровавый», а «кровный»! Что до шелудивого пса, то здесь все верно: нищий именно таков. Прекрасно, что адмирал назвал его шпионом. От шпиона до убийцы – полшага!

– Вы правы, адмирал. Меткое наблюдение о мореходе. Но и ваше зрение упустило ряд деталей. Лорд Эммон, не разочаруйте меня – дополните картину.

Кастелян самодовольно ухмыльнулся и выдержал эффектную паузу.

– Подле короля-сновидца стоят двое. Один из них – тот

продажный южанин, у которого я восемь лет покупал через подставных лиц сведения о его сюзерене.

– Ваше величество, не верьте... – возопил Герион, но никто и не глянул на него.

– Второй же – лорд Менсон Луиза рода Янмэй, великий заговорщик, придворный шут и цареубийца!

Другие двое врат и фрейлина Леди-во-Тьме, и Герион были потрясены. Но не королева и не пророк – эти двое даже не моргнули. Кастелян добавил:

– Я обнаружил сей факт, едва увидел вас, лорд Менсон. Я силился просчитать все последствия вашего появления в обществе короля Франциска-Илиана, потому и молчал столь бестактно в первые минуты встречи.

– Х-ха-ха, – прокашлял нищий. – Ну, здравствуйте, глазастые милорды. Нальете винца цареубийце-цеце?

Леди-во-Тьме отвесила ему короткий поклон:

– Доброго здоровья, лорд Менсон. Нам с вами предстоит долгий разговор, но несколько позже. Лорд Эммон, ваше торжество неуместно, ведь вы также ошиблись в занчимой детали. Хоть кто-нибудь видит всю истинную картину?

– Я, ваше величество! – внезапно воскликнул Герион. – Менсон – не простой цареубийца! Он упокоил владыку поговору с кем-то – вероятно, с северянином. А теперь по его же приказу Менсон явился сюда под видом нищего, чтобы шпионить за премудрым сновидцем. Щупальца мятежа уже тянутся на юг и вот-вот схватят нас, если безжалостно не от-

сечь их!

Пока все разинули рты, пораженные его тирадой, Герион схватил за руку пророка и потянул со скамьи, вынуждая подняться.

– Ваше величество, не оставайтесь подле этого червя! Умоляю: отойдите на безопасное расстояние!

Пророк, сбитый с толку, машинально поднялся. Семена корзо под полою камзола Менсона уловили движение и обшарили взглядом пророка. Тот стоял к ним боком, и семена не видели черточек на его спине. Но теперь Франциска-Илиана спасало от смерти только положение тела.

– Хватайте шпиона! – кричал Герион вассалам Леди-во-Тьме.

– Уйдемте отсюда, ваше величество! – он тащил за руку пророка, неумолимо поворачивая к Менсону спиной.

Здесь нам стоит повнимательней заглянуть в душу Гериона – пускай и в ущерб драматической сцене. Мы знаем, сколь сильно он ненавидел свою погубленную карьеру и виновного в этом сюзерена. Знаем и то, что первому демоническому пророчеству Герион приписывал простое значение: пророку угрожает смерть. Пророк не соглашался с этой версией, но и не отпускал от себя Гериона – пока тот не выполнит задачи, возложенной богами. Смерть пророка, вне сомнений, дала бы Гериону свободу. Но в каком положении он бы оказался? Забытый адъютант покойного короля. Бесплезный шпион,

которому не станут платить за секреты мертвеца. Бывший придворный, никому не нужный в нынешнем блестящем обществе!

Нет, убийство пророка не решало проблем. Но вот спасение от смерти – другое дело! Если кто-нибудь (например, матерый заговорщик) покусится на жизнь короля Шиммери, а славный Герион закроет сеньора своей грудью – все изменится! Король забудет пророчью блажь, ведь первый сон получит простое и циничное объяснение. Герион обретет право на награду, и вместе с Франциском-Илианом вернется в Лаэм, где снова воссядет на престол, столкнув с него золотую задницу принца Гектора! То бишь, воссядет, конечно, Франциск-Илиан, а Герион выклянчит пост первого министра.

И вот теперь мы можем продолжить, не боясь читательского непонимания. Подставив смертоносным пиявкам спину пророка, Герион шагнул навстречу Менсону, готовый в любой миг прыгнуть наперерез тварям.

– Будь ты проклят, пособник северянина! – вскричал Герион, убежденный, что вот сейчас семена бросятся в атаку, и он перехватит их, спасая жизнь короля, а сам выживет по чудесной случайности: пиявки почему-то вопьются в талисман-подушечку на поясе...

Однако Менсон на время отсрочил развязку. Наморщив нос, он плюнул:

– Тьфу, разгавкался, – и брезгливо отошел от Гериона.

Семена корзо потеряли цель из виду, не успев прыгнуть.

– Довольно, довольно! – сухой голос Леди-во-Тьме хлестнул кнутом. – Я не потерплю криков в моей теплице. Цветы не выносят шума. Вы высказались, славный, и вы столь же неправы, как все. Даже более неправы.

– Ваше величество, – мягко сказал пророк, – если вам действительно нужна истина, я могу ее раскрыть.

– Буду очень признательна, премудрый.

– Начну с той части истины, которая сейчас кажется наиболее актуальной. Мне думается, добрый лорд Эммон, излагая свои выводы, ошибся лишь в одном: Менсон Луиза не убивал владыку Адриана. Мы все могли убедиться, что лорду Менсону причиняют страдания некоторые неожиданные вещи: Священные Предметы, золотые эфесы, письма, поезд. Полагаю, это последствия ужасных событий на реке Бэк. Эфес символизирует владыку и напоминает Менсону о тяжелой утрате, так же как поезд – о катастрофе. Священные Предметы дают ассоциацию с похищенным достоянием Династии и крахом Короны, письмо же – еще один атрибут поражения. Например, то письмо, в котором сообщалось о взятии Фаунтерры. Так позвольте же спросить: если Менсон на стороне северянина, то почему страдает, видя символы своей победы? Если хотел погубить Адриана, то отчего печалится, вспоминая его смерть? Нет, милорды, я не видел этого во сне, но полагаю ясным: лорд Менсон – не цареубийца.

Его слова произвели разительный эффект. Леди-во-Тьме

склонила голову, произнеся: «Браво, премудрый», а щеки Менсона стали мокрыми от слез.

– Чер-ртов пр-роррок...

Бывший шут императора упал на колени у пруда, спрятав лицо от взглядов, и принялся яростно умываться.

– Ваше величество желали знать истину. Она значительно больше сказанного, – продолжил Франциск-Илиан. – Восемь лет назад меня пригласил в гости Второй из Пяти – настоятель максимиановского монастыря, хранитель Бездонного Провала и ваш собрат по тайному ордену. Он поведал мне о вашей организации и предложил вступить в нее. Тою же ночью я увидел чудовищный сон: мироздание гибло, рушась в бездну Провала. Было ясно, что сон связан с орденом и является собою божественную подсказку. Но он мог означать любую из двух полярностей! Либо орден может спасти мир от катастрофы – тогда я обязан отдать ему все свои годы и силы; либо, напротив, орден и есть источник опасности – тогда мой долг поднять войска и своею властью стереть все следы его существования. Выбор был сложен, а ставки высоки. Я не стал спешить. Восемь лет я изучал труды Прародителей и нашел в них те скрытые знания, о которых говорил Второй из Пяти. Я отправил большинство своих вассалов с задачей: собрать сведения о вашем ордене. Так я узнал, что это вы подсказали имперским ученым идею волны, а сами остались в тени. Мне пришлось по душе ваша скромность. Вы научились изготавливать правдоподобные подделки Свя-

ценных Предметов – что есть святотатство, но и свидетельство высокого мастерства. Вы обзавелись весьма скрытными врагами – и это говорит в вашу пользу. Наконец, открытые вами свойства Мерцающих Предметов настолько удивительны, что кажутся сказкой...

Слушая речь пророка, Герион все больше удивлялся: за восемь лет он не слышал ни о тайном ордене, ни о каких-то секретных опытах. Очевидно, все письма, касавшиеся этой темы, пророк писал и запечатывал сам, а не диктовал адъютанту. Видимо, прежде Франциск-Илиан не слишком доверял Гериону, но теперь-то начал доверять – иначе не раскрывал бы столь сокровенных секретов! Столь же ясно и то, что злодею Менсону несдобровать: он стал свидетелем тайны и теперь окончит дни в какой-нибудь болотной темнице! Радость окрыляла Гериона при этих мыслях. Он уже видел себя первым министром Франциска-Илиана, вернувшегося ко власти, чтобы вершить дела тайного ордена.

Как вдруг речь пророка странно и шокирующе изменилась.

– Но одного вассала я оставил при себе – самого недалекого и алчного изо всех. Я доверял ему менее важные из своих тайн и диктовал письма, представляющие мало интереса. Как я и ожидал, этот глупец принялся во всю прыть торговать моими секретами. Следя за Герионом, верные мне люди выяснили, кто покупает у него мои секреты. Одна ниточка привела к вам, лорд Эммон, другая вывела на моего сы-

на. Остальные нити, будучи размотаны до конца, укажут нам моих и ваших врагов. Используя Гериона, мы сможем впредь кормить их ложными сведениями. Вот потому, ваше величество, я и назвал Гериона своим подарком.

Сложно представить, какая буря взвилась в душе обманутого адъютанта. Злость и обида вскипели в нем, прорвавшись словами:

– Вы должны были освободить меня! Я всего лишь просил избавить меня от клятвы!

Пророк надменно искривил губы и заговорил тоном, более подходящим королю, чем святому:

– Милейший, вы позабыли, что такое вассальная клятва. Полагаете, это контракт, который можно расторгнуть? Вы заблуждаетесь. Я никуда не отпущу вас. Отныне и впредь единственным делом вашей жизни будет – снабжать моих врагов теми сведениями, какими мне будет угодно. И берегитесь, если кто-нибудь заподозрит подвох!

«Будь проклят, жестокий лицемер! – мысленно вскричал Герион. – Пусть накажут тебя боги!» Его нечестивая мольба была услышана.

Заинтересованный долгой речью, Менсон поднялся на ноги и повернулся к пророку. Глазки семян корзо узрели мишень на пророчьем балахоне. Их движение было столь стремительным, что никто не заметил его – лишь Герион. О, нет, теперь он и не подумал кинуться наперерез!

За секунду – прыжок, точка, прыжок – семена настигли

жертву и впились ей в спину.

– Ай, – сказал пророк.

Он попытался почесать поясницу, но не дотянулся. Счел за лучшее забыть странный зуд и обратился к Леди-во-Тьме:

– Теперь, ваше величество, мои симпатии почти целиком на вашей стороне. Мне недостает одного: трактовки первого сна. Может ли тайный орден дать ее? Знает ли опасность, грозящую миру?

Не ведая о том, сколь мало времени отпущено пророку, королева заговорила неспешно:

– Сперва я скажу, что ваша осмотрительность и осторожность, премудрый, достойна высшего уважения. Я не смогла бы доверять вам, если б вы доверились мне слишком легко. Сочтем восемь лет ваших исследований вратами доверия, которые я прошла.

Пророк вновь попытался почесаться, и вновь не достал. Зуд донимал его все сильнее.

– Да, премудрый: мы знаем опасность. Она перекликается и с верою фольгийцев в то, что через триста лет Поларис расколется на части, и с любимой присказкой моего племянника: вещи – не то, чем они кажутся. Я охотно посвящу вас в разгадку сна, но стоит ли говорить сейчас, для лишних ушей?

– Конечно, нет, ваше величество. Я ждал восемь лет, и лишний час ничего не изменит. Сперва решим судьбу Герирона и побеседуем с... да что ж за напасть!

Он согнулся, заламывая руку и терзая спину ногтями. Судорога исказила лицо.

– Вам плохо, премудрый?.. – добрый отец Лорис ринулся на помощь.

– Не беспокойтесь... – пророк попытался разогнуться и не смог. Вскрикнул, скорчился от боли. Священник с трудом удержал его на ногах.

– Позвольте, я помогу, – раздался голос, знакомый Герриону.

Внезапно и тихо, как ночью у гостиницы, за спиной пророка возник жало криболы. Винтообразным движением руки в перчатке он снял с поясницы святого двух пиявок, бросил их в мешочек, который тут же завязал.

– Семена корзо – весьма опасные полуживые растения. Им не место в тронном зале королева.

– Семена корзо?.. – проскрипел пророк.

– Их яд убивает за несколько минут, и защиты не существует.

– Значит, я... я...

– Вы были бы мертвы, премудрый... если бы некто предусмотрительный не проколол отравные пузыри этих семян и не вылил яд.

Жало криболы подмигнул Герриону:

– Ты обманул меня, когда обещал никого не убивать в Дарквотере. А я дал тебе негодное оружие, когда не поверил твоей клятве.

– Постоите, постоите... – пророк не мог поверить, – Геррион хотел меня убить?!

– Ее величество затем и приказала мне присматривать за вами, чтобы уберечь от подобных коллизий. Вы вне опасности, премудрый. Пытаясь почесать место укуса, вы всего лишь защемили поясницу. Позвольте...

Жало криболы уперся коленом в спину пророка и дернул вверх за плечи.

– Ай... – его величество скривился от боли, но тут же просиял. – Боги, как хорошо!

Здесь мы распрощаемся с южанином Геррионом, надеясь, что никто из благородных читателей не станет по нему скучать. По приказу Леди-во-Тьме жало криболы обездвигил его и удалил из теплицы. Дальнейшую его судьбу решит Франциск-Илиан, выбирая между судом и использованием в роли подложного информатора. Зная нрав пророка, можно питать уверенность, что он совершит мудрый выбор.

Мы же теперь обратим внимание на Менсона Луизу – и зададимся обоснованными вопросами: зачем шут явился в Нэн-Клер? Не боится ли расправы за цареубийство? Откроет ли королеве тайну фатального письма, выполненного Ульяниной Пылью? Наконец, остался ли Менсон безумцем, которого мы помним при дворе, или жестокое потрясение оздоровило его душу – подобно тому, как кипящее вино может прервать гниение раны?

С исчезновением Гериона в королевском саду воцарилась приятная тишина, нарушаемая только щебетом птиц и журчанием ручьев. Леди-во-Тьме дала себе и гостям несколько минут, чтобы насладиться идиллией, а затем обратилась к Менсону:

– Милорд, я полагаю, вы имеете что поведать нам.

– Я-то? – переспросил шут. – Имею поведать, это да. Но хочу ли?..

– Как прикажете вас понять?

– Мы тут всякие ваши врата проходили... И так, и этак выкручивались, чтобы болотники нас разглядели получше. Я разок чуть не помер – выпил водички... Но вы-то не проходили мои врата довер-ррия!

Вассалы королевы опешили от подобной дерзости. Лорд Эммон возмутился:

– Как вы смеете, сударь? Понимаете ли, с кем говорите?

– А что не понять-то? Братовой тещи кузина, упертая склочная старуха. Тридцать лет назад познакомились – она и тогда такой была. Отца моего звала дурнем и пустозвоном... А тут еще про какой-то орден толкует. С чего мне ей доверять?

Менсон вприпрыжку подбежал к пророку, весомо хлопнул по плечу:

– Вот этому парню я верю. Он тронутый, но добрый. Подвинулся умом на своих снах – но не скрывает. И говорит с

людьми, а не с платьями. Хоть рвань, хоть грязь – он в душу смотрит. Ему все скажу... А вам – не знаю.

Леди-во-Тьме не утратила спокойствия. Разгладила складки пледа на своих коленях, лизнула сухие губы и осведомилась:

– Что вы хотите услышать, лорд Менсон?

– Да вот, знать хочу... Вы убили императора?!

Все опешили, а Менсон подскочил к пожилой леди, зашипел в ее слепые глаза:

– Прр-ризнавайся! Ты прикончила Адриана? Убила императора – ты?!

Он сдернул плед с ее колен, набросил себе на голову, приподняв край. Изможденное лицо Менсона жутко белело в тени под пледом, глаза багровели огнем.

– А может, еще убьешь? Ты убьешь императора? Ты убьешь? Ты?!

Фольтиец захотел прийти на помощь королеве, испуганной безумцем. Едва он подступил к Менсону, как тот схватил его за грудки, накинуд плед на обе головы – свою и адмирала – и зашипел змеиным голосом:

– Так значит, ты убьеш-шшь императора? Ты убьешь? Ты?..

Адмирал в ужасе попятился, вывернулся из лап шута, а тот накинудся на лорда Эммона:

– Ты убьешь императора! Ты убьешь!

Его тон изменился – казалось, что шут не спрашивает, а

приказывает:

– Ты убьешь Адр-риана! Убьешь имперр-ратора! Ты-ыы!

Вслед за кастеляном, отец Лорис подвергся его нападкам – и тоже попятился, потрясенный и напуганный. Тогда шут взялся за фрейлину королевы – шипя, рыча и требуя убить покойного уже владыку. Бедная женщина заорала, чтобы стража пришла на помощь и утихомирила безумца. Но тут Менсон охнул и померк, будто угасло в нем внутреннее пламя. Он шепнул: «Никто из вас?..», – выронил плед, осел на траву и разрыдался.

– Помогите мне... – выдавил сквозь слезы. – Помогите найти того...

Отец Лорис нагнулся над ним, пытаясь успокоить, а лорд Эммон робко высказал догадку:

– Ульянина Пыль?

– У!.. У!.. Уууу!.. – завыл Менсон и задрал рукав. Все увидели те самые шрамы от зубов, которые прежде потрясли Герриона.

– Письмо с Пылью вынудило вас? – уточнил лорд Эммон.

– Уууу... Найдите того, кто послал... Вот зачем я... здесь...

Известие произвело неизгладимый эффект. Если Менсон и подозревал кого-то из присутствующих в авторстве письма, то теперь любые подозрения улетучились. Все были оглушены известием.

– Атака Ульяниной Пылью! – кричал лорд Эммон. – В

Альмере! В тот же день, когда рухнул мост! Вы понимаете, что это значит?

– Северянин – серповка! – отвечал фольтиец. – И сам не знает, чья!

– Приарх сбился с пути, – шептал отец Лорис. – Да спасут его боги...

– Не просто сбился, но владеет Тайной! План рушится, Древо шатается!

– Бездонный Провал! Премудрый прав: мир падает в бездну!

– У нас нет трехсот лет. Все рухнет за считанные годы!..

Шут Менсон, невольно поднявший переполох, забыл плакать и с интересом наблюдал сцену. Франциск-Илиан тоже обратился во внимание – ведь нечасто увидишь благородных дворян в столь единодушной панике.

– Змей становится слишком силен! Мы должны применить крайнее средство!

– Но тогда сами уподобимся змею...

– Мы обязаны! Древо дает трещину! Сон пророка предвещает гибель Древа!

Леди-во-Тьме сухо хлопнула в ладоши:

– Довольно. Я не потерплю хаоса. Не случилось ничего сверх того, что ожидалось.

– Разве ваше величество не видит – змей погубит Древо! Наш долг...

– Следовать плану, как и прежде, – холодно молвила ко-

ролева. – Второй из Пяти допустил своеволие. Этого не повторится. Все пойдет своим чередом. Дерево будет расти.

– Ваше величество, Семнадцатый Дар все изменил! Змей родился и набрал силы!..

Леди-во-Тьме презрительно цокнула языком.

– Все вы так слепы – вероятно, потому, что слишком верите глазам. Змей ничего не значит для Древа. Семнадцатый Дар изменил лишь одно: он приблизил день Спасения. Мы пойдем на крайние меры, когда они перестанут быть крайними.

Никто не решился возразить. Менсон и Франциск-Илиан даже не поняли, о чем идет речь, и обменялись взаимно сочувствующими взглядами. Трое врат, напротив, поняли очень хорошо и, видимо, не были согласны с Леди-во-Тьме – однако приняли ее волю:

– Повинуемся, ваше величество. Дерево будет расти.

– Лорд Менсон, – сказала королева, – ваша история убедила меня в одном: следует встретиться с северянином и с тою, что зовет себя Несущей Мир. Я совершу поездку в столицу. Премудрый, лорд Менсон, составите ли мне компанию?

Пророк согласился охотно, а Менсон – после долгих колебаний. Издавая отвратные звуки – кррак-кррак, вжик-вжик, хррьась-хррьась – он весьма наглядно изобразил, как императорские палачи пилят его на части за цареубийство. Леди-во-Тьме поклялась, что засвидетельствует перед владычицей его невиновность, а Франциск-Илиан процитиро-

вал труд Праматери Юмин «Справедливость и действие», в котором описывался эффект Ульяниной Пыли. Сама Праматерь правосудия утверждала, что человек, совершивший преступление под действием Пыли, не может считаться виновным. Ни Минерва, ни северянин не посмеют оспорить слова Праматери.

Менсон принял доводы и согласился.

Спустя несколько дней Леди-во-Тьме и Франциск-Илиан со своими свитами пустились в долгий путь.

По дороге Франциск-Илиан вступил в тайный орден и поклялся блюсти его секреты. После ритуала посвящения Леди-во-Тьме открыла два величайших секрета ордена: какое Древо возвращают братья, и какой раскол грозит Поларису через триста лет, если Древо не скрепит мир своими корнями.

Невзирая на всю мудрость и опыт, Франциск-Илиан был потрясен до глубины души.

Полагаем, несмотря на риск потрясения, читатель тоже хотел бы узнать секреты. Но претендовать на эти знания может лишь тот, кто дал клятву верности ордену. Давал ли ее читатель?.. Боимся, что нет.

Хочу пони

*Декабрь 1774 г. – февраль 1775 г. от Сошествия
Алеридан, Эвергард*

Будь хорошей девочкой, и тебя все полюбят. С любовью получишь все, чего захочешь. А без нее будет плохо.

Лаура завтракала с братом. Крохотной ложечкой выедала сердцевинку яйца всмятку, стараясь не задеть белок. Офицер императора ворвался в столовую, гулко распахнув дверь.

– Милорд и миледи, собирайтесь, нужно немедленно идти.

– Почему? – спросил Джереми.

– Необходимо покинуть город.

– Что случилось? – не унимался Джереми.

Он всегда так: спорит и спорит вместо того, чтоб сделать как просят. Лаура напоследок облизала ложечку, покорно встала, подставила плечи, чтобы служанка накинула мантию.

– Мы готовы, сударь.

Офицер глянул с благодарностью, что Лаура не доставила хлопот. Она ответила вежливым кивком. Она всегда знала, чего от нее ждут.

– Так то же случилось? – Джереми взялся за свое позже, в карете. Колеса так гремели, что ему пришлось кричать.

– Говорят... Еще не проверено... – офицер замялся. Лау-

ра ясно видела, что вопрос ему неприятен. Почему Джереми этого не видит? – Говорят, владыка Адриан погиб.

– Как погиб?!

– Поезд рухнул с моста через Бэк.

– Какой ужас! – Лаура прижала к лицу ладошки.

– Ужас, миледи, – согласился офицер.

– Теперь северянин победит... – выронил Джереми.

– Как ты можешь! – напустилась на брата Лаура, хотя по лицу офицера поняла: Джереми прав, северянин победит. Ее, Лауры, жених занял столицу, захватил престол и наденет на себя корону.

– Возможно, милорд, – выдавил офицер.

Неожиданно резко карета встала. Послышались голоса, шаги. Офицер откинул шторку, чтобы видеть. Четверо гвардейцев императора, обнажив мечи, закрывали экипаж от тех, других. Тех была дюжина, пятеро держали взведенные арбалеты. Командовал ими монах в синем капюшоне.

– Мы знаем: вы везете детей, – заговорил монах так низко, зычно, что голос легко проник в карету. – Его преосвященство приглашает юных господ к себе в гости. Прошу вас, передайте их нам.

Офицер напрягся, стиснув зубы до скрипа. Он не знал, что делать: драться за мертвого императора или отдать тех, кого должен защищать? Джереми тоже растерялся – весь побелел, сжался от испуга. А вот у Лауры не возникло сомнений: нужно быть хорошей. Это легко.

Она раскрыла дверцу и подошла к монаху:

– С радостью принимаем приглашение его светлости. Для нас это – большая честь.

За ее спиной шумно выдохнул офицер.

Будь хорошей, чтобы тебя любили. Отец учил ее этому, а больше – дед. Лаура была хорошей, и дед баловал ее как никто другой. Это дед Генри позвал ее весною и сказал:

– Мое золото, я нашел тебе жениха.

Он сиял от радости. По одному его виду Лаура поняла, что жених прекрасен, и наполнилась сладким предвкушением.

– Кто он?

Дед назвал имя. Лаура почти не знала Эрвина Ориджина. Видела дважды, и то мельком. Дед сказал: он умен, как Светлая Агата. Дед сказал: не жесток, как иные северяне. Сказал: интересен, с тонким чувством юмора. Тебе будет с ним тепло и весело, мое золото. Но главное – он Ориджин, будущий герцог Первой Зимы. Твой сын тоже станет герцогом Первой Зимы! Властителем Севера, полководцем лучшего войска на свете!

Дед не мог усидеть от восторга – расхаживал по комнате, смеялся, потирал руки. Лаура была довольна, что доставляет ему столько радости без малейших усилий – лишь улыбкою и словами: «Да, милорд. Так и будет, милорд!» Впрочем, позволила себе задать вопрос, который сильно ее волновал:

– На Севере будет очень холодно?

Дед рассмеялся:

– Тебе не придется жить на Севере! Сам Ориджин не любит Север, он то и дело ездит в столицу. Купит тебе шикарный дом в самом центре Фаунтерры, с видом на Ханай и дворец! Каждый день ты станешь бывать при дворе! Пить чай с императором, танцевать с великими лордами, сидеть на лучшем месте за любым столом!

– И у меня будет много платьев? – дополнила Лаура.

– Ха-ха! Ты будешь носить лучшие платья в Фаунтерре! Аланис Альмера за год состарится и умрет от зависти! За полгода!..

Лаура задумалась, наморщив носик.

– Милорд, когда я рожу сына, лорд-муж захочет, чтобы сын вырос на Севере. Он ведь должен стать кайром и полководцем. Мне придется уехать в Первую Зиму.

– Всего лишь на пару лет... Но и это не беда. Только взгляни, мое золото!

Дед раскрыл книгу, приготовленную заранее. То был альбом «Замки Полариса» – очень дорогой и красивый. Страница ударила в глаза ослепительным лазурным цветом. Озеро – кристально чистое, безупречно прозрачное, искристое, как миллион алмазов. В родной засушливой Надежде Лаура никогда не видела подобного. А над озером возвышался замок – громадный, многоугольный, похожий на лабиринт из стен и башен. Он был излишне угрюм на вкус Лауры, зато величав и неприступен. Никто не обидит хозяйку такого замка.

– Это Первая Зима, – сказал дед Генри.

– Я знаю, – ответила Лаура, погладив страницу. Никто другой не делал ей таких подарков, как дед!

– Но ты должна быть хорошей.

– Конечно, милорд.

– Северянин хочет, чтобы ты разбиралась в науках. Он весьма образован и будет стыдиться любого признака твоего невежества.

– Я выучу все, что нужно, милорд.

– Он также требует, чтобы ты освоила живопись и поэзию.

Я найму тебе наставников.

– Скоро они смогут гордиться моими успехами.

– Ориджин просил меня обучить тебя игре в стратемы.

– Милорд, я всегда мечтала ее освоить.

Герцог Генри Фарвей потрепал золотые кудри внучки:

– Ты – мое сокровище!

– Я буду хорошей, – пообещала Лаура, поглаживая рисунок Первой Зимы.

* * *

Морозным декабрьским вечером Лаура въезжала в ворота другого замка, непохожего на Первую Зиму, хотя столь же неприступного. Три ряда стен Эвергард окольцовывал верхушку холма, острыми шпильями царапал облака. Кровли башен краснели свежей черепицей, донжон блистал мозаи-

кой, столь огромной, что она виднелась над стенами замка.

– Как здесь роскошно! – ахнула Лаура.

– Как ты глупа, – с презрением выронил Джереми.

Лаура давно привыкла к грубостям брата. Рассеянно обронила то, что должна отвечать леди в подобных случаях:

– Благодарю за оценку, милорд.

Брат ухватил ее за плечо и прошептал прямо в ухо:

– Совсем ничего не понимаешь? Мы – заложники, нас привезли в темницу! Нами будут шантажировать деда!

Лаура нарочито внимательно разглядывала мозаику. Рыцарь склонял голову перед Светлой Агатой. Волосы Праматери текли водопадом золота, доспехи воина сверкали серебром, рубинами багровели гербы... Очень красиво!

Но странное дело: над нижним двором Эвергарда ползли клубы дыма. Лаура вспомнила огненную атаку на замок и вздрогнула: неужели до сих пор горит?! Нет, что за чушь – несколько месяцев прошло! Эвергард уже почти восстановили, лишь несколько построек стояли в лесах. Однако во дворе, несомненно, что-то горело: дым шел отнюдь не из трубы.

Въехав в первые ворота, карета вынужденно сбросила скорость. Эвергард служил резиденцией не только герцога, но и главы Церкви. Его нижний двор был открыт для простого люда: просителей, паломников, искателей защиты и благословения. Сейчас тут собралась прорва народу. Толпились вперемешку мастеровые и слуги, торговцы и бедняки, монахи в синих сутанах и воины в плащах со священными спи-

ралями. Из окна высокой кареты Лаура смотрела поверх голов и легко нашла место, откуда поднимался черный дым. На каменном помосте высочил столб, обложенный поленьями. Дрова полыхали, языки пламени тянулись к небу. Сквозь огонь Лаура не сразу рассмотрела нечто темное – уродливый нарост на столбе. Поняв, что видит, Лаура ахнула от ужаса. То было человеческое тело, цепями прикованное к столбу, обугленное уже до неузнаваемости. От трупа шел черный маслянистый дым.

– Они... сжигают мертвеца? Как западники?.. – спросила Лаура в жалкой надежде. Ах, если б мертвеца!..

– Курица. Живого они жгут, – голос Джереми сел от испуга.

Лаура хотела закрыть глаза, но не могла. Глядела на жуткие эти останки, и все во дворе тоже глядели. Слуги и мастеровые, бедняки и торговцы...

– Когда человек сгорает заживо, то умирает не от жара, – зачем-то сообщил брат. – Огонь и дым заполняют легкие, и человек задыхается, а уж потом сгорает все тело.

Зачем он это сказал? Хотел успокоить сестру или похвастаться знанием? Лауре ничуть не стало легче: теперь она думала, каково это, когда в твои легкие врывается пламя.

Наконец, экипаж пробился к винтовой дороге, а по ней въехал на верхний двор.

– Простите за задержку, юные господа, – сказал монах, открыв дверцу экипажа. – Теперь путь расчищен, вы можете

пройти в свои покои.

Идя к гостевому дому, Лаура думала: быстро ли разгорелся костер? Сколько минут несчастный был еще жив в огне?.. Монах заметил ее волнение и счел нужным пояснить:

– Состоялась казнь еретички и ведьмы. Она оскорбила веру черным колдовством. Его светлость лично судил ее. Тело ведьмы погибло в муках, зато ее душа вознеслась на Звезду, очищенная огнем.

– Благодарю, сударь, – выдавила Лаура.

«Всегда будь хорошей», – учила Лауру мать. Ведьма не умела быть хорошей.

Монах – его звали Клемент – проводил детей в их спальни. Комнаты оказались смежными, обе двери выходили в один коридор, где дежурила стража.

– Его преосвященство очень занят делами и примет вас позже. Я пришлю прислугу. Скоро вас пригласят к ужину.

– Вы очень добры, – ответила Лаура и сумела улыбнуться монаху.

Лакей принес багаж, прилежная служанка помогла с переодеванием и расчесала золотые кудри юной леди. Оставшись, наконец, в уединении, Лаура тут же прилипла к окну. Нужно было убедиться, что эту штуку, эту вещь сняли со столба и убрали куда-то. Ведь пока она – оно – там, Лаура не сможет ни спать, ни даже думать о чем-либо, кроме ужаса.

К счастью, из ее окна нижний двор не был виден. Взгляду

открылся верхний двор, опоясанный гранитом. По галереям расхаживали часовые со спиралями на плащах, такие же стояли у многих дверей, выходящих во двор. Тут и там темнели капюшоны монахов. Смирненные братья неторопливо шли по своим делам, либо прогуливались по двору, наблюдая за всем происходящим. Двор ограждала стена, за нею был средний двор, огражденный стеною пониже, а дальше – еще один, уже недоступный глазу... Теперь Лаура не только понимала умом, но и сердцем чувствовала, насколько прав был брат. Они оказались в темнице, сбежать из которой невозможно.

Она едва успела избавиться от тошноты, как пришло время ужина. Монах Клемент проводил Лауру и Джереми в трапезную, где за столом их ждал бледный грустный мальчик.

– Его преосвященство желает познакомить вас. Юные леди Лаура и Джереми Фарвей. Юный лорд Альберт Аделия Абигайль, законный наследник герцогства Альмера.

Альберт уступал возрастом и Джереми, и Лауре, а от худобы выглядел еще моложе – как те куклы, у которых огромная голова да глазищи, а тельца почти нет. Он выдавил слова приветствия и предложил гостям разделить с ним ужин. Джереми взялся за еду (он, видимо, уже вполне оправился от ужаса), а Лауре комок не лез в горло. К счастью, лорд Альберт едва ковырял в тарелке, и Лаура сумела выдать недомогание за вежливость.

– Простите, милорд, у меня почти нет аппетита.

– У меня тоже, – вздохнул Альберт. – Это плохо. Дядя говорит: нужно есть с аппетитом...

– Наверное, вас мучает известие о гибели владыки?

– Простите, миледи?..

Альберт похлопал глазами. Его мучило, конечно, зрелище недавней казни, но Лаура сочла бестактностью упоминать такое за столом.

– Вы правы, миледи, – вмешался монах Клемент, – лорда Альберта крайне опечалила трагическая новость. Как и всех нас.

Джереми не то хохотнул, не то хрюкнул с набитым ртом. И Альберту, и Клементу это не понравилось, Лауре стало стыдно за брата, она поспешила сменить тему:

– Как прекрасно, что мозаика Светлой Агаты не пострадала от огня.

– Боги защитили ее, – кивнул Клемент. – Иного не стоило и ждать.

Лорд Альберт заговорил о мозаике и о самой Агате, потом о наступающем празднике, потом о чем угодно, лишь бы не стояла тишина. Видимо, в тиши его страхи набирали сил. Желая проявить участие, Лаура спросила, как спится Альберту. Мальчик побледнел сильнее прежнего, хотя это казалось невозможным. Промямлил:

– Боги не шлют мне сновидений, миледи. Я сплю крепко и встаю очень бодрым.

– Как я вам завидую, милорд! А меня часто терзают кош-

мары, но они отступают, если зажгу свечу и выпью молока с медом.

Альберт поблагодарил за рецепт, который, конечно, вряд ли пригодится, ведь он так хорошо спит каждую ночь.

После ужина стали пить чай. Для этого перешли в другую комнату, где играл клавесин.

– Дядя говорит: для души полезно послушать перед сном священную музыку...

Монотонная мелодия и горячий чай разморили всех троих, юный Альберт не сдержался и зевнул. Джереми усмехнулся:

– Милорд, вас клонит в сон от святости? Будьте спокойны: меня тоже.

Альберт быстро мотнул головой:

– Нет, милорд, что вы, это случайность.

– Просто в комнате очень душно, – Лаура тоже зевнула, прикрыв рот рукою. – А музыка удивительна! Надеюсь, завтрашним вечером мы снова услышим ее.

Когда чаепитие окончилось, Джереми предложил выйти прогуляться во дворе. Лаура удивилась:

– Разве не видишь, что я не одета?

– Ты сама жаловалась на духоту – вот и освежишься. Не волнуйся, не замерзнешь за пять минут.

Монах Клемент, конечно, вышел с ними вместе. Верхний двор Эвергарда был залит искровым светом и почти пуст. Мастерские уже окончили работы, да и монахов не видеть:

из замковой часовни лился певучий речитатив – служили вечернюю. Лишь часовые все так же стерегли галереи и двери. Джереми расспросил Клемента о каждой постройке и получил ответы. Главное здание – там покои его преосвященства и прим-вассалов. Башня стражи с мостиком арбалетчиков. Часовня. Конюшня. Склад с водяной цистерной. Гостевой дом, смежный с хозяйским. Ворота в средний двор – но вам не стоит выходить, юные господа, там небезопасно из-за строительных работ... Джереми ткнул сестру под ребро: нас не отпустят даже в соседний двор, о свободе и мечтать не приходится. Но Лаура хотя бы нашла широкую бойницу, из которой хорошо были видны оба нижних двора: нельзя выйти – так хоть насладиться видом. Она вздрогнула, заметив кое-что. Там, где утром полыхал костер, теперь снова возвышался столб. Он же сгорел вместе с трупом, разве нет?! Но столб был на месте, даже груда поленьев под ним!

– Брат Клемент, я не могу понять... Почему все это снова здесь?..

– В назидание, миледи. Церковь Праотцов не имеет жалости к тем, кто попрал заповеди и надругался над верой. После наказания еретика немедленно возводится новый столб – как предупреждение людям.

Теперь Лаура заметила две пары цепей на столбе: одни у основания, другие – на уровне рук стоящего человека. В отличие от столба и поленьев, цепи не были новы, а чернели копотью. Святая Агата, их же сняли с покойницы!.. Лау-

ра отвернулась, холодея. Хотела немедленно поклясться, что всей душой отдана Праматерям и никогда не нарушала заповедей, и брат – тоже (хотя последнее и было ложью). Но резкий звук отвлек ее внимание.

Двери главного здания громко распахнулись, оттуда юркнула во двор странная фигура. То был монах в балахоне, но не синем, как у Клементя, а черном. Он шел, скособочась, выставив правое плечо и отклонив левое, еще и прихрамывал на левую ногу. Потому казалось, что монаха сносит в сторону, хотя шел он напрямиком через двор. Лаура поняла ошибку, когда черный человек уже приблизился к ней и явно не собирался сворачивать. Она отшатнулась, уступая дорогу, но сделала замечание:

– Сударь, осторожнее, вы чуть не сшибли меня.

Монах зыркнул на нее из темени капюшона, сверкнул зрачками и вдруг заревел:

– Ы-ыыы! Ы!.. У!.. У!.. Ууууу!

Лаура в ужасе отпрыгнула, спряталась за спину брата.

– Простите, миледи, – сказал Клемент, – он просто немой.

– У... У... – согласился черный монах и двинулся дальше.

– Вот курица, – ужалил сестру Джереми.

* * *

Джереми старше Лауры на два года. Он похож на отца и уверен, что знает все на свете. Он не старается быть хоро-

шим, иногда даже наоборот – гордится тем, как умеет быть плохим.

– Северяне нищи, – говорил он сестре тогда, весною. – Думаешь, будешь ходить в золотых шелках? Ха-ха! За Ориджинами столько долгов, что хватит купить город!

– Мой жених – великий полководец, – возразила Лаура. Джереми рассмеялся:

– Да он меча в руках не держал! Об этом вся столица знает!

– Он – внук Агаты. Лишь Агата может понять Агату.

Лаура думала, что дала острый ответ: пускай брат попробует найти себе невесту агатовской крови, да еще такую знатную, как Эрвин Ориджин! Но Джереми презрительно скрипелся:

– Вечно забываю, сестричка, что ты веришь в эту чушь.

Впрочем, осенью брат забыл о насмешках. Северянин объявил войну владыке и один за другим брал города. Громадное войско Южного Пути оказалось бессильно против него, как стая хорьков – против тигра. Имперский генерал Алексис бросил в атаку искровые полки и обратил северян в бегство, но двумя сутками позже сам оказался разбит. Лаура не могла не думать: если Ориджин победит, то, наверное, сядет на трон. И тогда она, его невеста, окажется... императрицей?... Лаура очень старалась быть хорошей. Заучивала наизусть поэмы и сонеты, спала в обнимку с трактатом по истории, каждый день брала уроки стратем. Странно, но

отец был зол как Идо, а дед – хмур и тревожен, а брат – ядовит, как никогда прежде. Застав сестру с учебником стратем, он жестко высмеял ее:

– Боги, ты глупа, как гусыня, которой дятел выклевал мозги! Закрой книгу! Ни эта, ни другая, ни все книги мира не наполнят тебя умом!

– Сударь, благодарю за оценку, – бросила Лаура. Она почти не слышала брата, погрузившись в мечты о прекрасном женихе и тронном зале.

– Адриан покончит с шаванами, вернется в столицу и вздернет твоего женишка. Ориджин в западне – имей ты хоть унцию мозгов, поняла бы! А потом Адриан приедет к нам в Сердце Света и вздернет тебя заодно с дедом. Каждый шакал протекции давно знает, что ты помолвлена с мятежником!

На сей раз Джереми ошибся незначительно. Владыка действительно приехал в Сердце Света, и даже раньше, чем покончил с северянином. Лауру и Джереми вызвали к нему. Она видела, каким бледным и жалким был дед, слышала, как мямлил Джереми, путаясь в словах. Оба боялись. Она не винила их – нет ничего плохого в страхе. Но сама Лаура его не испытывала. Владыка гладил ее по затылку и шее, рука была тяжелой, крепкой и одновременно – ласковой. Лаура чувствовала: Адриан – сильный мужчина. Ей нечего бояться, сильный мужчина ни за что не обидит леди... если она будет хорошей. Лаура умела быть хорошей. Уж это она умела в совершенстве.

Часом позже дед, едва отойдя от испуга, говорил ей:

– З...золото мое... прости, но так нужно... Твоя помолвка расторгнута, мы посылаем войска против Ориджина... Тебе и Джереми придется поехать в столицу. Вы побудете с императором, пока северянин не умрет... Владыка не обидит вас, не бойся, все будет хорошо.

– Я знаю, милорд, – честно ответила Лаура.

В поезде из Сердца Света она испросила разрешения наливать чай императору, и тот оказал ей такую честь. Она задала вопрос о его победе над шаванами, поскольку знала нравы сильных мужчин: они обожают говорить о своих успехах. Адриан описал обманный маневр в битве под Мелоранжем и одарил ее улыбкой. Лаура сказала:

– Не будет ли ваше величество столь добры, чтобы проиллюстрировать ход войны на стратегном поле?

Она думала: если Эрвин Ориджин так любит стратегии, то, возможно, и владыка тоже?..

– Вы – прелестное дитя, миледи, – Адриан снова погладил ее. – Сейчас я ограничен во времени. Охотно удовлетворю ваше любопытство в следующем поезде.

Но в императорском составе из Алеридана в Фаунтерру для заложников не нашлось места. Когда поезд рухнул с моста, Лауры и Джереми в нем не было. «Теперь северянин победит», – со злобой сказал брат. Он даже не порадовался, что остался жив, – так был расстроен своею ошибкой. Лауру печалило лишь одно: что дед успел перескочить на сторону

владыки.

– Его преосвященство Галлард, приарх Праотеческой Церкви, регент герцогства Альмера.

Когда он принял их, стоял полдень. Зимнее солнце било в стекла, во дворе стучали молотки и скрипели лебедки. Закрывшись от света и звука тяжелой шторой, приарх восседал в кресле. Он был угрюм, нестигаем, суров, как скульптура над могилой полководца. Глаза чернели впадинами, каменная челюсть выдавалась вперед, глубокие морщины бороздили лицо.

Клемент встал на колени, чтобы поцеловать перстень приарха. Лаура на всякий случай попыталась сделать то же.

– Тебе не следует, – отрезал Галлард. – Ты же не имеешь духовного сана?

– Нет, милорд.

– Тогда приветствуй меня, как подобает леди.

Она сделала реверанс, Джереми отвесил поклон.

– Садитесь.

Они заняли предложенные стулья и оказались на голову ниже Галларда. Клемент безмолвно встал за спиною приарха, сложив руки на животе. Галлард выдержал долгую паузу, затем хмуро заговорил:

– Времена меняются. Перемены падают на мир одна за другой, будто проклятья. Что сделать, чтобы противостоять им?

Лаура не решилась ответить: леди лучше промолчит, чем скажет невпопад. Джереми произнес:

– Владыка Адриан погиб.

– Боги наказали его за дерзость и поспешность! Но также наказали всю державу, забросив на вершину тех, кому не полагается там быть. Да будет вам известно, что вчера, по согласию с лордом Ориджином, на трон взошла Минерва Стагфорт – невежественная, взбалмошная девица с крайнего севера. Разве сможет пигалица удержать бразды власти?! Империя в смятении. Шатаются устои, трещины бегут по фундаменту, на котором зиждется благо подлунного мира. Что может сделать добропорядочный человек?

Лауре показалось, что вопрос не требует ответа, однако Джереми сказал:

– Милорд, вы пошлете войска в столицу? Хотите объединить усилия с армией Надежды и сбросить Минерву? Мой отец...

Джереми умолк, когда приарх впери́л в него ледяной взгляд.

– Война окончена, юноша. Ваши отец и дед могли вмешаться раньше, но промедлили, упустив момент. Их порочные мотивы ясны: сыграть на обе стороны, никого не прогневать, остаться невредимыми при любом исходе. Вильгельм Великий писал: решающий момент дается, как испытание. Кто любим богами, тот наберется смелости и примет решение; кто ничтожен, тот промолчит.

– Но ваша светлость...

Джереми хотел сказать: «Ваша светлость и сами стояли в стороне», – но запнулся, прикусил язык.

– Желали высказаться, юноша?

– Нет, милорд.

– Хорошо. Итак, война ушла в прошлое. Однако можно ли построить прочный мир на фундаменте раскола и хаоса? Ответ ясен любому, кто не лишен рассудка. Что можно сделать, чтобы скрепами порядка остановить хаос и не дать рухнуть последним опорам государства?

– Вы предлагаете союз между Альмерой и Надеждой? – сообразил Джереми. – Прекрасная идея, милорд! Мои отец и дед...

– Я просил вашей оценки, юноша?

– Нет, милорд. Приношу извинения...

– Свое место в мире прими с достоинством, – процедил Галлард. – Постыдно, что приходится напоминать первую заповедь Праотцов. Ваше – место ученика, а не наставника. Не вам оценивать мою политику, юноша. Вам лишь дается честь узнать о ней.

Приарх перевел дух и добавил:

– Да, я предлагаю союз Великому Дому Фарвей. Будучи вместе, центральные земли выстоят в любую бурю, а к ним, как к надежному оплоту, примкнут со временем и остальные.

Теперь Джереми хватило ума молча поклониться. Приарх

Галлард внушал Лауре страх, но все же порадовал тем, как приструнил ее брата.

– Вам следует понять, что с победой Ориджина Дом Фарвей оказался в опасном положении. Мне известно о бывшем вашем союзе с лордом Эрвином и даже о брачном договоре.

Галлард полоснул взглядом Лауру.

– Известно мне и то, что ваш дед послал четыре роты на штурм дворца. Лорд Эрвин, разумеется, принял это как расторжение союза. Теперь ему стоит щелкнуть пальцами, чтобы свалить вас. Другие Великие Дома правят своими землями много поколений; даже одержав победу над ними, северянин не смог бы порвать цепь традиций. Но вы, Фарвеи, стали герцогами жалких двадцать лет назад! Ваши вассалы еще помнят себя под властью Лайтхартов – многим было хорошо в то время. Наследники Лайтхартов еще грезят былым величием, а Флеймы сочувствуют им. Если Ориджин поддержит притязания Лайтхартов, власти вашего деда придет конец.

Лаура знала: именно по названной причине – из-за нестойкости положения – дед и послал в столицу злосчастные четыре роты. Не сделай он этого, Адриан уничтожил бы Дом Фарвей с еще большей легкостью, чем Ориджин. Кто же знал, что владыка внезапно погибнет...

Джереми осторожно произнес:

– Ваша светлость, Дом Фарвей с радостью заключит союз.

– Не сомневаюсь, – бросил приарх. – Ровно так же, как весной заключил союз с Ориджином, а затем переметнулся

к императору. Я не удовлетворюсь честным словом, юноша. Мне требуются более весомые подтверждения.

– Вы не отпустите нас?

Галлард оставил его без ответа и впервые нацелил тяжелый взгляд в лицо Лауре. По ее спине прошел холодок.

– Как вы находите лорда Альберта, юная леди?

– Он... – Лаура знала, что нужны лестные слова, но на ум пришло лишь то, что она сама чувствовала в эту минуту: – Он выглядит напуганным.

Приарх искривил губы:

– К несчастью, вы правы. Малодушие – ужасный порок для мужчины. Но Праотец Максимиан говорил: любовь женщины способна исцелить сей недуг. Альберт слишком юн для конфирмации брака, но в состоянии принести супружескую клятву и принять поток любви, так ему необходимой.

– Да, ваша светлость, – сказала Лаура.

– Советую вам поладить с ним, юная леди. Прислушайтесь к его нраву, поймите его потребности. Что до вас, юноша...

Галлард повернулся Джереми, и Лаура ощутила, как брат вздрогнул.

– Составьте отцу письмо, изложите ситуацию такую, как видите. Будьте тщательны. В ваших интересах, чтобы отец сделал верные выводы.

Галлард Альмера изрядно пугал Лауру. Но в меньшей степени боялась она за себя, куда сильнее – за брата.

Беда в том, что Джереми – вольнодумец. Он перенял от отца и взгляды, и само это словечко. Означало оно следующее: брат Лауры не верил в Праматерей.

Лаура долго силилась понять: как не верить, если они есть? Не верить можно во что-то такое, чего не видно глазами: например, в Духа Степи или колдунство болотников, или что в Запределье живет Темный Идо. Но Праматерей с Праотцами все видели на портретах и иконах, и в книгах про них сказано, и сами они написали кучу книг. Отрицать их – как оспаривать факт, что Сердце Света обнесено стеною!

Джереми пояснял: конечно, были какие-то люди. Семнадцать барышень и сотня мужчин, которые возвели Фаунтерру и установили первую династию. Но кто сказал, что они пришли из царства богов? Кто сказал, что они – святые?! Посуди сама! Прародители были смертны? Да. Они создали мир? Нет. Они творили чудеса? Только с помощью Предметов. Но это знак святости Предметов, а не Праматерей!

Лаура терялась. Как – не святые?.. Все же знают... Праматери – носители мудрости. Они создали великое государство, принесли самый лучший закон и порядок. Они были образцом всех добродетелей. Предвидели будущее, наконец!

Джереми смеялся, наслаждаясь превосходством своего ума. Лучший закон и порядок – лучший чем что? Мы же не знаем тех законов, что были до Праматерей. Как сравнить-то?! Образцы добродетелей – вот наивность! Они же, Праматери, и навязали нам именно эту мораль. По их мерке мы оцениваем людей – вот Праматери и выходят образцами. Но, может, в другой морали не нужно было бы усердно трудиться и помнить свое место под солнцем? Мы жили бы в лени и праздности, а боги просто так давали бы нам все – разве это не было бы лучше?!

Лаура терялась в мудреной философии и отвечала тем единственным доводом, который хорошо понимала. Праматери видели будущее. Агата предсказала кучу всяких вещей! Искру, например.

Джереми хохотал: да почему ты это знаешь? Агатовские лорды и теперь хвалятся даром ясновидения – вон, мол, Ориджин предсказал ходы Серебряного Лиса. Но это всего лишь расчет! Ты сама – агатовка. Что, многое можешь предвидеть? Три дня искала рукавичку, а потом нашла в собственном кармане!

Но книги! – восклицала Лаура. – В них же все изложено! Агата еще когда написала про искру – а сбылось через тысячу лет!..

Брат легко громил ее доводы: священные книги то и дело переписываются. Не Праматери предвидели открытия, а церковники вставляли открытия в книги позже, по мере раз-

вития науки. В нынешних священных текстах вряд ли есть хоть десятая часть того, что действительно писали Праматери!

Но люди же верят... – с горечью шептала Лаура. Почему-то ей было очень обидно. Она, как и мать, гордилась ага-товской кровью.

Х-ха! – добивал Джереми. – Потому и верят, что не имеют доказательств! А если бы вместо веры подумали головой, то поняли бы простую истину: Прародители – никакие не святые, а кучка царедворцев. Подмяли под себя древний мир, установили монархию и объявили себя божьими посланниками! Адриан сделал бы то же самое, если бы поезд не рухнул с моста!

Лаура была младше и не так изворотлива умом, и знала к тому же: хорошая сестра не спорит с братом. Скоро она отказалась от дискуссий, приняв правоту Джереми, привыкла поддакивать. Да и куда бы она делась? Отец-вольнодумец гордился дерзостью сына. Дед придерживался традиционных взглядов, но уважал гибкость ума, потому тоже нахваливал Джереми. Даже находил политическую выгоду: если вольные взгляды распространятся, то Церковь и Корона утратят часть влияния, а значит, усилятся Великие Дома. Вон в Степи, где не поклоняются Праматерям, император и Церковь значат мало, а власть имеют ганты и вожди... Так и пошло, что Джереми считали умным и смелым, будущим великим политиком, а Лауру – милой глупышкой.

Так было в Сердце Света. Но теперь – Эвергард. Лаура

подозревала, что здесь вольные речи – надежный способ попасть на костер. Лаура должна быть хорошей, а хорошая сестра заботится о брате.

– Давай помолимся, Джереми, – говорила Лаура пять раз в день.

Брат не знал молитв Праматерям, почитая их за суеверия. «Я молюсь только богам, и не напоказ. А доисторическим интриганкам пусть поклоняются идиоты!» Лаура тряслась от ужаса: что, если архиепископ вызовет Джереми и велит прочесть хоть одну молитву Праматери или Праотцу? Брат никак не сумеет скрыть еретическое невежество! Нужно скорее обучить его нескольким молитвам.

Лаура виделась с Джереми пять раз в день: при трех трапезах и двух прогулках. Но всегда рядом был монах Климент, а иногда и лорд Альберт. Если обучать брата у них на глазах, они все поймут. Так что Лаура прикрывала учебу благочестием.

– Давай помолимся, Джереми, – говорила она при каждой встрече и выбирала одну из трех молитв. Утром – «Укрепимся трудами», парадную молитву Церкви Праотцов, при завтраке и ужине – благодарность Агате, а за обедом и перед сном – «Слово к Семнадцати», обращение ко всем Праматерям разом.

Чтобы Джереми хорошо все запомнил, он должен был не только слушать, но и повторять. Так что Лаура немножечко

хитрила:

– Братец, можно, я буду первая, а ты за мною исправишь, если ошибусь? Хочу проверить, как я знаю.

И вот они бродили кругами по верхнему двору Эвергарда либо восседали за столом, чинно сложив руки перед грудью, и Лаура декламировала строку за строкою:

– Благодарю тебя, Мириам Темноокая, за счастье любви и сердечную радость; и тебя, Янмэй Милосердная, за науку и наставления; и тебя, Софья Величаявая, за здравие родителей и их заботу...

Джереми вынужденно повторял – не мог же он при Клементе отказаться от молитвы. Монах одобрительно кивал, юный лорд Альберт, если был рядом, присоединялся к хору. Лаура очень радовалась своей находчивости. Но одних молитв недостаточно, чтобы наверняка быть хорошей.

Замковая часовенка избежала пожара, сохранила древние фрески и иконы. Четырежды в день монахи собирались сюда на богослужение. Внуки Фарвея не могли участвовать в службе: ведь их надзиратель, брат Клемент, был в это время занят. Но Лаура решила проявить интерес к часовне. На нескольких прогулках она просила Джереми:

– Прошу тебя, зайдем! Мне там так хорошо!

Оказавшись в храме, она приступала к просвещению брата:

– Гляди, какая чудесная фреска! Ой, а что же это за сюжет?.. Нет-нет, не говори, дай мне самой угадать. Духовное

родство Праматерей, да? Когда Глория сказала: «Мы разные, но мы – одно». Правда? Ах!.. А что на этой иконе? Марек и Симеон бегут от соблазнов? Они полюбили вдвоем одну девицу, но вместо соперничества вместе ушли в монахи. Я права?..

Джереми не оставалось ничего иного, кроме кивать головой:

– Да-да, все верно...

Лаура мысленно благодарила мать за все вечера с «Притчами в рисунках». Иногда попадался сюжет, который не могла угадать, и Лаура спрашивала монаха:

– Брат Клемент, девичья память так плоха... Умоляю, напомниме суть этой иконы!

Монах благочинно кланялся:

– Не диво, миледи, что вам незнаком сей сюжет, ведь он очень редок. «Носители Света играют в стратемы» – это страница истории ордена Светоносцев, ныне признанного еретическим. Но в восьмом веке Корона меркла в сравнении с силою этого ордена. Светоносцы оставили неизгладимый след в духовности северных земель.

– Как любопытно! Прошу вас, расскажите подробнее!..

Узнав, что в замке есть большая библиотека, Лаура выпросила несколько книг – якобы, себе, но на деле, для брата. Джереми отказался бы читать «выдумки самозванок», потому Лаура взяла не труды самих Праматерей, а трактаты богословов и историков Церкви.

– Братец, эта книга так меня увлекла, что я провела за чтением всю ночь! Я пометила карандашом отрывки, которые хочу обсудить с тобою. Сможешь прочесть их до вечерней прогулки?..

На счастье, приарх Галлард был сильно занят делами, и все не находил времени увидеться с заложниками. Три, четыре, пять дней Джереми с Лаурой были предоставлены заботам Клемента. Лаура спешила впихнуть в голову брата все необходимое. Вот-вот архиепископ снова вызовет их. Если в прошлый раз была беседа о политике, то теперь уж точно пойдет о вере. Нужно успеть подготовиться!

– Милый братец, ты прочел отрывки, что я давала тебе утром? Мне так не терпится услышать твое мнение!

Иногда, пускай редко, брат с сестрою оставались без надзора. Клемент позволял им самим взбегать на башни или стены – куда ему забраться трудно, и откуда они все равно не исчезнут. На третий вечер, избежав таким образом назойливой опеки, Джереми спросил сестру:

– Зачем ты это устроила? Что за глупости?

– О чем ты говоришь?

– Обо всей этой богословской науке! С чего ты решила стать святошей?

– Я хочу лишь соблюдать благочестие, и тебе советую. Мы в замке человека, который никак не одобрит твоих взглядов на веру.

Он сделал то, что делал и раньше, желая возвыситься над

сестрой: расхохотался.

– Бедняжка, ты боишься костра? Думаешь, нас сожгут, если не будем как следует молиться? Ну что за наивность! Галларду чхать на благочестие, как и мне, и всякому умному лорду в Империи! Мы – внуки герцога, нас держат в заложниках, чтобы давить на деда. Наша судьба не от веры зависит, а от политики!

Лаура поджала губки:

– Благодарю тебя за твое мнение. Но мне казалось, нас не убудет, если проявим немного...

– Трусости? Конечно, тебе, девице, она к лицу.

– В первый день ты боялся Галларда не меньше, чем я.

– И теперь боюсь, но ни к чему это показывать! Если он увидит, как мы бьем поклоны, то поймет, что трясемся от страха. Но мы должны говорить с ним на равных! Мы – лорды Великого Дома, как и он.

Лаура сказала то, во что верила:

– Мы должны быть хорошими.

Джереми фыркнул:

– Будь, если хочешь!

Лаура не отказалась от своих стараний, но стала действовать мягче и тоньше. Никто не заподозрил бы, что она обучает брата. Всякому было ясно: сестренка сама просит его о наставлениях.

Впрочем, Лаура не удержалась от крохотной шпильки. Проходя мимо бойницы, за которой виднелся ужасный

столб, она спросила монаха:

– Напомните, брат Клемент, за что была казнена та несчастная?

– За оскорбление веры словом и делом, миледи.

Лаура метнула в брата красноречивый взгляд. Джереми ответил тихо, тайком от Клемента:

– Никого нельзя судить за оскорбление в адрес иллюзии.

На десятый день после того, как Джереми отправил письмо, перед обедом их повели в чайную комнату. Лаура решила: вот и новая встреча с архиепископом – а значит, испытание и ей, и брату. Нужно вести себя идеально, иначе – конец. На ходу Лаура проверила себя: выправила малейшие погрешности шага и осанки; успокоила руки, запретив им комкать материю платья; подняла подбородок с подлинно агатовским достоинством, но взгляду придала невинной кротости. На всякий случай освежила все три молитвы и сюжет о Светоносцах, что узнала от Клемента, и несколько богословских пассажей из книг, и имена двух покойных епископов из Дома Фарвей – дальних ее родичей. Что ж, Лаура сделала все.

Однако она ошиблась: вместо архиепископа в чайной их ожидал отец. И не один.

Немного раньше тем же днем в нижнем дворе Эвергарда случилось событие. Лаура не видела его, а Джереми наблюдал через окно и позднее рассказал сестре.

К воротам подъехала карета, вызвав собою замешательство у часовых. Карета выглядела просто, без гербов, и не имела конного эскорта. Однако воин, сидевший подле возницы, предъявил стражникам бумагу. Увидав ее, часовые вытянулись по струнке. Экипаж въехал на винтовой подъем. При помощи той же бумаги он проник в средний двор, а затем – верхний. Лишь тут он открыл двери и выпустил из кабины трех человек. Один носил шубу и шапку, его лицо терялось в мехах, и выдавался только острый нос. Другой, одетый в темное, следил за каждым жестом обладателя шубы – очевидно, выполняя обязанности его секретаря или адъютанта. А третий был самым приметным из гостей. Вся фигура его, осанка, манера движения, посадка головы выдавали суровую, бестрепетную силу. Его вооружение составляли меч и дага; поверх теплого мехового дублета мужчина носил двуцветный плащ – смесь крови и смолы.

Признав в этом человеке главного (или самого опасного), начальник караула обратился к нему. Джереми приподнял фрамугу и услышал, как меченосный гость отрекомендовался:

– Гарриет Аманда Джина рода Агаты, генерал-полковник Стэтхем. С личным поручением ее величества.

Джерemi не просто увлекался военной стратегией, а веровал в нее, как другие – в религию. Он не мог не узнать имени: ведь это Стэтхем наголову разбил искровую армию Короны! Правда, действовал он по плану Ориджина.

– Каково поручение, милорд? – уточнил начальник караула.

Воин, сидевший подле возницы, спрыгнул наземь и предъявил бумагу караульному офицеру. Стэтхем счел нужным сказать вслух:

– Имеем пакет для приарха. Хотим видеть заложников, что содержатся здесь.

– Я передам пакет, милорд, и доложу его светлости.

– Нет, офицер. Вы сейчас же приведете к нам заложников.

– Я не имею права, милорд. Приказано никого не впускать к ним.

– Приказано кем-то, более важным, чем владычица?

– Нет, милорд, но...

Стэтхем отвернулся и зашагал к гостевому дому, как-то угадав, что именно там и находятся внуки Фарвея. Часовые у дверей преградили ему дорогу, а начальник караула подошел с двумя другими стражниками.

– Милорд, остановитесь!

Стэтхем уведомил его:

– Офицер, вы отнимаете мое время. Через восемь секунд

задержка станет оскорбительной. Один. Два...

Караульный опешил.

– Вы не можете, милорд. Так нельзя! Нужно доложить его светлости!..

– Шесть. Семь. Восемь, – окончил счет генерал. – Вы унизили меня ожиданием. Я вызываю вас, офицер. Назовите свое имя и титул.

Рука северного генерала легла на эфес. Офицер сообразил: его голова имеет все шансы расстаться с телом, едва имя будет названо, как требует дуэльный кодекс.

– Не имеете права!

Офицер попятился в тыл, за спины солдат. Но те слаженно выполнили маневр и очутились на флангах, а в центре остался один офицер – лицом к лицу со Стэтхемом.

– Сударь, ваше имя.

– П... приношу извинения, милорд. Я н... не хотел вас унижить. Заложники будут незамедлительно.

Генерал вошел в гостевой дом, бросив офицеру:

– Хочу чаю.

Теперь северянин восседал за чайным столом, небрежно положив перед собою меч. Лаура едва заметила его и с возгласом радости бросилась к другому гостю. Остроносый господин в мехах, прибывший в карете Стэтхема, – то был ее отец, лорд Финли Фарвей.

Отец Лауры – очень добрый. По крайней мере, когда Лау-

ра ведет себя хорошо. Отец редко кричит на нее, а если кричит – потом обязательно дарит подарки. При встрече он говорит: «Моя девочка», и позволяет себя обнять.

– Мой храбрый Джереми! Моя принцесса! – отец поднялся им навстречу, пожал руку сыну, дался дочке для объятий. Он был жарок, но шубу почему-то не снимал. – Бедные деточки, как же вам живется?

Конечно, никто из детей не рискнул жаловаться при постороннем человеке.

– Мы полны сил, отец! – браво отчеканил Джереми. – Наше здоровье крепко!

– В замке Эвергард очень красиво, – сказала Лаура, – я восхищаюсь архитектурой и мозаиками.

Отец наморщил лицо, силясь сдержать скорбные чувства.

– Мои дорогие, вы не должны стесняться нашего гостя. Он знает, в каком вы положении, говорите без утайки. Но... не забывайте о вежливости.

Лаура зарделась и сделала реверанс перед гостем.

– Простите нас, милорд. Радость встречи с отцом толкнула на бестактность. К вашим услугам леди Лаура Фарвей рода Агаты.

– И лорд Джереми Фарвей того же рода, – поклонился брат.

Северянин кивнул в ответ и назвал себя. Джереми вскричал, как счастлив познакомиться с одним из лучших полководцев современности. Стэтхем оборвал его взмахом руки:

– Довольно. Как с вами обращаются?

Лаура покосилась на отца, тот наклонил голову:

– Ничего не скрывайте, милые мои. Мы полностью искренни с нашими союзниками!

– Мы заперты в верхнем дворе, – сказал Джереми. – Никогда не выходим за ворота, не передвигаемся без надзора, не можем слать писем. Нас держат пленниками!

– Милорд, мы видели, как женщину сожгли заживо, – с дрожью добавила Лаура. – Сказали, она – еретичка. Наверное, нас нарочно привезли во время казни, чтобы запугать.

Генерал нахмурился:

– Что за женщина?

– Мы не знаем, милорд. Несчастливая, которая чем-то не угодила приарху. Я убежден, что вера здесь не причем, а причиной одна политика.

Это сказал Джереми, Лаура не посмела бы заявить, что еретичка не нарушала законов веры.

– А вы сами подвергались мучениям? – спросил Стэтхем.

– Нас постоянно запугивали, – выдавил Джереми мужественно, как бы стыдясь признаться. – Грозили отдать церковному суду, сгноить в монастыре, послать на костер.

Лаура не стала лгать, как брат. Леди может соврать, чтобы обелить кого-нибудь, но чернить с помощью лжи – это нехорошо.

– Мы хлебнули страху, милорд, но содержали нас достойно. Вкусно кормили, водили на прогулки, давали читать кни-

ги.

Отец скривился:

– Бедная девочка, ты так напугана, что даже не можешь сказать честно! Милорд, вы сами видите, как худы и бледны несчастные дети!

– А давно вы здесь? – спросил Стэтхем у Лауры.

Отец простонал с болью в голосе:

– Месяц я не видел своих...

Северянин хлопнул по столу.

– Лорд Финли, пускай ответит юная леди.

Лаура успела понять, чего хочет отец. Сказала мысленно: «Прости меня за ложь, Светлая Агата. Я хорошая и выполняю приказ отца».

– Месяц, милорд. Почти от самого Дня Сошествия.

– Разве вы не были в плену у Адриана?

– Сперва... – встрял отец.

– Лорд Финли! – оборвал Стэтхем.

Но Джереми уже уловил мысль:

– Сперва нас стерегли солдаты тирана, а после его смерти – люди приарха.

– И на каких условиях вам обещают свободу?

Теперь отец не рискнул вмешаться, а Стэтхем смотрел в упор на Лауру, так что ей пришлось ответить честно:

– Его преосвященство хочет, чтобы я вышла за лорда Альберта.

– Дрянь, – бросил генерал. – Подлый ход.

– Теперь вы видите, милорд, как играет Галлард, – покачал головой отец. – Он использует приемы, недостойные агатовского рода. Светлая Праматерь плачет, видя злодейства своего внука.

Лаура знала: отец, как и Джереми, не верит в святость Агаты. По мнению отца, Вильгельм Великий был простым завоевателем, Янмэй – его министром пропаганды, а Агата – придворной интриганкой. Но для генерала слова «агатовский род» значили многое.

– Прискорбное бесчестие, – процедил Стэтхем.

– Не забывайте, милорд, что в жилах моих детей также течет кровь Агаты. Недопустимо, чтобы агатовец издевался над детьми своего же рода.

– Этому нужно положить край, – согласился генерал.

– Благодарю вас! Мы всей душою уповали на то, что лорд Эрвин защитит свою невесту.

Стэтхем медленно повернулся к лорду Финли.

– Вы заблуждаетесь, Фарвей. Надежда прислала четыре роты штурмовать дворец. Лорд Эрвин своими руками убил некоторых из этих солдат. Полагаете, брачный договор сохранил силу?

Отец ответил без смущения:

– Милорд, прошу заметить, мы клялись поддерживать лорда Эрвина в мирное время. Он не предупредил, что поднимет мятеж против Короны.

– Вы прочили леди Лауру ему в невесты. Если бы брак

состоялся, лорд Эрвин, как человек чести, во всем поддерживал бы супругу. Во всем без исключения. Того же ждал и от нее, а получил четыре роты под стенами дворца!

– Четыре роты, милорд, – ничто против такого великого воина, как лорд Эрвин. К тому же, это были не лучшие наши солдаты. Мы знали, что герцог легко справится с ними. Но вовсе не послать их не могли: Адриан держал в заложниках моих детей! Что бы сделали вы, милорд, если б вашим любимым чадам угрожала смерть?!

– Мой первенец командует ротой в моем войске. Я ставлю эту роту на самый ответственный участок, а не самый безопасный. Вам следовало запереть врата Сердца Света и дать отпор тирану, а не впускать его без боя и позволять брать заложников.

– Но генерал...

– Довольно, лорд Финли. Брачному договору конец, как и нашему союзу. Я здесь, чтобы прекратить бесчинства Галларда, но не ради вас.

Отец замешкался, и Лаура почувствовала: сейчас ее время. Сильные мужчины любят девичью слабость.

– Генерал, позвольте мне сказать. Я – внучка Агаты, как и вы, и великий герцог Ориджин. Мне очень горько слышать от вас слова обиды. Я понимаю, ведь во мне течет та же кровь. Мы поступили малодушно, и вы имеете все причины расторгнуть помолвку... Но прошу милорд: не рвите хотя бы узы дружбы меж нашими Домами! Дайте нам шанс поднять-

ся в ваших глазах!

Отец едва сдержал довольную улыбку, и Лаура поняла, что попала в цель. Выслушав ее, северянин чуть заметно кивнул.

– Такие слова делают вам честь, юная леди. Скажи вы их месяц назад, все было бы иначе. Но сейчас лорд Эрвин одержал великую победу. Все ищут его дружбы, и предпочтение будет отдано тем, кто не запятнал себя. А вашему отцу нечего предложить в обмен на снисхождение моего лорда.

– Полагаю, есть что, – лукаво произнес отец.

Прежде, чем он продолжил, дверь с треском распахнулась и, предваряемый двумя рыцарями, в чайную вступил архиепископ Галлард. Следом за ним вошли еще четверо мечников, сверкая доспехами, окружили стол. Приарх уперся кулаками в столешницу и навис над северным генералом.

– Вы силою вторглись в мой замок! Я должен понять это как объявление войны?

Стэтхем даже бровью не повел. Лишь глянул искоса на ближайшего приархова воина, и тот предпочел отвести глаза.

– Для начала, милорд, – спросил Стэтхем Галларда, – вы понимаете, с кем говорите?

– Прекрасно понимаю. С генералом-убийцей, палачом спящих солдат.

– С равным успехом убиваю врагов Ориджина и днем, и ночью, чем горжусь. Но я принес послание не от лорда Эрвина, а от ее величества.

Он кивнул адъютанту, и тот подал Галларду письмо, опечатанное гербом пера и меча. Приарх ждал чуть ли не минуту, затем взял бумагу так брезгливо, будто чтение могло унижить его. Сломал печать, пробежал глазами по строкам.

– Это абсурд. Бред безумца.

– Перескажите содержание, милорд, – отчеканил Стэтхем. – Я должен знать, что вы верно его поняли.

Вместо ответа Галлард скомкал и швырнул письмо на стол.

– В таком случае, я повторю сам. Волею императрицы Минервы приарху Галларду Альмера приказано прервать террор в отношении вассальных лордов, избавить юного Альберта Альмера от содержания в плену под видом регентства и передать власть над герцогством в руки законной наследницы – леди Аланис Альмера.

Лаура не сдержала удивленного возгласа:

– Леди Аланис жива?!

– Да, леди Лаура. Хотя приарх Галлард с графом Блэкмором приложили много усилий для ее убийства.

Галлард почернел от ярости.

– Эта бумага – подлая фальшивка! Ориджин водил рукой Минервы!

Стэтхем пожал плечами.

– Не скрою, милорд участвовал в составлении указа. Но если бы Минерва писала сама, для вас было бы только хуже. Вы силою бросили ее в монастырь. Я вижу, держать детей в

заложниках – ваша любимая тактика.

– Лорд Эрвин обещал мне союз. Лорд Эрвин клялся поддерживать меня. Север больше не считает нужным держать слово чести?

– Милорд обещал помочь вам сохранить титул приарха – и вы его сохраните. Милорд также избавит вас от суда за похищение наследницы престола и попытку убийства леди Аланис. Но не ждите, что милорд поможет вам узурпировать власть и жечь людей на кострах.

Приарх сел напротив генерала, выждал минуту, чтобы со-
владать с яростью. Заговорил тоном сухого льда:

– Коль речь зашла о суде, я изложу пару фактов. В один из последних дней осады два человека прибыли поездом из Фаунтерры в замок Бэк, владения лорда Эрроубэка. Один из двух соответствует описаниям путевого наемника, который осенью помогал моей племяннице. Через день после его визита в замок Бэк поезд владыки Адриана рухнул в реку на расстоянии мили от упомянутого замка. Если Минерва хочет устроить судилище, пускай начнет с допроса Эрроубэка и этого путевого.

Стэтхем погладил мизинцем рукоять меча, лежащего на столе. Ласково, с нежностью.

– Коль вы правы в своих домыслах, лорд Галлард... Шансы ничтожно малы, но если все-таки вы правы, то это значит, что лорд Эрвин и леди Аланис имеют в восточной Альмере надежного вассала, мощный опорный пункт с немалым

гарнизонам, а также контроль над рельсовой дорогой. Вы не полководец, потому считаю долгом пояснить. При таких условиях в первый же месяц войны с лордом Эрвином вы лишитесь всех земель восточней Алеридана.

Северянин расправил скомканный лист и подвинул ближе к приарху:

– Жизнь, титул, власть над Церковью, но не Альмерой. Примите это – или потеряете все.

Оглянувшись на Лауру, Стэтхем добавил:

– И, разумеется, отпустите детей.

Лаура хранила видимость покоя, как подобает леди, но в душе ликовала. Лорд Эрвин все же не забыл свою бывшую невесту и не бросил в беде! Теперь Лаура и Джереми будут спасены, а Галлард поплатится за жестокость. Жаль, Альберт так и останется в этом жутком месте. Бедный мальчонка совсем измучился от страха...

Лаура пригляделась к Галларду, надеясь найти на его лице признаки испуга. Пускай сам отведаст кушанья, которым потчует всех вокруг! Однако приарх держался со спокойной уверенностью, куда более твердой, чем поначалу.

– Лорд Стэтхем, сейчас вы отправитесь назад к сюзерену и доставите мой ответ. Я не отдам Альмеру. Уж точно – не в руки самовлюбленной дряни, какую является Аланис. Если лорд Эрвин хочет напугать меня войною – пускай приходит с войском. Против него выступят не только мои мечи. Каждый священник в каждом храме Праотцов откроет прихожанам,

как Ориджин напал на архиепископа, а любовница Ориджина убила владыку. Посмотрим, легко ли будет ему править Империей!

Галлард воздел указательный палец.

– Однако, если лорд Эрвин примет мою власть над Альмерой, все обернется иначе. Я признаю его правителем Империи и принесу присягу его марионетке. Я скрою то, что знаю о крушении поезда. Святые отцы расскажут народу, как боги покарали Адриана за тиранию. Лорда Эрвина назовут великим стратегом и защитником свобод, Минерву – истинной императрицей. Доброе имя вашего сеньора – в моих руках. Ступайте, генерал, и сообщите ему это.

Стэтхем коротко кивнул, поднялся, взял меч. Сказал Джереми с Лаурой:

– Собирайтесь, я жду в экипаже.

– Я не отпускал их, – возразил Галлард.

Северянин провел пальцем по вензелю на ножнах.

– Что вы сделаете, если я возьму их силой? Сколько дней надеетесь выстоять в войне против Ориджина с Надеждой вместе?

Галлард долго молча дышал.

– Забирайте.

Спустя час четверка лошадей мчала карету от Эвергарда к ближайшей рельсовой станции. Лаура с братом сидели по сторонам от папеньки. Джереми играл хладнокровие, Лаура

прижималась к отцовскому плечу. Ее переполняло счастье – почти так же, как в день помолвки с Эрвином. Главное – быть хорошей, и она сумела! Зря Джереми смеялся над нею. Ее молитвы помогли: Галлард не тронул детей, а Эрвин помог отцу их выволить. Конечно, Джереми сказал бы, что все дело в политике, в раскладе сил... Наверное, политика важна, но и молитвы тоже. Будь хорошей и молись – это правило никогда не подводило Лауру.

Они успели ровно к отправлению поезда и скоро уже мчались в сторону Маренго. Северный генерал пригласил их в свое купе и обратился к отцу:

– Лорд Финли, вернемся к прерванной беседе. Вы искали благосклонности моего сюзерена и сказали, будто имеете что предложить ему. Я слушаю.

Отец расстегнул сюртук и вынул из кармана бархатный мешочек, вытряхнул на стол шершавый красно-рыжий камень размером с перепелиное яйцо. Стэтхем подбросил его на ладони.

– Сырое око. Крупное, но бесполезное без огранки.

– Верно, милорд. Его подарил моему отцу, герцогу Фарвею, пророк Франциск-Илиан, который недавно посетил Сердце Света.

Генерал едва заметно напрягся.

– Пророк покинул свою келью? Намерен снова занять шиммерийский трон?

– Вполне вероятно. В пользу этого говорит тот факт, что

Франциск-Илиан ищет средства. Он намекнул на возможность сделки в один миллион эфесов. Такая сумма могла понадобиться ему лишь с одной целью: перекупить лояльность сыновьих вассалов и бескровно вернуться к власти.

– Какую сделку он вам предложил?

– Лишь намекнул. Намеком служил этот камень.

Стэтхем ощерился, неприятно сверкнув зубами:

– Искровые копья. Дрянь.

Отец кивнул:

– Тридцать лет Корона владела монополией на закупку очей в Шиммери. Но шахты развивались, и очей добывалось все больше. На складах у шиммерийских вельмож скопились излишки. Теперь члены Совета Пяти решили распродать все накопленное. Корона ослабла и не сможет закупать в прежних объемах, а шиммерийцы не намерены терять доходы.

– На миллион эфесов можно купить вооружения... –

Стэтхем прикинул в уме, – для трех полков.

– Даже для четырех, – уточнил отец.

– Не возьму в толк: вы собираетесь вооружить четыре искровых полка – и при этом ищите милости лорда Эрвина? Просите нашего одобрения создать искровое войско?!

– Не совсем.

– Тогда стоит понять это... как угрозу? – северянин хотнул без тени веселья. – Милорд сотрет вас в порошок. И с искровыми полками, и без них.

Отец примирительно поднял ладони.

– Ни в коем случае, генерал. Мы не угрожаем лорду Эрвину, а напротив, предлагаем помощь. Позвольте пояснить. Шиммерийский Совет Пяти держит в руках всю добычу очей. Первым из Пяти является принц Гектор, а Четвертый из Пяти поддерживает его. Второй из Пяти – максимиановский аббат – всеми силами стоит за Франциск-Илиана, а Третий держится за Второго. Пятый из Пяти непостоянен, мечется от одних к другим, смотря где выгодней. Итак, мы имеем две пары вельмож (у каждой пары запасов очей где-то на миллион эфесов), и еще один богач – сам по себе. Франциск-Илиан предложил нам купить запасы Второго и Третьего из Пяти. Пророк обратился к нам потому, что Надежда занимает нейтральную и мирную позицию, ему это по нраву. Однако принц Гектор предложит свою долю очей лорду Эрвину – поскольку будет искать союзников против отца. Если мы выкупим доли Второго и Третьего, а вы – запасы Первого и Четвертого, то восемь десятых всех очей окажутся в руках наших Домов! Прибавьте трофейное оружие разбитых полков Адриана – и станете самой грозной силой не только в мечях, но и в искре! Впредь никто и никогда не сравнится с вами!

У Стэтхема сверкнули глаза. Лаура знала: такие люди, как он, предпочитают искре благородную сталь. Даже закупив очи, кайры все равно захотят рубиться мечами. Но план отца гарантировал, что никто другой не выставит против северян искровое войско, никто не устроит им нового разгрома при

Пикси.

– Заманчиво, милорд. Но у нас нет миллиона эфесов, чтобы выкупить запасы принца Гектора.

– Миллион есть у нас, – отец погладил себя по груди. – Мы договоримся с Франциск-Илианом о рассрочке на год и заплатим сейчас только полмиллиона. Оставшиеся пятьсот тысяч одолжим вам. Вы также договоритесь о рассрочке с принцем Гектором, и получите груды очей, не вложив ни агатки!

– Мы должны будем вернуть вам кредит.

– Вернете из казны Короны – например, под видом ссуды на строительство плотины.

– И доплатить оставшиеся полмиллиона Гектору.

– То будет через год, за это время заработаете. Хотя бы на торговле с теми же шиммерийцами. Я слышал, половина путевского флота досталась вам.

Отец подмигнул суровому генералу:

– Подумайте: главная военная сила, как холодная, так и искровая, окажется в одних руках – ваших!

– И в ваших, – отметил Стэтхем. – Как вы планируете использовать ее?

– Исключительно в мирных целях, – отец расплылся в улыбке. – Мы видим нашу миссию в том, чтобы поддерживать мир и покой на Юге!

– И сделать Сердце Света второй столицей Империи.

– Третьей, генерал. Второй станет Фаунтерра, а первой

– Первая Зима! Светлая Агата испокон правила Севером и Альмерой. Но когда мои любимые чада подрастут, агатовцы станут контролировать и Юг. Только представьте, милорд: половина Полариса – под властью рода Агаты!

Северный волк обещал обсудить предложение с герцогом Ориджином. Но Стэтхем был воином, а не политиком, и не так хорошо скрывал чувства. Финли Фарвей и Джереми, и Лаура видели: он уже обдумал идею и влюбился в нее.

В Маренго семья Фарвеев сошла с поезда. Генерал распрощался с ними со всею сердечностью, на какую был способен:

– Легкого пути, господа. Лорд Финли, передайте наилучшие пожелания герцогу Фарвею и вашей леди-жене.

Отец спал с лица.

– Моя леди-жена на Звезде, милорд.

– Простите, я не знал. Соболезную.

Он вернулся в вагон и укатил в столицу.

Лорд Финли послал адъютанта за билетами, а сам отвел детей в кофейню и угостил сладким. Все были в прекрасном настроении. Отец радовался успеху переговоров и, лучась самодовольством, поучал детей:

– Всегда ищите чужие слабости. Слабость этого волчары была, как ни странно, в силе. Он могуч, но хочет стать еще сильнее. Я предложил ему это – и запросто сделал союзником. А еще нажал на его гордыню, она у всех агатовцев вос-

палена. Казалось бы, вояка, прагматичный человек – но аж трясется над байкой про величие Агаты. Я заметил это и применил. Вот как поступает умный политик!

Джереми восхищался отцом, смеялся над простодушием Стэтхема и строил фантазии о времени, когда Дом Фарвей получит искровые полки, а все соседи станут лебезить перед ним. При собственном искровом войске да надежном союзе с северянами Фарвей станут вторыми по мощи во всей Империи. А ведь каких-то двадцать лет назад их дед еще даже не был герцогом!

Лаура же мало вникала в политику. Она не уставала радоваться спасению из Эвергарда и сотням миль, что отделяют теперь от столба на кострище. И еще немножко – маковому тортнику с какао. И еще – вновь проснувшимся мечтам об Эрвине: если Надежда опять в союзе с Ориджином, то, может быть, со временем...

Вернулся адъютант и подал отцу билеты. Лаура любила все, связанное с поездами, и тут же выхватила у папы гербовый конверт, с наслаждением раскрыла его, огладила солидную, прочную проездную карточку. Зацепилась глазами за название станции. Моргнула.

– Папенька, прости, здесь какая-то ошибка... Мы же едем домой, в Сердце Света!

– Мы едем в Эвергард.

– Как?.. Почему?! Мы только оттуда! Я... не хочу назад!

Лицо отца за секунду огрубело, стало злым и чужим.

– Мы едем в Эвергард потому, что так надо. Свои желания оставь при себе.

– Я... папенька, я не понимаю!..

– Курица, – фыркнул Джереми.

Отец кивнул:

– Глупа, как ее покойная мать.

* * *

«Как покойная мать...» Это было слишком жестоко, даже для такого добряка, как Финли Фарвей. Обратную дорогу до Эвергарда Лаура много молчала. Она не находила сил весело щебетать, а если хорошенькая юная леди раскрывает ротик, то должна говорить весело, не так ли? Не можешь веселиться – молча любуйся видами за окном. И вспоминай маму, которая учила быть хорошей, но сама не умела этого.

Потом отца, конечно, стало раздражать молчание Лауры. Он велел сыну:

– Поговори с нею.

Джереми взялся за сестру:

– Пойми же, глупая: мы не можем опираться на одних Ориджинов. Видала, как этот генерал возмутился, что мы закупаем очи? А какое, спрашивается, ему дело? Он нам не сеньор! Но нет, сунет нос, хочет контролировать. Он, видишь ли, с позиции силы... Так мы уравнием баланс! Найдем союзника, которого легко сравить с северянами. Как псу ска-

зять: «Ату» – и готово. А что это за союзник?

Он ткнул пальцем в лоб сестры:

– Думай, курочка, думай!

Она оттолкнула его руку.

– Если вам так нужен Галлард, зачем уехали из Эвергарда?..

– Ничегошеньки не понимаешь! Пока мы были в плену, Галлард говорил с нами так же, как этот Стэтхем. А теперь увидел, что северяне готовы за нас вступить, и совсем иначе запоеет. Это как две ноги: опираемся на Ориджина, чтобы прижать Галларда, а потом обопремся на Галларда, чтоб наступить на Ориджина! Ловко же!

– Но Галлард с Ориджином – противники. Разве по чести мы не должны выбрать одну сторону?

Джереми расхохотался:

– Ты у матери этого набралась, вместе с набожными суевериями? В политике есть два закона – выгода и расчет. Остальное – обманки для простачков.

Отец хлопнул сына по плечу:

– Станешь отличным землеправителем, горжусь тобой.

Приятно, наверное, оказываться правым. Сказал – и сбылось. Лаура так не умела...

В Эвергарде ничего не изменилось: так же рыскали по замку монахи и наемники, так же смолили крыши мастеровые, так же торчал столб с цепями... Но приарх Галлард заго-

ворил совсем иначе – как и предсказывал Джереми. Больше не старался напугать и задавить, не заставлял ждать встречи, а принял Фарвеев сразу по приезду. Другой бы, может, удивился возвращению заложников, но Галлард быстро понял:

– Итак, вы сговорились с Ориджином, но не слишком верите ему.

Лорд Финли Фарвей изрек заготовленный монолог. Верность обещанию – одна из двенадцати святых добродетелей, предписанных Праотцами. Кто нарушает свое слово, тот плюет на святое писание и гневит богов. А Ориджин нарушил обещания, данные и Галларду Альмера, и Генри Фарвею. Хуже того: он поставил себя выше всех Великих Домов, нарекшись выдуманнным титулом «лорд-канцлер». Он наплевал на заповедь смирения: «Свое место в мире прими с достоинством». Раз уж совесть больше не ограничивает этого святотатца, то нужно быть готовыми к любым проискам с его стороны!

Нет, Дом Фарвей не собирается выступить в священный поход против северян, ведь народ изранен войною и требует целительного бальзама мира. Но усилиться настолько, чтобы одним присутствием своей силы сдерживать произвол Ориджина, – это ли не святая задача лордов центральных земель?

Лаура отметила, как пестрят в речи отца «святые» и «священные». Она сочла это насмешкой, но Галлард принял за чистую монету и ответил в тон. Не только ради Империи, но

и ради самого Ориджина мы обязаны спасти его душу от новых пятен. Союз между Альмерой и Надеждой поставит железную стену на пути амбиций нечестивца.

Все мужчины дружно сотворили священную спираль – так слаженно у них вышло, будто тренировались. Затем перешли к обсуждению условий союза. Галлард, как и раньше, требовал брака меж Лаурой и Альбертом, а также военной помощи Надежды в случае нападения северян. Финли Фарвей упомянул проект, начатый Айденом Альмера и замороженный после его смерти. Герцог Айден хотел расширить рельсовый путь от Алеридана к Сердцу Света: добавить две новые колеи и утроить число поездов. Это позволит быстро перебрасывать войска и совместно защищаться от любого противника. Теперь лорд Финли предложил завершить начинание Айдена, и Галлард охотно согласился. Затем, лорд Финли попросил у Церкви Праотцов ссуду в двести тысяч на развитие войска Надежды. Он промолчал о закупке очей, сказал только: «развитие войска» – но и тут Галлард дал согласие. Наконец, – окончил Финли Фарвей, – первенец леди Лауры будет благословлен Церковью как законный наследник герцогства Альмера. Так угодно богам, и так будет, – постановил приарх.

Покончив с переговорами, сели за обеденный стол. Галлард прочел молитву, Фарвей-отец и Фарвей-сын повторяли за ним, словно эхо. Приступили к трапезе. Без устали нахваливая кушанья, лорд Финли не забывал обсуждать и подроб-

ности договора. Когда заключить помолвку, где жить новобрачным, сколько слуг, гувернеров и охранников будут сопровождать леди Лауру, какова сумма невестиного выкупа. Приарх давал степенные ответы. Присутствия самой Лауры никто, кажется, не замечал. Да она и не смогла бы поддержать беседу, слишком взволнованная одним противоречием.

Будь хорошей, и все тебя полюбят, и получишь все, чего хочешь. Так учили мать с отцом. Лаура усвоила науку в совершенстве – и где же исполнение желаний? Она хотела стать хозяйкою Первой Зимы – вместо этого попала в Эвергард заложницей. Хотела сбежать отсюда, вернуться домой – но снова оказалась тут, доставленная собственным отцом. Хотела замуж... но боги, не за ребенка же! Настолько это не укладывалось в голове, что Лаура даже не чувствовала обиды, одну растерянность. Маменька не умела быть хорошей, отец звал ее агатовской зазнайкою. Лаура видела, чем кончила мама, и не пошла ее путем – стала совсем другою, хорошей. Отчего же тогда?..

После обеда, оставшись с отцом наедине, она не удержалась от вопроса:

– Почему я должна выйти за Альберта? Он – дитя, я не хочу за него!

Отец уставился, будто увидел ее впервые:

– Ты напоминаешь мать.

– Я только хочу сказать: мне кажется, Альберт – не слишком удачная пара.

– Меня не волнует, что тебе кажется!

На шее отца дернулась жилка. Лаура знала, что это значит: не раз видала, когда он говорил с мамой. Но слишком быстро это началось, и Лаура не успела остановиться.

– Папенька, прошу, обдумай: достоин ли Альберт...

Он ударил ее по щеке. Быстро и хлестко, Лаура чуть не упала.

– Заносчивая дрянь! Яблоко от яблони!

До своего отъезда отец больше не сказал ей ни слова. Она же сказала ему единственную фразу – при прощании:

– Всего доброго, папенька. Желаю легкой дороги.

Отец уехал, оставив детей в Эвергарде. Теперь их положение сильно отличалось от прежнего. Они больше не считались заложниками: Лаура была невестой лорда Альберта, Джереми – голосом отца в дальнейших переговорах. Им позволялось гулять без присмотра, посещать большинство помещений, выходить из верхнего в средний и нижний дворы, даже покидать замок. Теперь Лаура могла сбежать без труда, вот только куда бежать-то? В Сердце Света отец накажет ее и пошлет назад в Эвергард, а в остальных городах мира Лауру никто не ждет. Явилась было шальная мысль: податься в Фаунтерру и просить помощи у герцога Эрвина. Кажется, ей удалось произвести хорошее впечатление на его генерала... Беда в том, что воспитанные юные леди не убегают из замков, не шатаются по миру в одиночку и не напрашиваются

в невесты малознакомым герцогам. Поступи она так, Эрвин сочтет ее легкомысленной нахалкой – и тоже отправит назад, с глаз долой.

И Лаура осталась в Эвергарде. Возможно, она не вытерпела и сбежала бы, если б на ее глазах сожгли кого-нибудь еще. Но смертный столб стоял в нижнем дворе, невидимый из ее окна.

Лорд Альберт ходил за Лаурой по пятам. Приарх Галлард велел молодым общаться как можно больше, чтобы в будущей их семье зародилось понимание. Альберт старательно следовал дядиному приказу: молился с Лаурой, гулял с Лаурой, ел с Лаурой, беседовал с Лаурой. Мальчонка составил список вопросов, которые помогут узнать невесту (возможно, выписал из книг, либо испросил совета у гувернеров). Следуя списку, он выяснял: какую землю и какое время года леди Лаура любит больше всего, какую молитву предпочитает, какие качества более всего уважает в людях, какие – не приемлет, из какой книги леди Лаура больше всего узнала о жизни, какая наука принесла ей наибольшую пользу... Лаура не надеялась, что взаимопонимание исправит ее будущий брак. Боги, его просто невозможно исправить! Она получит в мужья сопливого, безвольного, сломанного мальчонку, будет стыдиться его, как пятна на платье. Супруги будут встречаться только по формальным поводам – так не все равно, знают ли они друг друга?.. Но с другой стороны, отказать юному лорду в ответах – значит, проявить бестактность. Ла-

ура мягко отвечала Альберту, сама задавала симметричные вопросы – да так умело, что скоро мальчик поверил, будто она интересуется им. Лаура из вежливости осведомлялась: как самочувствие милорда, не замерз ли милорд, крепко ли спалось милорду? Он радовался заботе и на полном серьезе пересказывал сны или давал потрогать свои ледяные пальцы. Лаура вела его в каминный зал, усаживала в кресло у огня, посылала слуг за чаем.

– Вы так добры, миледи! – Альберт розовел от счастья.

Когда молились вместе, он на секунду отставал от Лауры и повторял за нею. До дрожи боялся, что дядя накажет его за любую ошибку. Альберт знал молитвы, но от страха сбивался, а с Лаурой было легче.

– Дядя не слышит, как вы молитесь, – успокоила его Лаура.

– Дядя слышит все в этом замке. Есть тридцать две слуховых отдушины, они ведут во все главные комнаты...

Лаура ужаснулась. Конечно, в любом замке есть слуховые окна, но Эвергард буквально пронизан ими! Теперь и Лаура боялась допустить ошибку – не только в молитве, а в любом своем ответе. Например, давеча она сказала, что уважает в людях благородство и силу, но не упомянула смирение перед богами. Как среагирует Галлард?..

Чтобы дать себе отдых от опасных бесед, она предложила Альберту сыграть в стратемы. Выяснилось, что тот знает правила, но играет плохо.

– Не могли бы вы, леди Лаура, немножечко помочь мне научиться?..

Она и сама была далека от совершенства, потому попросила брата. Джереми охотно взялся за дело, так и сияя от чувства превосходства.

– Смотрите: это маневр Светоносцев, его можно отбить только клещами. А вот симметричная стратегия – хороша для защиты, но не для наступления. А здесь стоит применить стратегию в оцеплении, она же – Цветок Ольгарда...

Лаура с Альбертом внимали, подперев руками подбородки. Перешли к практическим занятиям, Джереми велел им двоим играть против него одного – и разбил обоих. Надменно пояснил все их ошибки, затем выиграл снова. Лорд Альберт радовался: тому, что добрая девушка оказалась с ним заодно.

– Леди Лаура, когда мы поженимся, будем играть друг с другом. Иногда вы будете побеждать, а иногда я, чтобы никому не обидно!

– Конечно, милорд, – поклонилась Лаура. Она не представляла более унылого занятия, чем игра в поддавки с собственным мужем.

Однажды после ужина, когда Лаура вместе с Альбертом слушала клавесин, в музыкальный салон вошел приарх Галлард. Дети и музыкант подхватились на ноги, замерли в поклонах.

– Прочь, – велел Галлард, и все трое ринулись к выходу.

– Не вы, миледи, – уточнил приарх.

К полному своему ужасу Лаура осталась с ним наедине.

Долгую минуту леденела под его взглядом, затем решилась промямлить:

– Как самочувствие вашего преосвященства?..

– Не об этом, – срезал Галлард. – Сядьте.

Она села навтытяжку, не касаясь спинки кресла.

– Нужно обсудить вашу нравственность, леди Лаура.

В ее голове пронеслись все возможные проступки и всплыл самый кошмарный: она сказала генералу Стэтхему, что Галлард сжег еретичку! И даже усомнилась, была ли та женщина виновна! Боги, что теперь будет?..

– Ваше преосвященство, поверьте: я не пыталась очернить...

Он оборвал ее:

– Знаю. И все же ваше поведение печалит богов. Мне известно, что за все время пребывания здесь вы ни разу не помолились за упокой души вашей леди-матери.

Она моргнула:

– Простите, ваше преосвященство?..

– Вы не хотели чернить имя матери и не сказали о ней ни одного дурного слова. Понимаю, что отец более любим вами – это естественно для девочки. Но какова бы ни была ваша леди-мать, и какие бы чувства у вас ни вызывала – теперь она на Звезде.

– Да, ваше преосвященство...

– Вам следует помнить: чистые души живут на Звезде в почете и счастье; те же, что запятнали себя, становятся униженной чернью. Возможно, вы затаили обиду на мать и потому скупы на молитвы. Но именно ваша обида пятнает душу матери, и именно потому вы должны усердно молиться за нее – дабы очистить от пятна!

– Я понимаю, ваше преосвященство.

– Молитесь за упокой ее души ежедневно.

– Обязательно, ваше преосвященство. Я раскаиваюсь в своей небрежности.

– Отрадно слышать.

Лаура позволила себе вздохнуть свободнее. Кажется, опасность миновала.

– Что до остального вашего поведения, миледи... – приарх выдержал страшную паузу. – Я не могу не одобрить вашу аккуратность в молитвах, интерес к священным сюжетам и церковной архитектуре. Познания моего племянника печально зыбки. Я буду рад, если вы просветите и наставите его. Впрочем, вы уже занялись этим без моей указки.

Лаура попыталась осознать то, что услышала. Неужели, похвалу? Ни разу на ее памяти Галлард Альмера никого не хвалил.

– Благодарю, ваше преосвященство, – опасливо молвила Лаура.

– Да... – кивнул приарх и вдруг изрек такое, чего вовсе

нельзя было ждать: – Хотите чего-нибудь, юная леди?

Она растерялась. Больше всего хотела исчезнуть с его глаз, но об этом нельзя говорить. Хотела домой, в Сердце Света, – но это глупое желание. Еще хотелось какао. После ужина подали чай – здесь, в Альмере, всегда пьют или чай, или горький противный лонк, – а хотелось сладкого густого какао, как на станции в Маренго.

– Можно мне заказать какао, ваше преосвященство?

Он звякнул в колокольчик. Двери распахнулись, лакей замер в поклоне.

– Какао для юной леди.

– Сию минуту, ваша светлость!

* * *

– Леди Лаура, смотрите, какой пони! Разве не прелесть?!

Альберт восседал верхом на крепеньком вороном коньке и чуть не визжал от радости. Пони поигрывал копытом, сверкал глазами, прядал мохнатыми ушками, встряхивал густою смоляною гривой.

– Я умираю от зависти, милорд, – пропела Лаура почти искренне. Настолько породистый пони стоил дороже боевых жеребцов. Ни отец, ни дед никогда не пошли бы на такое расточительство.

– Хотите прокатиться, миледи?

– Кто откажется, милорд!

Альберт сделал еще три круга по двору, затем с видимым усилием спешил и отдал поводья Лауре. Она взобралась в седло – и сама чуть не визгнула от восторга. Пони, даром что кроха, оказался крепеньким, уверенным в себе, шел со спокойною твердостью. В отличие от Альберта, пони был не мальчик, а мужчина и лорд, просто маленького роста.

– Чудесное животное!

– Его зовут Сир Адлер! Элли прислала из столицы! Извинилась, что не поздравила меня с Сошествием, и подарила пони.

Элли – так Альберт называл старшую сестру.

– Леди Аланис очень добра. Я вновь завидую вам.

Альберт шел следом за верховой Лаурой, подпрыгивая от возбуждения и теребя смоляную гриву Сира Адлера.

– Такая пушистая, правда?.. Элли – самая лучшая! Со всеми строгая, а со мной – добра! Всегда шлет подарки и никогда не насмехается, и спрашивает обо всем – как вы! А помните слуховые отдушины? Это Элли мне показала, а то бы я не знал... Элли заберет меня в столицу, правда?

Тут Лаура отметила странность:

– Постойте, лорд Альберт, а как пони попал сюда? Не сам же он прискакал из Фаунтерры.

– Его привезли вон те воины. Они служат Элли! Видите, миледи, какие силачи?

Прежде, прилипнув к Сиру Адлеру, Лаура не замечала ничего вокруг. Теперь обратила внимание на группу мечников,

стоявших поодаль, и узнала одного: то был генерал-полковник Стэтхем. Лаура развернула пони, чтобы поприветствовать северянина, но Стэтхем уже исчез в гостевом доме. Лаура смотрела вслед, размышляя: что подумал бы северянин, встретив ее тут? Она бы расстроилась, если б спасла кого-нибудь, но впустую.

– Ы! Ы-ыы!

Пони встрепенулся от внезапного рева. Из тени часовни вынырнул черный монах – тот немой, которого видела в первый день. Подойдя к Лауре, монах взялся за гриву Сира Адлера, стал мять и теревить с каким-то механическим бездушием. Пони стоял неподвижно, сбитый с толку, а монах все елозил по гриве и глядел на мечников Стэтхема, пока последний не скрылся в дверях.

– Ы. У, – буркнул немой и удалился корявою своею походкой.

– Какой странный человек... – выронила Лаура.

– Мне он не нравится, – сказал Альберт. – Дяде служат монахи вилгельминского ордена, они носят синие сутаны. А этот – в черном, но входит к дяде, будто свой.

Зачем он следил за Стэтхемом? – подумала Лаура. И тут же пришел более странный вопрос: а зачем ходит к Галларду, если не может говорить?!

– Леди Лаура, – дернул ее Альберт, – раз вы уже не катаетесь, то можно мне?..

Детям подали обед в музыкальный салон – трапезную занял приарх для встречи с послами. Расставшись с Сиrom Адлером, Альберт вернулся к обычному тревожному состоянию – будто пони снабжал его уверенностью, а теперь поставки прекратились. Юный лорд ковырял в тарелке, не находя сил донести пищу до рта.

– Как вы думаете, леди Лаура, дядя будет воевать с Элли?.. А если будет, то кто победит?..

Джереми ухмыльнулся в ответ.

– Не будет никто воевать. Разве сами не видите? Ориджин решил договориться. Хотел бы войны – не послал бы своего лучшего пса в пасть врагу.

– Так что, дядя... подчинится Элли? – Альберт аж притих, так боялся в это поверить.

– Конечно, нет. Тогда бы приарх слал послов к Ориджину, а не наоборот. Это же как стратемы – по одному ходу можно разгадать всю стратегию! – Джереми подмигнул юнцу. – Кстати, не желаете ли нынче пережить очередной разгром?

– Ммм... да, милорд, я с удовольствием...

Мысли Альберта терялись среди страхов. А вот Лауру посетила одна занятная идея – возможно, не вполне приличествующая леди, но слишком заманчивая. Пальчиком поманив юношей, чтоб наклонились поближе, она зашептала:

– Давайте послушаем, о чем они говорят! Вы говорили, лорд Альберт, всюду есть слуховые окна. Покажите нам!

– Нет! – Альберт отшатнулся в испуге. – Этого нельзя!

Дядя сильно накажет!

– Но как он узнает?

– Нельзя, никак нельзя! Леди Лаура, даже не думайте!

– Да брось его, сестра, – фыркнул Джереми. – И без подслушки все ясно. Я же вам сказал: Ориджин пошел на уступку...

Любопытство Лауры осталось неудовлетворенным. Но тремя часами позже она узнала исход переговоров – причем из первых уст.

– Я вызвал вас для беседы, – сказал приарх Галлард Альмера, указывая на стул. – Садитесь, миледи.

Она по-прежнему боялась его, но давешний сладкий какао сделал странную штуку: будто пробил брешь в стене ужаса. Глядя на приарха, Лаура могла различить черточки, прежде скрытые завесой страха. Сейчас, например, она видела, что Галлард опечален.

– Чем я могу помочь вам, милорд?

– Ответьте на мои вопросы – вот чем.

Впрочем, она заметила, что забота ему приятна.

– К услугам вашего преподобия.

– Мне удалось достичь мира с герцогом Ориджином на следующих условиях. Я считаюсь наместником Аланис и правлю Альмерой от ее имени. После моей смерти наследство отходит к ней, либо к Альберту, если ее не будет в живых. Граф Блэкмор, предавший Аланис, попадет под суд, а граф Эрроубэк получит в пользование его искровой цех. На

выполнение последнего условия дается год... Что вы думаете обо всем этом, миледи?

Конечно, вопрос – испытание. Нужно ответить правильно... но как?

Мама учила Лауру: не лги слишком нарочито – этим унизишь и себя, и собеседника. Не можешь сказать правду – скажи хоть часть ее.

– Ваше преподобие, я знаю, что по имперским законам Аланис – наследница герцогства. Юридическая правда на ее стороне, она вправе владеть Альмерой и судить Блэкмора. Но... кроме закона человеческого есть и высшая справедливость. Дорвавшись до власти, Аланис станет заботиться лишь о своей персоне, это вряд ли угодно богам.

– А о чем забочусь я?

– О благе Церкви и укреплении веры.

Приарх молчал. Лаура видела, что первый ответ попал в цель, но второй прошел мимо. Благо Церкви – слишком нарочито, а он ждал тоньше... Брат и отец Лауры видели приарха полной своей противоположностью: злобным фанатиком, врагом прогресса... Так же думала и Лаура – прежде. Теперь сквозь брешь в стене страха виделось нечто иное.

– Вы храните вечные ценности: благородство, честь, божий закон, традиции. Ваше преподобие – не какой-нибудь вольнодумец...

– Почему вы сказали о вольнодумцах?

– Я слышала их речи. Эти люди не ценят ничего традици-

онного, готовы все сломать и переделать. Им главное – выгода, а не вера. К счастью, ваше преподобие – не из таких.

– Кажется, я остался в меньшинстве...

Приарх не ждал ответа. Пожалуй, он даже не хотел быть услышанным. Буркнул себе под нос, помолчал... Устремил взгляд на Лауру:

– Миледи, желаете чего-нибудь?

– Ваше преподобие, не будет ли нескромно с моей стороны... В Алеридане есть марципанная мастерская – говорят, лучшая в Империи...

Стоял поздний вечер, а до Алеридана – три часа пути. Однако утром к завтраку Лаура получила коробку с сахарным чудом внутри. На полуфутовом золотистом солнце проступали красным сердечко и кость – эмблема ее родного города.

* * *

Жизнь потекла своим чередом. Северяне уехали, унеся согласие приарха. Генерал Стэтхем так и не увидел Лауру, и это было хорошо: она не хотела его расстраивать.

Джереми с каждым днем все ярче лучился важностью. Ощувив себя полноценным посланцем Дома Фарвей, стал держаться свободно и надменно. Третировал слуг, помыкал птичниками и секретарями, покрикивал на охранников. Не отказывал себе в удовольствии смеяться над Альбертом и Лаурой. Громил Альберта в стратемы и после каждой побе-

ды изрекал назидание. Молитвы на пару с сестрою он забыл, как страшный сон, и наслаждался свободой от суеверий.

– Лаура, давай побьемся об заклад. Ты молись десять лет каждый день, а я ногой не ступлю в церковь. Увидишь: я добьюсь большего, чем ты!

Лаура пересказала ему договор Галларда с северянами – надеялась, брат оценит, какого доверия она добилась у гранитного приарха. Брат услышал совершенно иное:

– Вот видишь – снова сложилось по-нашему! Дед – великий человек, это он все придумал! Галлард и Ориджин остались на ножах, а мы побратались и с тем, и с другим. Они никогда не объединятся против нас, а мы легко можем сравить их меж собою. Когда закупим очи, в центре Империи будут три больших силы, но одна сможет манипулировать двумя другими!

Вывод послужил росту зазнайства Джереми. Теперь уж он не питал перед Галлардом и капли страха.

Альберт, напротив, жил в постоянном испуге. Монахи виделись ему не защитниками, а дядиными щупальцами, готовыми схватить и наказать. Мальчонка обретал покой лишь рядом с двумя существами: Лаурой и Сиром Адлером. Маленький гордый пони казался отражением его самого, только сильного и закаленного; Лаура – воплощением заботливой матери. Альберт уже не стеснял себя этикетом и высказывал Лауре все страхи и тревоги:

– Правда же, дядя не убьет Элли?.. И не отнимет у меня

Сира Адлера?.. Знаете, леди Лаура, в моей спальне очень холодно, от этого снится страшное. Прошу, скажите, чтобы топили пожарче!.. А вчера я так ужасно промочил ноги на прогулке – боюсь, что будет насморк. Прикажите слугам, пускай вытрут лужи во дворе...

Лаура выросла в роль няньки. Иногда, как сладкую сказку, вспоминала помолвку с Ориджином, снова видела себя невестой непобедимого полководца... Но это осталось так далеко, что не удерживалось в мыслях. Близкой реальностью был Альберт с его отнюдь не метафорическими соплями. Альберт – противоположность пони. Сир Адлер вырос, но остался маленьким; Альберт увеличится в размерах, но не станет взрослым. Галлард так и будет управлять герцогством, Альберт – дрожать от страха, Лаура – утирать ему сопли. Вероятно, Джереми прав: он, вольнодумец, добьется большего, чем Лаура с ее верою... Но молиться она не прекращала.

Галлард Альмера иногда вызывал ее к себе для беседы. Очевидно, заботился о моральном облике будущей невестки. Начинал он каверзным вопросом, заданным с беспощадной прямоотой. Вы хотели стать женою Ориджина? Как оцениваете его мятеж против Короны? Что думаете о Перстах Вильгельма? Предпочитаете Церковь Праотцов или Праматерей? Лаура никогда не лгала, ограничивалась тем, что находила оттенки правды, приятные приарху. Затем он давал наставление либо совет, Лаура благодарила и принимала. За-

тем он спрашивал, чего она хочет.

Однажды Лаура попросила его помолиться с нею вместе. Время было неподходящее, и Галлард спросил:

– Почему сейчас?

– Меня посетило благостное настроение... Нет, простите, ваше преподобие, я завралась. Я просто хотела узнать вашу любимую молитву.

Впервые она позволила себе такую вольность: «Я завралась». Галлард не разгневался:

– Мило. Коли хотите знать, любимая – молитва Леопольда. Слушайте.

Галлард прочел, Лаура повторила. «Боги мудрости, дайте мне умение отличать век от минуты, песок от снега, зерно от злата. Научите видеть деяния и души сквозь слова и тела...» Молитва впечатлила Лауру. Когда приарх спросил: «Чего вы желаете, миледи?» – она ответила: «Благодарю, вы уже дали мне желаемое».

В другой раз он позвал ее в трапезную и стукнул костяшками по одной из стенных панелей. Раздался гулкий барабанный звук.

– Здесь слуховое окно, миледи. Мне известна ваша беседа с генерал-полковником Стэтхемом. Вы сказали, что не одобряете сожжение еретички.

Такая давняя история! Лаура почти забыла...

– Ваша светлость, мне думалось, что Праматери осуждали

жестокость. Заступница Глория являла собою пример доброты...

– Как вы называли меня?

Лаура спохватилась: «ваша светлость» – обращение к герцогу, а не священнику.

– Простите, ваше преосвященство. Я привыкла видеть в вас правителя земли, и потому...

– Мне нравится такое обращение, не отвыкайте от него. Придет время – вы тоже станете править землею. Тогда поймете: жестокость – не в наказании преступников, а в терпимости к ним. Поощрив одну еретичку, вы причините вред всем добрым людям, чьи души будут отравлены ее речами.

– Благодарю за пояснения, ваша светлость, только я их не заслуживаю. Вы – герцог, я не смею просить вашего отчета.

Галлард кивнул и сложил губы в некое подобие улыбки.

– Желаете чего-нибудь, миледи?

– Я слышала, леди Аланис собирала альбомы с красивыми эскизами платьев. Можно мне получить их?..

Но больше прочих запомнилась Лауре одна беседа холодным февральским вечером. Два кресла стояли перед камином. В левом сидел его преосвященство, подперев тяжелый подбородок кулаком, а правое пустовало.

– Юная леди, сядьте рядом. Я хочу поделиться своими мыслями.

Кресло было просторно, так что Лаура опустилась не по

центру, а с краю, оставив между собой и Галлардом как можно больший зазор. Если мужчина говорит миловидной девушке: «Сядь рядом», – то он может испытать желание погладить ее. Например, погладить ее золотые волосы или положить руку на спинку кресла так, чтобы пальцы касались ее шеи. Лаура еще не полностью избавилась от страха перед Галлардом и может вздрогнуть от его прикосновения. Выйдет очень неловко, потому лучше держаться на расстоянии.

Впрочем, приарх не спешил ее трогать. Неподвижный, как гранитная скульптура, он смотрел в огонь. Изобразив на лице интерес, Лаура ждала. Не стоит торопить мужчину, когда он собирается с мыслями.

– Что мы знаем о богах?.. – наконец, изрек Галлард.

Вопрос походил на риторический. Лаура не торопилась с ответом и оказалась права. После паузы его преосвященство продолжил:

– Испокон веков боги ведут войну с владыкой хаоса, Темным Идо. Сперва они сумели потеснить его и выкроить малое пространство, в котором основали упорядоченный мир. Тысячелетие за тысячелетием они сражались, расширяя свои владения. Виток за витком боги строили Вселенскую спираль. Где Темный Идо отступал, там появлялся новый виток порядка. Так и вырос наш мир, раздвинув собою хаос и мрак.

Лаура заметила благоговение в голосе приарха и на всякий случай воскликнула:

– Велики боги!

– Да, – просто сказал его преосвященство. – Но не о том речь. Хаос по-прежнему висит над нами вечною угрозой. Его незримые щупальца проникают в подлунный мир и сеют меж людей зерна раздора, своенравия, непокорности, жадности. Людей охватывают порочные страсти. Они мечутся по жизни, пытаются урвать тут и там, отхватить чужого, ублажить свою плоть. Люди тянут ткань мироздания в разные стороны, силятся разорвать на части. Они похожи на свору собак, которым достался один кусок мяса... Именно так хаос наносит свой удар!

Лаура поежилась: столько праведного гнева звучало в последних словах. Она вставила поспешно:

– Заветы Праматерей хранят нас от хаоса.

– Умное дитя. Как раз о заповедях я размышлял. Когда боги заметили, что идовы страсти разобщают людей, Прародители были посланы в наш мир. Они принесли нам веру, основанную на столпах двенадцати заповедей. Свое место в мире прими с достоинством. Почитай стоящих выше тебя, будь добр к стоящим ниже...

– Трудись усердно в меру сил, – подхватила Лаура, уверенная, что ее испытывают.

– И так далее, – кивнул Галлард. – Как полагаете, все ли в нашем мире знают их?

– Все, кроме фольгийцев и самых дремучих шаванов.

– А как вы оцениваете заповеди? Мудры ли они?

Столь легкая проверка уязвила Лауру. Она изучала тру-

ды Праматерей, могла дать толкование притчам Глории-Заступницы и витиеватым метафорам Агаты. А тут вопрос, с которым справится и младенец!

– Заповеди есть средоточие божественной мудрости. Они воплощают в себе главнейшие правила жизни.

– И люди, следующие этим правилам, угодны богам?

– Конечно, ваше преосвященство. Только те, кто жил согласно заповедям, займут места в светлых чертогах хрустальных дворцов на Звезде. Те же, кто нарушал писание, после смерти станут слугами и бедняками, – сказала Лаура не без удовольствия, поскольку ее ждал хрустальный дворец.

Тут Галлард впервые повернулся к ней:

– Как вы считаете, стал бы мир хуже, если б заповеди были иными?

Прямой взгляд архиепископа встревожил Лауру. Вот сейчас он мог положить руку на ее шею или потрепать волосы. Но этого не случилось, его преосвященство продолжил:

– Если бы, скажем, первая заповедь велела нам жить в деревянных домах и каждое утро читать стихи? А вторая глаasila бы, что купаться можно только в реке, но не в озере? А третья говорила, что мужчины должны носить юбки, а женщины – штаны, – плохо бы стало от этого?

Лаура нахмурилась. Последние слова приарха напомнили крамольные речи ее брата. Быть может, это намек? Галлард уже знает о проступках Джереми?.. Нужно быть очень осторожной!

– Ваша светлость, боги неспроста дали нам заповеди. Дело смертных – подчиняться, а не оценивать. Я проявила бы страшное высокомерие, если б взялась судить о поступках богов.

Галларду понравился ответ, суровый взгляд слегка потеплел.

– Да, мы – черви в сравнении с божественной мощью. Не нашим слабым умом постичь замыслы властителей порядка. Но одно можно сказать наверняка: худо было бы, если б заповеди у всех были разные. Мы, поларийцы, понимаем друг друга, поскольку говорим на одном языке. Мы способны торговать друг с другом, поскольку золотой эфес ценится повсюду. Мы все признаем власть императора и Великих Домов – потому мир не тонет в кровавой смуте. Если бы вместо лордов страной правили актеры, это была бы глупая страна, но она могла бы жить. Но если б одни подчинялись актеру, другие – сапожнику, а третьи – банкиру, – все перебили бы друг друга.

Лаура затаила дыхание. Кажется, она догадалась, о чем говорил приарх, но догадка была слишком смелой. Если Лаура ошибочно выскажет ее, то вызовет ярость. Но если не выскажет – покажется глупой, а глупость – худший порок для агатовца...

– Вы говорите о том, что содержание заповедей не так важно, как их единство? Одинаковая вера, какой бы она ни была, сплачивает людей?

Галлард медленно кивнул:

– Именно так, юная леди. Стремясь погубить нас, Темный Идо сеет раздор. А спасти смертных может только тот, кому хватит силы объединить их и уничтожить распри.

– Но простите, ваша светлость... Видимо, я неверно поняла... Будь добр к слабым, говорит заповедь. Как же боги могли объединить людей силой? Разве насилие – это добро?

– Конечно, добро, если служит единству. Если ваши дети подерутся меж собой, вы разнимете их силой или позволите колотить друг друга? Если на псарне появится бешеный пес, вы прикончите его или подождете, пока он загрызет остальных?

Рука приарха сжалась в кулак. Мышцы заиграли на предплечье, и вдруг Лауре подумалось: какова эта рука наощупь? Ладонь мужчины очень многое говорит о нем. Отец и дед, и брат нередко клали руку ей на плечо, и Лаура сразу прочитывала их настроение, даже мысли...

Галлард не прикоснулся к ней. Лаура ответила, когда пауза затянулась:

– Не смею судить, ваше преосвященство. Возможно, меч мудрее пера, но нужно быть очень смелым человеком, чтобы признать это.

Он смотрел так, будто ждал продолжения. И Лаура смотрела, силясь понять: неужели это не проверка, а подлинный интерес? Разве Галларду действительно важно, что она скажет?..

Лаура смешалась. Все мысли вылетели из головы, едва она поняла, что может быть услышана. Лаура с трудом нащупала даже не мысль, а некое чувство, и наспех облекла его в слова:

– Я хочу сказать... Только отчаянный храбрец может делать зло во имя добра. Как будто принимаешь решение вместо богов...

– Мудрые слова, – сказал Галлард без тени улыбки. – Очень мудрые. Праотец Вильгельм убил Перстами тех шаванов и объединил Империю, но нарушил священный запрет. Я понимаю, что он был прав, поскольку время доказало его правоту. Но откуда сам он знал, что поступает верно? Как поступил бы я на его месте?..

Лауре показалось, что она слышит сомнения в голосе приарха. Очевидно, слух ее подвел. В соседнем кресле сидел не мелкий Альберт и не Джереми, и даже не отец. Галлард Альмера был самым твердым из мужчин, кого знала Лаура. Он не стал бы колебаться даже перед труднейшим решением.

– Вы поступили бы верно, ваша светлость. Как бы сложно это ни было.

Галлард произнес ровно, без эмоций:

– Вы хотели знать, миледи, за что наказана ведьма на столбе. Она была известной женщиной в городе Флиссе: хозяйкой музыкального салона и альтессой бургомистра. Она убеждала бургомистра перейти на сторону моей племянницы Аланис и отрезать мне доступ к Дымной Дали. Она не погрешила против заповедей Праматерей, однако служила

Темному Идо, сея хаос. Если б ее план удался, Флисс восстал бы, и мне пришлось брать его штурмом. Сотни и тысячи человек погибли бы у стен. Я спас их, отняв единственную жизнь.

Лауре перехватило дух. То было страшное признание – на первый взгляд, циничное, бездушное, как речи брата. Но, кажется... почти наверняка, она поняла истину приарха. И в своей правде он был непогрешим, как Великий Вильгельм.

– Вы поступили милосердно, – прошептала Лаура.

– Нет, я убил ее зря, – жестко рубанул Галлард Альмера. – Мне не пришлось бы казнить альтессу бургомистра, нескольких офицеров и баронов, множество болтунов и чужих агентов – если б я вовремя убил свою племянницу Аланис. Можно было обойтись одной-единственной жизнью.

Лаура не знала, что сказать. Чего ждет Галлард? Ее сочувствие унижит его, одобрение – рассмешит. Она слишком слаба, чтобы судить о таких вещах.

– Будь добр к стоящим ниже, – произнесла она.

Он спросил устало и угрюмо:

– Желаете ли что-нибудь, миледи?

Она чуть не ляпнула в ответ: положите руку на мое плечо, тогда я точно пойму, что вы обо мне думаете.

– Я очень надеюсь, что мой муж Альберт оградит меня от подобных решений. Прошу, если можно, научите его принимать их.

Лаура унесла с собою мысли о Галларде Альмера и Перстах Вильгельма. Первые были слишком сумбурны, чтобы делиться ими. Но вторые можно было обсудить на прогулке с братом.

– Как ты считаешь, кто похитил Предметы?

Джереми хохотнул. В последнее время он начинал усмешкою большинство ответов – уж такие идиоты окружали Джереми, что не могли спросить ничего умного.

– Неужели сложно понять? Адриан же не сам проказничал с Перстами! Был у него какой-то пес, который умел использовать Предметы. Он и в Запределье шалил, и Эвергард сжег. Теперь Адриан умер, а пес-то остался!

– Думаешь, он украл достояние, чтобы вооружиться?

– Конечно! Или просто продать и денег заработать.

Брат говорил о Предметах, будто о чем-то будничном: о ножах или даже ложках. Лаура так и не привыкла до конца к его цинизму.

– А по-твоему, боги допустят такое?

– Ха-ха-ха! Боги явятся в мир и все исправят! Хоть думай немножко перед тем, как спросить. Если кто и не допустит, так это Ориджин. Он ненавидит пса с Перстами и будет искать до последнего. Хорошо бы нашел.

– И вернул бы достояние?

– Достояние – ерунда. Главное, пес хорошо пощипает Ориджина, а нам это только на руку. Чем он слабее, тем больше наше влияние! Вот лучше взгляни-ка.

Он дал сестре записку, полученную волной из Сердца Света. Лаура прочла набор пустых вежливостей от деда.

– Ах да, ты же не знаешь! – как бы спохватился Джереми.

На деле он прекрасно помнил: отец не учил Лауру фамильному шифру Дома Фарвей. Отец и сын были единомышленны: не стоит доверять курам.

– Дед пишет вот что: он почти согласовал с шиммерийским королем покупку очей, а попутно закинул удочку на счет моего брака. У короля шестнадцать дочек – будет из кого выбрать!

– Самые красивые уже замужем, – метнула шпильку Лаура.

– Самые красивые еще юны! Мне достанется нежный южный цветочек, представляешь? Воспитаю так, как мне захочется!

– Как отец воспитал маму... – вполголоса обронила Лаура.

– Мать заслужила, агатовская зазнайка. А ты всегда думаешь не о том. Представь себе Дом Фарвей через двадцать лет! Отец – правитель Надежды, я – его наследник и зять короля Шиммери. Ты – жена герцога Альмера. Ты должна следить, чтобы Альберт оставался трусливым цыпленком. Тогда Галлард помрет, и править будешь ты...

Джереми внезапно умолк, глядя в темную арку подвала, мимо которого прошел только что. Высмеиваемые им боги вмешались в его жизнь, послав случайную встречу.

– Кажется, там кто-то есть... – шепнул Джереми, напрягая глаза. – Эй, ты! Выходи, кто бы ты ни был!

– Ы... у... у!.. – из подвала выскочил немой монах.

– Какой тьмы ты шпионил за нами?! Я – посол Дома Фарвей!

Монах как будто не заметил его. Сопя, пробежал в шаге от Джереми и устремился к покоям приарха. Левую руку монах прижимал к груди под сутаной, словно рука была ранена или сломана.

– Он следил за мной! А теперь расскажет приарху!

Так тебе и надо, – подумала Лаура. Еще подумала: вряд ли за тобой, он за всеми следит. А сказала вслух:

– Как он расскажет, если немой?

– Вот и узнаем!

Схватив сестру за руку, брат помчался через двор к конюшне. Лорд Альберт прощался на ночь со своим любимым пони. Джереми оттащил мальчонку в сторону и прошипел угрожающим шепотом:

– Знаешь, как подслушать приемную Галларда?

Альберт не понял. Джереми встряхнул его, повторил с нажимом:

– Всюду есть слуховые окна. В приемной тоже. Покажи, куда ведет!

– Нельзя... нельзя! Дядя ужасно разозлится!

– Он не узнает.

– А если узнает? Нет, нельзя, я боюсь...

Джереми мигнул по сторонам – никто ли не видит. Схватил руку Альберта и ею толкнул Лауру в грудь. Сестра упала на спину, Альберт вскрикнул от испуга.

– Знаешь, как Галлард опекает ее? Покажи слуховое окно, иначе скажу ему, что ты ударил!

– Но это же не я...

– Ты мелкий, а я – посол Надежды. Кому поверят, а? Показывай!

Альберт, чуть не плача, повел Джереми. Лаура поднялась сама и поспешила за ними. Юрко, как в не забытом еще детстве, проскочили они между часовых, увернулись от цепких глазенок прислуги, малоприметною лестницей взлетели наверх – в какой-то скошенный чердак, вроде мансарды. Здесь булькал искровым нутром отопительный котел, змеями извивались трубы, стояли ящики с инструментом. Альберт открыл дверцу кладовки. Опасливо, будто мертвую голову, вынул ведро и швабру, открыл путь к тыльной стене. Нащупал незаметную панельку, нажал, отодвинул. Появилось окошко, затянутое тканью.

– Сюда...

Брат с сестрою втиснулись в чулан, разом припали к окошку. Голоса так исказились, проходя слуховой канал, что сначала Лаура не разбирала ни слова. Но вот слух приспособил-

ся, утробное бормотание обрело смысл, лишь некоторые слова выпадали. Говорили двое, одним из них, очевидно, был Галлард Альмера:

– ...не смеете, сударь. Был договор. Вы получили ... и не вправе требовать больше!

Некто отвечал Галларду. Немой монах?..

– Вы получили... целое герцогство, а я – четыре Предмета. Обмен был неравен. Я... выровнять чаши.

– Я дал, сколько было условлено!

– Что ж, тогда я меняю условия.

Голос этот – вкрадчивый, опасный – никак не мог принадлежать монаху. Даже если тот и разыграл немоту, его «ы! у!» звучало совсем на другой ноте.

– Это плохо, нам нельзя! – простонал бедный Альберт.

Джереми махнул на него, и мальчик, получив дозволение, вихрем исчез с чердака. Наступила тишина, прерываемая лишь котлом – и ворчанием из слухового окошка.

– Чего же вы хотите, сударь? – спросил Галлард Альмера.

– Нужен Предмет ... ля Солнца. Передадите ... прежним путем.

– У меня нет такого.

– Узнайте, у кого есть! ... архивы Церкви, грамоты, переписи. Он мне... найдите.

Этот второй человек, казалось, находился дальше, чем приарх. Терялось больше звуков, оставшиеся делались едва различимы. Слова Галларда проходили одну слуховую тру-

бу, слова собеседника – как будто две.

– Тогда и я потребую большего, – проскрежетал Галлард.

Он выдержал паузу, и собеседник предположил:

– Жизни ... и Аланис?

– Нет. Я хочу говорить с Предметами.

Немой монах выронил свое обычное: «Ы!..», и Лауру пробил озноб. «Ы!» было громче и яснее вопроса об Аланис. Фантазия нарисовала жутковатую картину: тот, второй, не находится в комнате, а говорит издали сквозь немого монаха!

– Этого не будет, – сказал сумрачный собеседник.

– Я глава Церкви, – железом отчеканил приарх. – Если говорящие Предметы даны богами, я должен ими владеть.

– Так не... кровь... в ваших жилах!

– Я не намерен спорить. Я сказал, чего требую.

– А я сказал, что это невозможно.

– Придет день, когда вы взмолитесь о моей помощи. Тогда увидим, возможно или нет.

И голоса оборвались, упала тишь. Отчетливо ыкнул немой, скрипнула дверь кабинета. Галлард остался в одиночестве.

Минуту Лаура и Джереми глядели друг на друга. Потом брат захлопнул окошко и заговорил с лихорадочным пылом:

– Ты понимаешь, что это значит?! Галлард сговорился с хозяином Перстов! Причем давно – еще до Эвергарда! Ах, мерзавец! Играет на три стороны, хочет провести и нас, и

северян!

– Галлард – не мерзавец, – ответила Лаура.

Почему-то ей было важным отметить, что он – не мерзавец. С кем бы ни сговорился Галлард, но он – лорд, и делает, что нужно, на благо Альмеры и Церкви. А еще, он, единственный на свете, интересуется Лаурой.

– Подлец, подлец! – прошипел Джереми. – Но ему это не сойдет. Мы с тобой сбежим отсюда. Сегодня же поездом – в Сердце Света. Расскажем деду, уж он задаст этому прохвосту! Или Ориджин заплатит нам за тайну Галларда, или сам Галлард заплатит за молчание, но уж цена будет достойна! Мы из него все соки выжмем!

– Постой... – попросила сестра. – Надо подумать...

– А, курица! Не понимаешь сама, так слушай меня. Сейчас собирайся – и на конюшню. Я велю запрячь экипаж. Мне можно, никто не спросит. Утренним поездом улетим к деду – поняла? Теперь шустро к себе, одеваться! Жду на конюшне!

Он выволок ее из кладовки, ногой захлопнул дверь, помчал вниз по лестнице, увлекая сестру. Чуть ли не вбросил ее в комнату: «Даю пять минут!» – и исчез в своей.

Припав спиной к двери, Лаура перевела дух и повторила:

– Галлард – не мерзавец.

Из этих слов, будто из семени, выросло все, что она сделала в следующие минуты.

Глядя в зеркало, она поправила прическу и платье, привела себя в идеальный вид. Задержала дыхание, несколько раз

всхлипнула, часто поморгала – глаза увлажнились и носик покраснел, будто от плача. Тогда выбежала из комнаты.

Часовые охраняли этаж, занятый Галлардом Альмера. Лауру они пропустили без вопросов. У самого кабинета приарха стражи не было – Галлард не хотел, чтобы кто-нибудь слышал сквозь дверь обрывки разговоров. Лаура всхлипнула еще раз и нервно постучалась. Не дожидаясь ответа, вошла.

– Я не позволял!.. – вскинулся приарх.

Но смягчился, увидев гостью, а особенно – красные ее глаза.

– В чем беда, леди Лаура?

Она отказалась сесть, уткнула в пол горестный взгляд, принялась комкать подол платья.

– Ваша светлость... мне очень стыдно вас беспокоить. Прошу, простите... но я больше не могу терпеть, и не к кому обратиться...

– Говорите без стеснения. Нет стыда в том, чтобы слабый просил помощи у сильного. Что стряслось?

– Мой брат Джереми... он измучил меня цинизмом, глумлением, издевками... ведет себя скверно мне на зло – знает, чем задеть... за один только нынешний вечер назвал меня курицей, затем толкнул так сильно, что я упала, а потом еще посмеялся над монахом...

– Над каким монахом? – насторожился Галлард.

– Несчастливым немым человеком... но дело не в монахе, ваша светлость. Он – только частность, а все намного хуже...

– Что может быть хуже насмешек над божьим слугою?!

– Ой... – Лаура прижала ладошки ко рту. – Простите, ваша светлость, мне не стоило. Это слишком постыдно. Прошу вас, забудьте.

Она ринулась к двери.

– Стойте, миледи! – Властному голосу приарха нельзя было противиться. – Окончите то, что начали.

Лаура прижалась к двери, ломая руки.

– Право же, я не смею...

– Миледи, вы беседуете с духовником. Считайте это своей исповедью. Законы Церкви защищают вас от любого осуждения с моей стороны. Говорите смело!

– Беда в том, что это – не только мой стыд... – она прерывисто вздохнула. – Мой брат – вольнодумец, как и отец. Наверное, поэтому позволяет себе...

– Вольнодумец? Прошу, уточните. Джереми отрицает законы Праотцов?

– Не верит, что Прародители – святые. Он говорит: это были интриганы, захватившие власть. Говорит: Праотцы переписали историю, чтобы выглядеть посланцами богов.

Приарх потемнел лицом.

– Продолжайте!

– Помните, ваша светлость спрашивали, почему я не молюсь за упокой матери?.. Тогда я не ответила честно... Дело в том, что маменька – жива. Она сбежала из дому, это ужасный стыд. Дед приказал считать ее покойной.

– Как сбежала? Почему?

– Маменька агатовского рода. Она верит в Агату, блюдет заповеди, ценит свою честь. Отец все смеялся над нею, звал темной, суеверной, глупой... Отцу и брату смешно, когда кто-то во что-нибудь верит.

– И что случилось с матерью?

– Она учила меня верить Праматерям, вопреки отцу. Он злился и бранил маменьку. Когда это не помогало, давал волю рукам. При одной ссоре сильно избил ее. Маменька ушла...

Галларду стоило труда сдерживать гнев. Его голос не звучал, а скрипел сквозь щели каменной маски:

– Ваш брат и отец не верят в святость Агаты?

– Да, ваша светлость.

– Все, что они говорили о божьих законах и голосе крови...

– Лицемерие, ваша светлость.

Длинный свирепый вдох.

– И поэтому Джереми смеялся над монахом?

– Он встретил его в коридоре у вашей приемной и стал высмеивать: «Зачем идти на прием, если ты немой? Что ж тебе боги не вернули речь, если ты так много молишься?»

– Вы видели это?

– Нет, он рассказал. Был очень весел и доволен собою. Это и переполнило чашу. Я привыкла, что смеются надо мною. Но монах – служитель Церкви...

– Что Джереми делал у моей приемной?

– Не знаю, ваша светлость. Я не подумала спросить. Джереми ходит где хочет...

– Мог ли он что-то слышать сквозь дверь?

Лаура сделала большие круглые глаза:

– Что он мог услышать, если у вас был немой?!

– Верно. Ничего.

Несколько минут Галлард хрипло дышал, сжимая кулаки.

Когда овладел собою, позвонил в колокольчик.

– Джереми Фарвея – ко мне.

– Я полагаю, он на конюшне, – подсказала Лаура. – Кажется, собирался куда-то ехать.

Через несколько минут Джереми стоял в кабинете приарха – ошарашенный и бледный. Куда и подевалась самоуверенность!

– Лаура, что ты...

Приарх оборвал его:

– Юноша, прочтите молитву благодарности Агате.

– Э... зачем, ваше преподобие?..

Галлард грохнул кулаком по столу.

– Читайте!

Джереми начал, запутался в словах, потерялся, умолк. Он ничего уже не помнил из сестринских уроков.

– Слово к Семнадцати?

Новая тщетная попытка.

– Укрепимся трудами и молитвою?

Этот стих читался при каждой праздничной мессе в любом храме Империи. Даже не заучивая намеренно, Джереми запомнил бы его – если б посещал церковь.

– Итак, юноша, вы не признаете веру богов и Праотцов, – констатировал приарх.

– Я... ваше преосвященство, я верю в богов! Просто я молюсь про себя, в уме... Не обязательно же молиться напоказ...

– Прочитайте любой отрывок из Вильгельма Великого.

– Я... у меня плохо с памятью, ваше преподобие...

– Дневники Янмэй? «Мгновения» Агаты?

Джереми сдался. Размяк, расплылся слезливым киселем.

– Ваше преосвященство... Я ничего не знаю... Простите, я еще юноша... Я ни в чем не виноват, меня таким воспитали...

– Отец и мать учили вас по-разному. Вы выбрали еретическую науку отца – не потому, что она истинна, а потому, что проста. Вера требует душевных усилий. Ваша сестра пошла трудным, но правильным путем. Вы – нет.

– Я еще исправлюсь... клянусь, ваше преосвященство, я начну верить!

– В этом не сомневаюсь... – Галлард выдержал паузу, постукивая пальцами по столу. – Восемь лет послушничества в далекой обители очистят вашу душу.

У Джереми отпала челюсть.

– Меня в ссылку?.. Вы не можете, так нельзя!..

– Приарх не может наказать еретика? – Недобрая ухмылка полоснула лицо Галларда. – Проходя через двор, обратите внимание на столб с цепями.

– Но я... лорд Великого Дома!

– В том и дело, юноша. Пока жив, я не допущу, чтобы Великим Домом правил еретик.

По знаку приарха Джереми увели прочь. В последнюю секунду, когда Лаура видела брата, тот выглядел гораздо хуже запуганного Альберта.

Оставшись наедине с Лаурой, приарх изменился. Гнев утих, истратившись на Джереми, гранитная маска упала с лица.

– Миледи, мы не должны оставить незамеченным единственный луч света в этой темной истории. Трудно идти против собственного брата и порочных семейных традиций, но вы поступили правильно. Боги улыбаются, глядя на вас.

– Однако вы печальны, ваша светлость... – Лаура подошла ближе. – Могу я чем-нибудь помочь вам?

– И чем же?

– К примеру, у меня красивый почерк. Хотите, напишу письмо лорду Ориджину? Он ни за что не встанет на сторону тех, кто смеется над Светлой Агатой. А мои дед и отец придут в ярость, но не решатся на конфликт с вами, если Ориджин не поддержит их.

– Весьма разумно, миледи...

Он помедлил, размышляя о чем-то своем, глубококом.

– Ответьте, миледи. Насколько сильно вы успели привязаться к лорду Альберту?

– Он – хороший, добрый мальчик. Но, если позволена честность, я надеялась выйти за опытного человека...

– Что вы скажете, если я предложу вам более зрелого жениха?

– Скажу, что мне не терпится узнать его имя!

Она очень тонко улыбнулась. Он еле заметно кивнул.

– Миледи, сегодня вы совершили мужественный и благородный поступок, который должен быть вознагражден. Скажите, чего желаете?

Лаура улыбнулась шире.

– Хочу пони!

Глас Зимы

*Февраль – апрель 1775 г. от Сошествия
(первые месяцы правления Е.И.В. Минервы)
Фаунтерра*

Сизая паволока покрывала сталь, придавая клинку оттенок грозового неба. Лезвие идеальной заточки становилось на кромке почти прозрачным – не обрывалось, а будто растворялось в воздухе. Узкий, не шире трех пальцев, клинок казался хрупким. О, как обманчива внешность!

Меч звался Глас Зимы. Выкованный двести двадцать лет назад, он начал службу в самые черные дни Империи – при Первой Лошадиной войне. Его держал в руках герцог Одар Ориджин, когда клялся защищать Империю до последней капли крови. Он, Глас Зимы, отнял жизнь великого ганты Хадиная в битве при Дойле, прервавшей движение Степи на север. Он же остановил сердце герцога Одара, когда сын лорда нанес отцу удар милосердия – и получил меч в наследство.

Глас Зимы звучал и во Второй Лошадиной войне, и в Третьей. Укладывал в пыль яростных шаванов и кровожадных гант, и лукавых баронов Фейриса, бивших в спину имперским войскам. Глас Зимы раздавался в пустынях Надежды при Золотом походе против мятежных графов. На Глас Зимы, сверкающий в руках Артура Ориджина, молилось пе-

ред боем все его войско, окруженное в форте Ланс; войска было сорок четыре человека, а врагов – полный батальон. Глас Зимы заливал багрянцем палубы пиратских кораблей в узких проливах меж Граненых островов, и канул в пучину вместе с пылающей шхуной, но был найден и поднят со дна. Глас звенел на стенах Первой Зимы, когда графы Флеминги обманули Ориджинов и внезапным ударом захватили твердыню. Герцог Лиорей Ориджин не имел надежды на спасение, но рубился до последнего и поверг двенадцать вражеских кайров – а потом все же сложил меч, когда граф-изменник пригрозил убить всех обитателей замка. И Глас Зимы последовал за Лиореем Ориджином в подземную темницу – такую была предсмертная воля герцога. Глас Зимы видел гибель Лиорея, заживо погребенного, и четыре года пролежал на его костях, а после был поднят наследником – и отсек голову коварного Флеминга...

Нельзя сосчитать, сколько жизней отнял этот меч и сколько поединков выиграл. Не счесть сражений, в которых он звучал, и атак, в которые бросал войска одним блистающим взмахом. И конечно, не вообразить, сколько раз он был правлен, чищен, заточен... Однако мастер Конрад из Лида, выковавший меч для герцога Одара, сделал идеальную копию своего шедевра, из коей известен точный вес Гласа Зимы при его рождении. За двести двадцать лет жизни меч утратил три с половиной унции веса. Два века назад Глас Зимы получил свое название потому, что был так же скор, как звук. Сейчас,

убавив в весе, он стал самым быстрым изо всех мечей в мире.

– Напомни, милый, зачем он тебе?

Альтесса огладила клинок и переползла пальчиком на ладонь Эрвина Софии Джессики.

– Это отцовский меч, – ответил Эрвин, повыше задрал подбородок. – Сакральная вещь для всякого достойного воина.

– Конешшшно, – шепнула альтесса.

– Им владела дюжина великих Ориджинов и победила много дюжин великих врагов.

– Чьих имен ты не помнишшшь... – мурлыкнула альтесса.

– Он впитал в себя искусство двенадцати поколений мастеров клинка!

– О, да! – Выдохнула альтесса, пафосно закатив глаза.

– Ты нестерпима, – фыркнул Эрвин и сунул меч в ножны. – Ладно, он просто легкий.

Она задумалась, нахмутив тонкие брови.

– Как по мне, это недостаток. Во-первых, с легким клинком ты станешь деградировать. Ослабеешь, возьмешь рапиру, за нею – кинжал... Со временем дойдешь до зубочисток...

– Ах ты!..

Альтесса дала знак не перебивать.

– Во-вторых, любимый, твои руки столь изящны! А подлинная эстетика требует некоторого контраста. Тяжелое ору-

жие добавит ноту мужественности, которой слегка недостает в этой... – она обвела Эрвина игривым взглядом, – ...утонченной сюите.

Эрвин так сроднился с воображаемой альтессой, что наделил ее именем. Она была теперь не какой-то там тревогой, а – Тревогой с заглавной буквы. Осознав себя особенной, альтесса решительно обнаглела.

– Признай: Глас Зимы не для тебя. Откажись от подарка. Папеньку не обидишь, есть прекрасная отповедь: «Лорд-отец, я не смею принять оружие лучших, поскольку лучший – вы!»

Эрвин снял с крюка на стене прежний свой клинок. Старый меч Эрвина звался «меч» – глупо давать имя инструменту, которым владеешь на уровне подмастерья. Клинок был выкован хорошим, но не лучшим мастером из хорошей, но не лучшей стали. Имелся весомый шанс, что Эрвин сломает или потеряет меч, – разумно было сэкономить. Клинок был излишне тяжел для лорда-неженки: отец питал надежды, что рука сына окрепнет, – они не оправдались. Меч Эрвина сразил полдюжины копейщиков при Уиндли (которые и так уже бежали) да десяток солдат майора Бэкфилда (в основном, подонков и голодранцев). Ни одного барона или графа, да что там – ни одного действительно опытного бойца. Однако этот меч помог Эрвину выстоять целую минуту против кайра Джемиса и сбросить с коня путевого рыцаря, завершив бескровный штурм Лабелина. Этот же меч был при Эр-

вине в день, когда он подписал мир с Минервой Стагфорт и стал правителем Империи вместо того, чтобы сделаться трупом. Как и вороной жеребец Дождь, безымянный меч прошел вместе с Эрвином и довелось тьму.

– Ты права, дорогая: я люблю эту железку и не хочу с нею расставаться.

– Тогда в чем же дело?

Раздался стук в дверь, сдобренный басовитым: «Кузен?..»

– Ты не одета для гостей, скройся!

Эрвин толкнул альтессу чуть ниже спины. Она запахнула пеньюар на груди и нагло уселась на стол.

В комнату вошел Роберт Ориджин.

– Здравия тебе, ку...

На половине приветствия он заметил Глас Зимы и растерял слова.

– Это?..

– Глас Зимы, да. Меч, который переходил от славных Ориджинов к еще более славным Ориджинам, пока почему-то не достался мне.

– Как?..

– Вчера лорд-отец подарил со словами...

«Мне больше не пригодится», – ввернула альтесса.

– ...ты его заслужил, – окончил Эрвин.

– Лорд Десмонд прав, ты заслужил... – сказал Роберт, так и не отведя глаз от меча.

– Желаете опробовать?

Эрвин подал меч кузену. Роберт медленным, трепетным движением обнажил клинок и что-то в нем, Роберте, преобразилось. На лице смешались благоговение и грусть, в глазах сверкнули отблеском памяти славные битвы, а в морщинах легли тенями унылые годы казначейства. Роберт взмахнул мечом. И второй раз – быстрее. И третий. Глас Зимы сверкнул призрачной дугой, раздался шорохом вспоротый воздух, странная прохладца наполнила комнату. словно боясь позволить себе лишнее, Роберт убрал клинок в ножны:

– Благодарю.

– Скажи, кузен... ты хотел бы бросить во тьму свое казначейство и...

Эрвин тронул взглядом Глас Зимы. Роберт смешался.

– Я... не искушай, кузен. Ты сам знаешь ответ. Но я не могу биться, пока не обзаведусь женой и сыном. Ориджины Первой Зимы и Ориджины Ступеней Неба... При моем прадеде, в каждой ветви рода было по дюжине молодых мужчин. Теперь ты один в Первой Зиме и я один в Ступенях. Я не смею рисковать, пока не оставлю потомство. И вам не советую, милорд.

Последнее слово указывало, что совет Роберта – предельно серьезен.

– Этого и ждал, – сказал Эрвин. – Согласен, ты прав. Однако прошу тебя об одной услуге. Она не связана с риском... надеюсь. Обучи меня фамильным приемам.

– Фамильным приемам?! – В один голос удивились аль-

тесса и Роберт.

Продолжили порознь. Роберт:

– Разве ты ими не владеешь?

Альтесса:

– Ты собрался сражаться? Умоляю, только не это!

Эрвин отмахнулся от любовницы и ответил Роберту:

– Видишь ли, моя железка не годится для жемчужин мастерства. Признаться, в юности я не усвоил науку, но лишь потому, что меч был неподходящий. Теперь, с Гласом Зимы, я надеюсь...

– Ага, – кивнул Роберт. – Почту за честь обучить тебя. С какого приема желаешь начать?

Приемов имелось пять. Во всем мире ими владели только мечники рода Ориджин – то есть, в данный момент один Роберт. Приемы оттачивались годами тренировок, передавались из поколения в поколение, совершенствовались и видоизменялись, подстраиваясь под новшества амуниции. Каждый прием был рассчитан так, что успешное его применение гарантировало победу в поединке. Для этого приемы должны были оставаться тайной для возможных врагов. Они передавались лишь от Ориджина к Ориджину и выполнялись так быстро, что никто не смог бы точно отследить движения клинка.

Первый прием звался Кулак Светоносца. После обманного финта, снимающего защиту, прямой быстрый удар в лицо, по глазам. Смертельный для бездоспешного противника,

калечащий и шоковый – для рыцаря в забрале. При юношеских тренировках Эрвина этот прием кончался на финте: во время обманной восьмерки меч выкручивался из рук и к моменту собственно атаки постыдно дезертировал.

Второй прием – Горный Грохот – заслужил свое название тем, что повергал тяжелых латников в оглушительное падение. Выполнялся с помощью даги: меч наносил рубящий удар в шею, противник вынуждено поднимал руку для блока, открывалась подмышечная впадина (слабое место латного доспеха), туда и вонзался быстрый кинжал кайра. Тут Эрвину не хватало не то ловкости, не то гибкости. «Скользи влево! Перетекай!» – твердил ему Рихард. Вместо скольжения с перетеканием Эрвин отлетал назад, наткнувшись на жесткий блок.

Третий и четвертый приемы – Алисьенна и Свежая Кровь – вели к поражению противника в первые секунды дуэли. Провоцирующий выпад – блок – новый провоцирующий (который враг примет за поражающий) – новый блок – поражающий удар. Алисьенна рассекала противнику бедро, Свежая Кровь – локоть. Оба приема требовали искусного контроля над клинком и большой силы в запястье. Спрашивается, где Эрвин – а где большая сила...

Последний прием именовался Молния Агаты. Изюминка в нем была самая простая и изящная. Представлял собою, по сути, двойной росчерк крест-накрест: икс и еще один икс. Секрет заключался в скорости. Первую вспышку Мол-

нии еще можно было парировать, предсказав выпад. Вторая не блокировалась никак – она опережала не только движение, но и мысль противника. Кроме мастерства, Молния Агаты требовала очень прочного и очень легкого клинка. Именно таким был Глас Зимы.

– Я думал о Молнии Агаты, – сказал Эрвин.

– Ага, – ответил кузен с видом одобрения.

– Пусть покажет, – шепнула альтесса.

– Продемонстрируешь?..

Роберт оценил пространство комнаты и счел показ безопасным. Поставил канделябр со свечою на край стола; с прежним трепетом обнажил Глас Зимы, сделал несколько пробных взмахов. Потом начал раскручивать клинок перед собой, будто сражаясь с незримым соперником. Вот невидимка рубанул его слева – Роберт парировал и провел ответную атаку. Вот невидимка отбил ее, Глас Зимы отскочил от блока, взметнулся вверх, выписал дугу над головою. Роберт шагнул к столу и хлестнул мечом. Не ударил, не рубанул – именно хлестнул, будто держал не сталь, а кнут.

Клинок исчез. Пропал над головой кайра – блеснул вниз, у самой столешницы, – сверкнул под потолком – и снова вниз. Роберт отшагнул назад, вынул из воздуха возникший заново Глас Зимы, принял защитную позицию. Свеча распалась на три равных части: съехала вбок верхушка, отпала середина, а низ остался в канделябре, срезанный гладко, будто масло.

– Ухххх!.. – Выдохнула альтисса.

Роберт убрал меч в ножны.

– Когда начнем, кузен?

Не теряя времени, Эрвин приступил к тренировкам в тот же день, а продолжил следующим, и следующим, и следующим. Он отдавался учебе с удовольствием – собственно, любое дело во дворце лорд-канцлер Эрвин Ориджин делал в свое удовольствие, либо не делал вовсе. Он выбрал простой, но чертовски изящный тренировочный костюм; ходил в фехтовальный зал не утром и не вечером, а перед обедом – когда придворные барышни точно заметят его в пути. С небрежной учтивостью кланялся, придерживая Глас Зимы (и акцентируя на нем внимание), ронял невзначай что-нибудь о фамильных приемах или традициях Севера.

– Ах, к чему фехтование! Никто не посмеет вызвать вас, милорд! – Отвечали дамы и добавляли с искоркой: – Хотя...

В этом «хотя» заключалось все, что только можно было сказать об умном, красивом, обаятельном, властном мужчине – и к тому же, мастере меча. Эрвин закреплял впечатление после тренировки, за обедом, когда мимолетно замечал:

– Отчего-то так разыгрался аппетит...

И какая-нибудь из придворных дам начинала шептаться с соседкой, а леди Аланис метала в нее огненные взгляды, а леди Иона хихикала на ухо брату...

Словом, тренировки приносили Эрвину массу внимания,

укрепляли его образ великого воина – причем невзначай, без особых усилий. Что же на самом деле творилось в фехтовальном зале – знали лишь Роберт Ориджин и альтесса Тревога.

Обнажив меч, Эрвин скидывал маску. Игривость и неприужденность сменялись предельной, почти болезненной концентрацией. Эрвин кусал губы, бледнел от напряжения, рубил воздух так старательно, как бедный ученик приходской школы выписывает каракули в тетради. Роберт исправлял его ошибки с безграничным терпением, не говоря лишних слов, кроме: «Ага...»

У Эрвина не выходило ничего. С прежним своим мечом он достиг уровня среднего грея и мог одолеть если не опытного рыцаря, так хотя бы придворного выскочку. Но Глас Зимы был слишком легок и остер, и смертоносен. Этот клинок не прощал сомнений, не терпел человечности. Он привык ложиться в руку мечника с единственной целью – и цель эта была противна естеству Эрвина. Удары выходили вялыми, бессильными, ничтожными. Даже без «ага» Эрвин знал, что это – стыд.

– Нужны годы тренировок, – вечерами жаловался он альтессе Тревоге. Больше было некому – даже Иона и Аланис ничего не знали.

– Ага, – отвечала альтесса, подражая Роберту.

Она понимала, как и Эрвин: не в годах дело. Он – средненький мечник, но не дитя. Владеет и некоторой силой, и

опытом (пусть малым), и пониманием сути. Если дело идет настолько плохо, то проблема – в характере Эрвина, в самой сердцевине души.

– Ты слишком добр, – говорила альтесса. – Тебе не хватает злобы.

– Лучшее состояние для боя – холодная ярость, – Эрвин цитировал отца.

– Холодная, но ярость, – отмечала альтесса. – А в тебе ни ярости, ни гнева.

– Я – сама ярость!

– Мне-то не рассказывай. Все твои мысли – слишком светлые. Думаешь о девушках и рыцарях, и об отце. Думаешь, как все тебя любят и как отец гордится, и загордится еще больше, когда выполнишь Молнию Агаты. Еще думаешь, как убьешь Кукловода и прославишься на века, и все будут счастливы, кроме Кукловода. А Кукловод в твоих мыслях – некий абстрактный злодей без души, которого совсем не жаль.

– Прекрати, я тебе не овца! Я выиграл войну и взял столицу. По моему приказу умирали тысячи. Я сам убивал, и не раз. Казнил безоружных пленников. Меня боится половина Империи!

– Это все – внешнее. Внутри тебя живет доброта. Глас Зимы ее чувствует и хочет другого.

– Чего? Жажды трупов? Чтобы я представлял себе мясо, мозги, кровящую и возбуждался от этого?

– Да нет... Представь, что ты в джунглях, и лианы мешают пройти. Или, скажем, дверь в твой дом завалило снегом. С каким чувством будешь рубить лианы, отбрасывать снег?

– Но люди – не снег!..

Альтесса грустно качала головой:

– Вот в этом твоя беда.

– И что же делать?

– Брось затею. Я люблю тебя таким, как есть. Добрый герцог Ориджин – чудо природы, словно белый рубин или синий изумруд! Глас Зимы отдашь Роберту – сделаешь его счастливым навеки. А Кукловода убьешь как-нибудь потешнее. Согласись, смерть от меча – это проза. Вот вставить в каждый глаз по оку и вместе разрядить, чтобы мозги закипели...

– Ты омерзительна! Фу же!

Эрвин продолжил тренировки.

Успехи оставались прежними.

Пришел месяц март...

* * *

– Милая, мне лень вчитываться. Не перескажешь ли вкратце, о чем тут?..

Альтесса Тревога глядела через плечо Эрвина, пока тот листал сорокастраничный отчет о следствии. Капитан Хайдер Лид из отряда Лидских Волков и агент протекции Итан

Гледис Норма дожидались реакции герцога.

– Лентяй, – альтисса лизнула его за ухом. – Здесь говорится, что эти двое по твоему приказу взяли сотню греев да сотню агентов и прочесали берега Бэка на тридцать миль вниз от графского замка. Подобрали девяносто два трупа (идет список). Опознали двести шестнадцать трупов, найденных среди обломков поезда (приложен список). В поезде на момент крушения было триста двадцать человек, это значит – если не поленишься вычесть – что двенадцать покойников они не нашли. На пяти страницах изложено оправдание, почему эту дюжину можно уже не искать. Понимаешь – разложение, рыбки... Да и вообще, у недостающих трупов были дурацкие фамилии – взять, например, сира Сандерса Салли Сатерзвейта. Такое смешно писать на могиле.

– А Адриан?

– Странный вопрос, любимый. Адриана привезли две недели назад! Ты еще заставил Мими понюхать его останки. Хотел подержать волосы владычицы, когда ее стошнит?

– Я имею в виду... как бы сказать... не нашли они кого-нибудь, еще более похожего на Адриана?

– Тебе нужен второй труп императора?! А чем плох был первый? Зубы, метки на костях, эфес на поясе – все ж при нем! Выглядел скверно – ну так смерть никого не украшает. Посмотришь на себя через месяц после похорон...

Эрвин поцеловал ей руку и поднял взгляд на визитеров.

– Господа, я желаю побеседовать с вами отдельно. Кайр

Лид, сперва вы.

Итан покинул комнату, кайр вытянулся в струнку:

– К вашим услугам, милорд.

– Как полагаете, почему я послал вас с этой задачей?

– Милорд, Лидские Волки служили вашему роду шестнадцать поколений и не запятнали себя ни одним мятежом. Мало о ком из ваших прим-вассалов можно сказать подобное. Кроме того, милорд, моя рота проявила исключительную доблесть в ночном Лабелине и в погоне за Серебряным Лисом. Придя в столицу, мы сложили к вашим ногам триста трофейных искровых копий!

– Я горжусь вашими успехами, Хайдер. Благодарю Агату за то, что создала вас моим вассалом. И добавлю одну похвалу, которую вы из скромности опустили: вы – лучший дознаватель в моем войске.

– Это не то качество, которым должен гордиться кайр.

– Но то, которое чертовски было нужно на берегах Бэка. Скажите: вы допросили этих... ммм... рыбаков, видевших крушение поезда?

– Так точно, милорд.

– И людей графа, первыми прибывших на место?

– Так точно, милорд.

– Расскажите.

– Их показания в точности изложены на бумаге. Позвольте мне освежить память, чтобы не упустить ни одной детали.

Кайр потянулся за отчетом, герцог покачал головой.

– Я спрашиваю не о том, что они сказали. Их слова известны всем, даже напечатаны в «Голосе Короны». Мост дал трещину, в нее просочилась вода, в стужу замерзла и усилила разлом... Честные альмерские рыбаки на рассвете удили карасей, как тут услышали жуткий грохот, и – о мои боги! – поезд упал в реку. Один побежал в замок, другие хотели помочь, но не знали, как добраться до раненых. Вагоны лежали грудой, царил хаос, что-то горело. Пытались потушить, да было нечем – имели только пару ведер с рыбой. Прибежали люди графа, только сунулись в вагоны – как тут из верхнего, горящего, вылезает сам владыка. Они ему: «Прыгайте в воду, ваше величество! Мы вас спасем!» Адриан только прыгать – как шут подошел к нему сзади и кинжалом в спину... Верно я запомнил?

– Так точно, милорд.

– А вас, Хайдер, спрашиваю о другом. Сами эти рыбаки – они-то хорошо помнят свои показания?

– Виноват, милорд?

– Они, значит, ловили рыбу... А успели кого-нибудь поймать перед крушением? Кого конкретно – карася или щуку? Вот такого или воот такеенного? А какую выпивку с собой взяли – косушку аль винцо? А жены им что сказали: «Снова пьяный вернешься» или «Кормилец мой любимый»? А когда поезд грохнулся – кто из них сотворил спираль, кто ругнулся, кто убежал со страху?.. Уловили, кайр, о чем я?

Лид кивнул с глубочайшим пониманием.

– Милорд, я себе месяц кусал локти за то, что не попал с вами во дворец, а потом война кончилась. Мечтал, чтобы нашлось у вас для меня достойное задание – а тут Бэк! Будьте уверены: я все сделал на славу. Каждого чертова рыбака мы допрашивали в три захода. День протрясли – взялись за других. Потом вернулись к этому, сверили показания, еще потрясли, еще вопросов добавили. И снова к другим, и по третьему кругу. Все они складно говорят, все сходится. Кто во что одет, кто кого поймал, кто как закричал, кто побежал, где споткнулся – все накрепко сковано и склепано.

– Вы применяли воздействия?

– Ограничено: не болью, а только страхом. Ваш приказ, милорд: никого не мучить.

– И как они держались?

– Молодцом.

– То есть, не дрогнули? На допросе у кайров?! Может, это не рыбаки вовсе?

– Нет, милорд, еще как дрогнули. Слезами умывались, на коленях умоляли, про детишек рассказывали. Потом женщины приходили клянчить, приносили малюток... Все было правильно, милорд: так и вели себя, как должен рыбак перед кайром. И излагали ровно то, что в отчете. Делали спиральки, клялись: «Святой Глорией Заступницей, всю правду, только не убивайте!..»

– Полагаете, судье они то же самое скажут?

– Так точно, милорд.

– А как они узнали Адриана? Ведь прежде не видели!

– На нем был эфес и дорогое платье. Мы сверили их описания с одежей на трупе – сошлось. К тому же, у них в церквушке портрет владыки есть. Мы проверили – вполне сносный, узнаваемый.

– А шута?

– Тот был в колпаке с бубенцами. И потом, эти парни не клялись, что был именно шут Менсон. Они просто дали описание убийцы – сошлось с Менсоном.

– В колпаке с бубенцами... На рассвете...

Эрвин помолчал. Хайдер сказал:

– Мы их отпустили, но взять снова не составит труда. Прикажете, милорд, и мы дождем. Если думаете, что темнят, – позвольте мне применить методы, я все вытащу.

– Нет, этого не нужно. Лучше скажите об Итане.

Хайдер качнул головой.

– Он хитрил, милорд.

– Своевольничал?

– Никак нет, точно выполнял ваши приказы.

– Посылал куда-нибудь агентов?

– Никуда вне района поисков.

– Пытался с кем-то связаться? Скрывал находки?

– Никоим образом.

– Сговаривался со свидетелями?

– К ним я его и близко не подпускал.

– Тогда?..

– Воля ваша, милорд, я хорошо вижу людей. Итан нигде не оступился, но точно скрывает что-то. Может, не целый факт, а одну мыслишку, но держит за пазухой. Вот его бы я потряс. Прикажите, милорд!

– Пока не нужно, Хайдер... Я попробую сам. Позовите его.

– Слава Агате! – Рывкнул кайр и покинул кабинет.

Когда Итан вошел, на столе Эрвина красовался Глас Зими. Герцог Ориджин рассудил, что секретарь, как многие столичные чиновники, восприимчив к прямым и грубым угрозам. Действительно, взгляд Итана прикипел к мечу.

– В-ваша светлость...

Кажется, обращение адресовалось клинку в ножнах.

– Сударь, как полагаете, почему я отправил вас расследовать гибель императора?

– О, это и меня интересует! – Шепнула альтисса. – Паренек влюблен в Мими и предан Ворону Короны. Ты не мог найти кого-нибудь, более лояльного к нам?

– В-вероятно, милорд, дело в моем б-благородном происхождении...

– Да, мало кто в протекции может этим похвастаться. А видите ли другие причины?

– Или, в-возможно, из-за того, что мы с в-вами знакомы... Эрвин рассмеялся.

– Да-да, познакомились, когда вы с Вороном приехали меня травить. Быть спутником убийцы – отличная рекоменда-

ция!

– В-ваша светлость, я не...

– Итан, выбор пал на вас потому, что вы преданы и Ми-нерве, и Адриану. Я знаю, что вы нелояльны к Дому Ориджин, зато очень заинтересованы вскрыть все темные стороны дела. Если имеется хоть один шанс, что император выжил в крушении, именно вы его обнаружите. Если есть подвох, связанный со смертью Адриана, – именно вы его найдете. Итак, сударь... что вы нашли?

Видимо, Итан обладал лучшей памятью, чем Хайдер Лид. Он не потянулся за отчетом, а принялся наизусть излагать обстоятельства дела. С каждой фразой заикался все меньше – видимо, обретая душевное равновесие. Эрвин прервал:

– Э, нет, сударь, я умею читать. Знаю без вас, что сказано в отчете. Поведайте то, чего там нет.

– П-п-простите?..

– В чем подвох этого дела?

– Д-да вроде нету подвоха... Ч-что вас смущает, милорд?

Что смущает – отличный вопрос. Эрвин точно знал, кто разрушил мост. Он никогда не говорил об этом с Аланис, но сложил два факта и пришел к выводам. В крушении поезда загадки не было, но тайна имелась в Менсоне. Граф Эрроубэк оказался достаточно дальновиден, чтобы толком вымуштровать свидетелей. Его люди лгали гладко, связно, уверенно. Из четкой и логичной картины их вранья напрочь выпадал несуразный поступок Менсона. За какую тьмой он ре-

шил убить любимого племянника? Какую выгоду нашел в смерти единственного человека, которому был нужен? И почему ранним утром оказался полностью одет, даже в колпаке с бубенцами? Эрвин допросил дворцовых слуг: шут всегда просыпался с трудом и вставал очень поздно, часу в десятом, если не одиннадцатом. А тут – на рассвете...

Из абсурдности этой части показаний вытекала ее истинность. «Свидетелям» Эррубэка не было нужды сочинять подобный бред. Сказали бы просто: император утонул в реке или разбился при падении. Значит, шут с ножом действительно был. Это и волновало.

– Зачем Менсон убил Адриана?

– Милорд, Менсон был б-безумцем. Н-нельзя понять поступки тех, кого боги лишили рассудка.

– Значит, просто помутнилось в голове, выхватил кинжал и заколол? Причем как раз в миг, когда Адриану и без того грозила смерть?

– В-возможно, эти события связаны. В-вероятно, шок от падения поезда ухудшил состояние рассудка Менсона.

– А почему вы не нашли его? Кто знал Менсона, ожидал бы, что он будет рыдать над мертвым телом Адриана. Положим, потемнело в мозгу, схватил нож, убил – но когда понял, что сделал, стал бы рвать на себе волосы и лить слезы. Разве нет?

– Д-допускаю, милорд, что шуту нестерпимо было видеть дело своих рук, и он, только вынырнул из реки, сразу б-бро-

сился бежать, куда глаза глядят.

– Заметь, как гладко отвечает, – ввернула альтесса. – Ни на секундочку не задумался.

Эрвин заметил. Эрвин начинал чувствовать злость.

Он огладил ножны, положил ладонь на рукоять Гласа Зими, сжал пальцы. Альтесса права: приятно держать эту вещь в руке, когда злишься.

– Меч подарил мне отец. В честь того, что я разбил войско тирана, взял столицу и выиграл войну. До меня им владели лучшие воины Дома Ориджин. Клянусь, ни один из них не потерпел бы, чтобы мелкий дворянчик лгал им в лицо.

– В-ваша светлость, я говорю ч-чистую...

– Вы нашли Менсона?

– Н-нет, что вы!

– Ни живым, ни мертвым?

– Нет, нет!

– Адриан жив?

– Что?..

– Сюда.

Эрвин пальцем поманил Итана. Тот нехотя сделал шаг и оказался на дистанции мечевого выпада.

– Тело, которое прислали в столицу, принадлежит Адриану?

– К-конечно!

– Откуда вы знаете?

– Его же ос-смотрели лекари...

– Но вы не были при осмотре! Вы остались в Альмере. То есть, вы заключили смерть Адриана из одного Вечного Эфеса на трупе?

– «Г-голос Короны» напечатал р-результаты осмотра...

– «Голос Короны», подконтрольный мне! Вы слишком легко поверили в смерть любимого владыки.

– В-вы н-намекаете...

Эрвин поднялся с оружием в руке.

– Мне говорили, что для хорошего удара нужно разозлиться. А вы почти разозлили меня.

– В-ваша светлость, верьте, я н-ничего не скрываю! Все написал в отчете, б-больше нет ничего!

– Стало быть, – с грозною паузой спросил Эрвин, – не стоит рассчитывать на вашу искренность?

Что-то сложилось не так. Либо Эрвин был недостаточно страшен, либо Итан – не так уж пуглив. Агент побледнел, но не сдался:

– М-мне нечего прибавить, милорд. В-все уже сказано.

Тогда альтесса тихонько мурлыкнула:

– Рубани его, дорогой.

Эрвин округлил глаза.

– Ах, не делай лицо! Тебе же хочется. Возьми и рубани эту сволочь! Врет самому герцогу – каков подлец!

Эрвин убрал меч в ножны.

– Капитан Лид!..

Воин появился в дверях, и герцог приказал:

– Заберите этого сударя.

– Куда, милорд? – В глазах кайра хищный интерес.

– На пытки, на пытки! – Подсказала альтесса.

– В каменный мешок. Пускай осмыслит свои показания.

– Поллумеррра, – проворковала альтесса совсем уж по-кошачьи.

– Позвольте мне применить методы.

– Нет! Просто в темницу. Без прогулок, на хлеб и воду.

– Полууумерааа...

– Так точно, милорд.

Кайр развернул Итана и вытолкал прочь. Агент не сказал ни слова – ни возмущения, ни мольбы.

Альтесса качала головой, саркастично ухмыляясь.

– Ты слишком человечен, любимый. Кукловод сожрет тебя.

Он прошипел со злостью:

– Я Ориджин.

– Ты добряк. Смотри.

Альтесса поставила на стол свечу.

Прежде, чем ее пальцы выпустили воск, Глас Зимы покинул ножны, взметнулся к потолку, со свистом ринулся вниз...

Свеча отлетела и шлепнулась на пол – целехонькая.

Миновал март, начался апрель.

Эрвин не бросал тренировок, хотя результаты удручали. Желая разозлить его, как злобят при выучке сторожевых псов, альтесса нашептывала: «Мой малыш, Кукловод тебя скушает!» Эрвин силился доказать ей и Роберту, и себе. Все больше вкладывал старания, все яростней кромсал воздух, кусал губы, скрипел зубами – но нет. Нет, и все.

Даже Роберт, при всем флегматизме, отметил:

– Кузен, с тобою что-то не то творится.

– Что не то?! – Взвился Эрвин.

– Ты... как бы сказать... слишком герцог. Раздражаешься, что нужно взять меч и рубить, а он, меч, еще и не слушается. Привык ты, что все по одному приказу: решил, сказал – сделалось. Забудь себя герцогом, представь простым кайром. Представь, что меч – твоя повседневная работа. Не злись на него. Вот плотник же на молоток не злится. Берет себе и забивает гвозди – так и ты...

– Но не о гвоздях речь – о людях!

– Иначе думай. Твое дело – расчищать дорогу. Враг встал на пути. Если б не встал – не был бы врагом. Но коль он закрывает путь, то из человека превращается в преграду. Вот и убери ее.

– Как снег лопатой?

– Ага.

– Но люди – не снег!

– Бывает...

Помимо тренировок, все остальное у Эрвина складывалось на диво удачно.

Отцовская хворь ослабла. Пускай не ушла совсем, но и облегчение было счастьем.

Трофеем Эрвину достался говорящий Предмет – уже второй. Хоть не заговорил, но ожил в его руках, наведя на любопытнейшие мысли.

Принц Гектор Шиммерийский предложил Эрвину купить пятнадцать тысяч искровых очей. С помощью ссуды, обещанной герцогом Фарвеем, возникла возможность принять предложение. Эрвин стал мечтать о том, как создаст личную отборную гвардию, вроде иксов Деймона, но вооруженную искрой. Если убедить кайров дополнить мастерство меча силой искры, то во всем свете не сыщется подобной им армии. Само существование столь могучего войска гарантирует крепкий мир в Империи Полари.

Приарх Галлард Альмера объявил помолвку с Лаурой Фарвей. Леди Аланис пришла в бешенство, Эрвину стоило трудов умерить ее гнев... Сам же он видел в этом событии лучи света. Да, в случае войны Аланис с Галлардом, Надежда встанет на сторону последнего... но это и хорошо. Резня в центре Империи никогда не прельщала Эрвина – а теперь

она исключена, ведь Аланис не рискнет пойти против двух герцогств. Зато брак с юною девицей сделал гранитного приарха уязвимым. Эрвин еще не знал, как подступится к нему: через Лауру ли, через будущих ее детей, через родичей – но чувствовал, что сможет подчинить Галларда без помощи мещей. Теперь – сможет.

Владычица Мими совершила самоубийственную глупость, подавшись на переговоры со Степным Огнем. То был дурацкий поступок, но по-своему прекрасный, из тех героических полубезумств, какими грешил порою и сам Эрвин. Впервые Мими вызвала его восхищение. Не снисходительное, в духе: «Умное дитя», – а по-честному, от души.

И главное. Абсолютно главное. У восставших крестьян – Подснежников Салема – нашлось искровое оружие! Стратегический план Эрвина, главный его расчет оказался верен! Кукловод вывел на поле неожиданную силу, чтобы заманить Эрвина в ловушку, – и так попал в ловушку сам! Эрвин буквально видел фишки на игровом поле. Вот движется гроздкая серповая стратема Кукловода, вот выходят против нее северные мечи. Вот в самый разгар сражения бьет им во фланг главный отряд Кукловода – Пауль с бригадой. А вот сам этот отряд влетает в капкан и гибнет, а искра – Пауль – достается Эрвину! Разгром, после которого нет смысла продолжать партию! Кукловод сдастся на милость победителя или сбежит на Фольтийские острова, откуда рано или поздно его вернут имперскому суду...

Тем вечером Эрвин все рассказал сестре. Затем по душам поговорил с Минервой.

А позже, нетрезвый и полный азарта, никак не мог уснуть. Расхаживал по спальне, пил ордж, красками фантазий рисовал свою скорую победу.

– Иди ко мне!

Альтесса возникла прямо в постели. Улеглась на живот, поболтала в воздухе босыми пятками.

– Милый, сядь рядышком, поговори со мной.

– Как я могу сидеть, когда душа парит на крыльях восторга?!

– Так подлети ближе, сокол ясный, и раздели восторг с любимой!

Он встрепал ей волосы и поцеловал в шею.

– Кстати, о любимых, – мурлыкнула альтесса, – что это было?

– Поцелуй нежности и затаенной страсти!

– Нет, чуть раньше... Примерно час назад. Ты, кажется, флиртовал с Мими?

– И мне кажется нечто подобное.

– Если невинное заигрывание считать за дюжину копеечников, то ты бросил в атаку рыцарский батальон. Любопытно, что бы ты делал, если б защита владычицы не выдержала?

Вместо ответа Эрвин сжал ягодицу альтессы.

– И тебе ее совсем не жаль?

– Конечно, жаль, в том и дело! Она – императрица и моя

кукла! Кто посмеет заигрывать с нею? Бедняжка навек лишена радостей не только любви, но даже флирта!

– И ты... угостил ее конфеткой?

– Она заслужила сладость. Так ловко разыграла шаванов, так старательно ненавидит меня, так бережно хранит пыльную верность трупу Адриана! Разве она не прелестна?

Альтесса мягко оттолкнула руку Эрвина.

– А часом раньше ты поцеловал сестру.

– То было невинно...

– С языком.

– И быстро...

– Я считала Праматерей и дошла до Елены.

– Всего-то!

– До Елены на третьем круге!

– Да пойми же ты: сегодня особый день! Бывают дни, когда каждая девушка – принцесса, каждая монета – золотая, каждая стрела – в цель. Сегодня – такой! Уж прости, мне очень стыдно, но я счастлив! Иона заразилась счастьем от меня, Мими – тоже. Кому это повредило?!

Альтесса села, подобрав ноги и запахнув халат.

– Тебе.

Он хлопнул ресницами.

– Как?

– Иона состряпает алхимическую смесь из любви к тебе и к мужу. Пускай, это ее дело. Мими променяет мечты о гниющем Адриане на твою теплую постель. И хорошо. Беда в

том, что ты рановато обрадовался.

– Да, Кукловод еще не пойман, но...

– Но я не о нем. Ты сказал сестре, что бросишь в атаку Нортвудов, а крестьяне отобьют искрой. Как думаешь, во сколько жизней это обойдется?

– Не много. Медведи наткнутся на искру и откатятся...

– Когда один скачет в атаку с обнаженным мечом, а другой лупит в него искрой – один из двух умирает, правда? Твое «наткнутся, откатятся» – это сколько трупов? Сотня? Тысяча?

– Но...

– Помнишь день, когда я ни разу не подшутила над тобой? Ты убил двадцать пять пленников, мы вместе запивали горе. Ты был в таком сумраке, будто погибли друзья. Двадцать пять незнакомцев!

Эрвин сел, помолчал... погас.

– Это необходимые жертвы. Кукловод погубит много больше, если я его не остановлю.

– Не сделаешь омлет, не разбив яиц? Аланис говорила это. Ты ответил, что не любишь яйца.

– Крестьяне сами виноваты. Они, тьма сожри, подняли мятеж! Сами выбрали свою судьбу!

– Но ты не за это их караешь. Знаешь же: пусть не по закону, но по совести они правы. Ты бы всех простил, если бы не партия против Кукловода.

Эрвин озлился.

– Тьма сожри, чего ты хочешь? Я, значит, слишком бездушен?! Сама же так хотела! Учила: сметай людей лопатой, как снег! Вот тебе желанная степень бездушия. По моему приказу медведи пойдут бить крестьян – и меня это волнует меньше, чем круглые ляжки Минервы.

– Немного иначе, – альтесса покачала головой, отбросив темные локоны с глаз. Ее взгляд был неприятно острым. – Ты думаешь про ляжки Минервы и про язык сестры в твоём рту, лишь бы не думать о мертвых серпах. Ты зажег свой «факел счастья», чтобы ослепить себя. Сладкий самообман, затмение эйфорией. В Дойле ты не лгал ни себе, ни мне.

– Я просто научился быть злым.

– Докажи.

Альтесса подала ему Глас Зимы.

Эрвин поставил свечу, а сверху – пробку от бутылки орджа. Обнажил меч. Движения обрели хищную плавность. Глас Зимы покорно слился с рукою, рассек воздух парюю пробных взмахов, наполнился силой, поднялся для атаки.

Эрвин прицелился в пробку взглядом и процедил: «Умри!», – и хлестнул стальным кнутом.

Раздался треск, когда клинок врубился в столешницу. Он не задел ни пробку, ни даже свечку.

Опустошенный промахом, Эрвин бессильно опустился на ковер. Альтесса легла рядом, прильнула к его плечу.

– Любимый... Где-то бродит шут Менсон, непонятно зачем убивший владыку. Итан до сих пор молчит о чем-то.

Знахарка что-то нашептала на ухо Аланис. Кукловод очень умен и может избежать твоей ловушки, и жертвы крестьян окажутся напрасны... Я – Тревога. Я не дам тебе забыть о таких вещах. И разлюблю тебя, если начнешь мне лгать.

* * *

План рухнул не из-за хитрости Кукловода.

Владычица Мими, не учтенная Эрвином в расчетах, при-мчалась на Святое Поле, с малым эскортом пронеслась сквозь порядки войск, вступила в переговоры с Подснежниками – и достигла соглашения. Битва не состоялась: невозможно было бросить армию на крестьян, только что прощенных императрицей! Кайры не вступили в бой, тыловой штаб не остался беззащитною приманкой, разведчики Кукловода не увидели возможности для атаки – и Пауль ушел от капкана. Эрвин послал во все стороны конные разъезды, надеясь найти хоть след бригады. Тщетно. Какие следы там, где прошло двадцатитысячное войско!..

Вассалы Эрвина осудили поступок Мими и не преминули поделиться негодованием. По законам Севера крестьянин заслуживает сурового наказания даже за непочтение к воину. Можно считать удачей, если мужик нахамил кайру и отделался десятком плетей. Что же говорить о мужиках, которые подняли мятеж, несколько раз вступали в бой с рыцарями, а затем расстреляли послов на переговорах?! Кай-

ры всерьез готовились учинить расправу, отчасти сдерживаясь лишь брезгливостью: неприятно пачкать мечи холопской кровью. Идеальной казалась эрвинова задумка: растоптать мужиков силами нортвудцев, а кайров оставить в резерве, для страховки. Но Минерва своею выходкой испортила все! Мужики отбылись парой козлов отпущения. Стыдно сказать: из ста тысяч мятежников перед судом встанут двое, да и те умрут не на глазах остальной своры! Бунтари разойдутся по домам, уверенные в своей правоте! Вдобавок, Минерва проявила своеволие: поступила так, будто она и впрямь управляет Империей, не нуждаясь в одобрении герцога Ориджина.

Все это вассалы Эрвина высказали не раз и не два. Одни держались в рамках вежливости: «Поведение Минервы неприемлемо, она слишком много мнит о себе и нарушает субординацию. Милорд, необходимо взять ее под контроль». Другие – близкие соратники Эрвина – не стеснялись в выражениях: «Ваша кукла обнаглела! Попробует снова – скинем ее, посадим другую! Нам это в два счета». Но возмущенные вассалы в большинстве своем даже не знали главной вины Минервы. Лишь пара ближайших помощников знала план охоты на Кукловода – только они и поняли, как глупо Мими сорвала то, на что Эрвин положил полгода усилий!

Эрвин кипел от бешенства, разочарования и досады. Сколько расчетов сорвано, сколько трудов впустую! Подобное было год назад, когда отец усил его в Запределье. Но

отец был герцог, сюзерен, он хоть имел право. А Мими!..

Я ей покажу! – думал Эрвин с обидою, едва ли не детской. Она еще пожалеет! Обложу своими людьми, чтоб каждый ее шаг был под контролем. Чтобы ни выпить, ни чихнуть не могла без моего ведома! Чтобы спать не легла, пока я не позволю!

Или лучше: оборву все нитки власти, сделаю, чтобы ни одно ее слово не исполнялось. Всех при дворе так запугаю, что ни одна собачонка не рискнет исполнить приказ Минервы!

Или так: надавлю на прохвоста Конто и закрою все ее счета. Прикажу Роберту: ни агатки Минерве! Пускай хоть клянит, хоть побирается – своих средств у нее не будет. Ни одну собачку она не наймет, если я не позволю!

А посмеет еще раз – хоть одну дерзость, хоть слово! – заменю ее. Уж я умею менять императоров. Первый раз было трудно, второй пойдет, как по маслу. Кем заменю? Безумным цареубийцей Менсоном? Хмурой старухой из Дарквотера?.. Да какая разница! Заменю просто в назидание! Чтобы каждый понимал, кто на самом деле правит Империей.

– Милый, позволь предложить другой метод наказания, – альтесса вмешалась в его диалоги с самим собою. – Положи Мими себе на колено, задери ей подол и хорошенько отшлепай.

– Что, прости?

– Помнится, тебя интересовали ее ляжки. Вот и совмести

кару с удовольствием.

– Ты могла заметить, что мне не до шуток.

– А я и не шучу. Кончай с нею враждовать. Сделай Мими своей союзницей. Или просто своей.

– Ты свихнулась!

– А ты ослеп, если не видишь. Минерва – настоящая Янм-эй, идеальный инструмент власти. Такие, как она, построили Империю.

– Всего лишь нахальная пигалица!

– Она на троне три месяца. За это время ввела бумажные деньги, усмирила степняков и разобралась с крестьянским бунтом. Используя лишь те крохи власти, какие ты ей оставил! Дай ей больше сил и времени, сделай союзницей – и она свернет для тебя горы.

– Эта дрянь ударила мне в спину! Испортила план, ради которого...

– Она не знала твоего плана! Ты же не доверился ей! Зато спасла крестьян, которых и ты хотел спасти. И тебе не пришлось самому прощать бунтарей, нарушая хваленый северный закон. Она избавила тебя от обвинений в мягкотелости.

– Все, чего она хотела, – унижить и высмеять меня.

– Милый, ты – не центр вселенской спирали. Она хотела погасить бунт и восстановить справедливость. Она виновна лишь в том, что слишком хорошо играет роль императрицы.

– Ты бредишь! Поди прочь!

Альтесса была очень хитра. Она провоцировала Эрвина

выплескивать злость, и чем больше он плескал, тем меньше оставалось. Запасы гнева истощались, Эрвин начинал слышать ее аргументы.

– Возможно, Мими поступила правильно...

– Не возможно, а точно, милый. Ты поступил бы так же, окажись на ее месте.

– ...однако она не смела действовать в обход меня!

– Но ты всегда действуешь в обход ее! Ты сам установил сию добрую традицию.

– Она возомнила о себе! Это я сверг тирана, разбил искровиков, захватил столицу. Это я усадил ее на престол!

– А мне думалось, она – наследница по закону.

– Минерва должна подчиняться мне!

– Потому, что ты старше и умнее? Или потому, что тебя слушаются злые дядьки с мечами?.. Она – не твой вассал и не давала клятвы верности.

– Мими обязана мне по меньшей мере свободой. Долг чести велит ей повиноваться!

– Правда? Вот уж новинка в кодексе чести!

– Она – неопытное дитя! Должна быть послушной хотя бы поэтому.

– Верно, детям нужна покорность. А еще собакам и овцам... Скажи, ты хочешь видеть на троне Империи собаку или овцу?

Марш до столицы длился два дня. Эрвин имел много времени на общение с альтессой. Каждый возглас негодования

он повторил не раз и не десять, и под конец начал казаться себе обидчивым идиотом. Слова альтессы, напротив, обрели все больше смысла.

– Мими помешала тебе убить Кукловода. Но ты еще найдешь способ поймать его, а сейчас вспомни, что говорил отец. «Обрести достойного союзника ценнее, чем убить врага. Врагов много, союзников мало. Достойных людей вообще мало на свете». Помиришься с нею. Тебе верят агатовцы, ей – янмэйцы. Ее любят крестьяне и чиновники, тебя – солдаты и дворяне. Ты – мастер политики, она станет мастером финансов. Вместе вы сможете править миром!

– К чему это ты клонишь, не могу понять?

– Экий недогадливый. Женись на ней, милый!

– На Мими?

– А на ком? На леди Нексии, которую забыл? На Аланис, что шепталась с вражеским агентом? На собственной сестре?

– Но Мими...

– Что – Мими? Она умна, ты это любишь. Наделена чувством юмора. Играет в стратемы – по слухам, недурно. Смела. Способна на красивое безумство. Боги, да чем она плоха? Даже задница ее тебе по вкусу!

– Она влюблена в труп.

– Это пройдет со временем.

– Я не люблю ее.

– Мне кажется, это тоже пройдет.

– Я поклялся не жениться на ней.

– Ты поклялся не делать этого насильно. Что может быть проще – добейся, чтобы она сама захотела!

– Я не знаю...

– Ты знаешь. Вы вдвоем обретете власть, какая и не снилась твоим предкам. Твой сын родится императором. Герцог Ориджин – император Полари! В своих мечтах о славе ты мог вообразить что-нибудь более великое?

Эрвин ответил после паузы:

– Победа над Хозяином Перстов.

– Мими и с этим поможет тебе.

Полагая за собою полную победу в споре, альтесса довольно улыбнулась, поцеловала Эрвина и растворилась в воздухе.

Он сказал, уже неслышимый ею:

– Мими испортила мне охоту.

Эрвин въезжал во дворец, почти уже успокоенный. Почти до дна исчерпавший злость, почти готовый восхититься поступком Минервы.

Однако во дворце что-то переменилось. Неуловимое, едва заметное, но Эрвин почувствовал сразу. Чиновники и слуги смотрели на него иначе. Не то, чтобы дерзко, и не так, чтобы совсем без страха, – но с какою-то новой уверенностью. Глазами собак. Мелких беззлых шавок... но уже не кроликов.

– Крикните: «Слава Агате!» – Попросил Эрвин кайра Сорок Два.

– Слава Агате!

Двор отозвался:

– Слава Агате! Слава!..

Немножечко – ползвуча – не хватило.

– Теперь: «Слава Янмэй!»

– Слава Янмэй!

Тогда грохнуло...

В кабинете Эрвина стоял цветок. Подснежник.

– Подарок императрицы, – доложил слуга.

Подснежники отцвели недели две назад. Где Мими взяла этот – загадка.

Эрвин снял ленту, которою был обвязан цветок. На ней аккуратным девичьим почерком значилось:

«Свое место в мире прими с достоинством. Вы – не владыка, милорд. Смиритесь».

Эрвин замер на пару вдохов. Положил на стол ленточку.

Тихо произнес:

– Лейла Тальмир. Капитан Шаттэрхенд. Банкир Конто. Министр путей. Кто еще?..

Верный кайр Сорок Два подобрался, услышав тон герцога.

– Прихвостни Минервы? Еще наставники: Альберт Виаль, Франк Морлин-Мэй.

– Всех сюда.

– Так точно, милорд.

– Передайте капитану Лиду: пусть вытрясет из Итана все.

Любым способом.

– Да, милорд.

Эрвин кивнул, Сорок Два убежал, не теряя ни секунды.

– Любимый, не стоит...

Эрвин зло оттолкнул альтессу. От обиды она замерцала, став полупрозрачной. Сквозь силуэт ее тела показался одинокий цветок на столе.

Глас Зимы вылетел из ножен. Вспорхнул к потолку – и вспышкой вниз, наискось. Воздух прянул холодной рваной волной. Эрвин отступил, клинок взлетел перед грудью в защитную позицию.

Отсеченный цветок один миг висел над стеблем, затем упал на стол.

Янмэйская охота

*Моя благодарность адвокату Владу
Каланжову
за правовые консультации по делу
весьма важного для сюжета подзащитного*

Том 1

Монета – 1

*Октябрь – декабрь 1774 г. от Сошествия
Мелисон (королевство Шиммери)*

Если покинуть Лаэм, столицу шиммерийских королей, через северные ворота и двинуться в сторону Пентаго, то под колесами расстелется Белый Тракт – лучшая дорога на Юге, а может, и во всей Империи. Он вымощен шестиугольными плитами песчаника, так плотно подогнанными, что ни одна травинка не пробивается в стыки. Белый Тракт пересекает горы с тем изящным искусством, с каким опытный мужчина завоевывает сердце барышни: огибает слишком острые неровности рельефа, избегает крутых подъемов и рез-

ких провалов, идет наверх столь плавно, что впору и вовсе не заметить. Спустия полдня езды остановишься на обочине, спрыгнешь с телеги размять кости – и ахнешь: Лаэм уже остался далеко внизу, и ты глядишь на него с высоты птичьего полета.

К закату второго дня пути в фургоне (либо к концу первого, если верхом) можно достигнуть Малого Перевала. Лошаденки подустанут к тому часу, а время будет самым подходящим для ужина, холодного чая и мягкой постели, потому вполне разумным покажется сделать остановку на ночлег. К услугам тех путников, кто внемлет голосу разума, здесь, на Малом Перевале имеется целая дюжина гостиниц и трактиров разного пошиба, а также конюшня, винный погреб, шляпная, мастерская сапожника и уютный бордельчик «Венок незабудок». Утолив все возможные желания, ты сладко уснешь, а с рассветом продолжишь путь. И не найдется у тебя мотива, чтобы спустя милю свернуть с Белого Тракта на запад по узкой дорожке. Вряд ли ты ее и заметишь – так она завалена осколками камней и до того заросла острой жесткой травой, что впору принять за обычный разлом между скал. А если даже заметишь, то какой резон будет тебе – сытому, свежему и целеустремленному – сворачивать с Белого Тракта? И ты продолжишь путь, не узнав того, что двумя милями западнее в укромной долине лежит Мелисон – пригожий городок виноделов.

Люди, живущие там, говорят со смешным горским акцен-

том, не носят шляп, шевелят губами, когда приходится сложить в уме числа, и никогда никуда не спешат. Лаэмцы считают мелисонцев тугодумами и в голос смеются над ними, если встретят на базаре. По этой причине мелисонцы не любят ни лаэмцев, ни базары. До недавнего времени Мелисоном владел славный барон Монат-Эрлин. Но все три года правления владыки Адриана осень в Шиммери выпадала исключительно солнечной, и виноград набирался излишней сладости. Славный Монат-Эрлин, который терпеть не мог полных женщин и сладких вин, лишился любви к своему владению и выставил его на продажу. Городок Мелисон с прилегающими виноградниками приобрел славный граф Огюст-Римар, Третий из Пяти. Граф совершил покупку только ради дохода, а не для жизни в такой глуши, и потому отказался купить вместе с городом старое поместье Монат-Эрлинов. Барон продал поместье отдельно, само по себе. Оно было не ахти каким товаром: большой дом в захолустье, подобно слишком ревливой любовнице, приносит мало удовольствия и много мороки. Потому барон Монат-Эрлин отдал его за скромных четыреста эфесов анонимному покупателю. Рьяный лаэмский делец, бывший посредником при продаже, так измучил барона торгами, что Монат-Эрлин почел за счастье быстро и без вопросов подписать купчую. Строка для имени покупателя осталась пустой, посредник позже сам заполнил ее, выведя: «Славный Хорам Паулина Роберта». Осенью года Северной Вспышки новый владелец въехал в поместье

Поначалу к купцу Хораму со свитой в Мелисоне отнеслись настороженно. Чего еще было ждать от жителей маленького городка в укромной долине? Женщины сторонились чужаков, дети глазели издали и чуть что убегали, мужчины говорили с такою обстоятельной вежливостью, за которой ничего внятного нельзя было расслышать. Если чужаки показывались на мелисонском базаре, местные назначали умеренную цену, чтобы не дать повода для спора. Если чужаки заходили в кабачок, завсегдатаи как по команде прекращали сплетничать и принимались обсуждать погоду. Словом, никакой дружбы между обитателями Мелисона и свитой славного Хорама не предвиделось, как, впрочем, и вражды. Однако любопытное обстоятельство переменяло ход событий.

Вышло так, что Хорам переезжал в Мелисон не за раз, а в несколько заходов. Первым днем он прибыл всего на двух телегах: в одной помещался сам Хорам, его спутники и три сундука, а в другой – бесформенная куча тряпья да еще громадная плетеная корзина. Ясно было, что для жизни на новом месте этого багажа не хватит. Что такое три сундука на четверых человек? А тряпье это – только на простыни порезать, а корзина – вообще непонятно кому нужна, слишком уж большая. И верно: один из людей Хорама тут же уехал назад в Лаэм, а спустя неделю вернулся на двух телегах с новой поклажей. Но груз этот оказался вовсе не тем, что требует-

ся для жизни. Дюжина сувоев шелка, четыре бухты веревок, непонятный станок с колесом, сосуды с краской – зачем все это, спрашивается? Может, Хорам хочет открыть швейный или красильный цех? Тогда ему нужно испросить разрешения у мелисонских старейшин, иначе совсем никуда не годится! Мастер Корнелий, носящий шарф бургомистра Мелисона, так встревожился от внезапной угрозы своему авторитету, что два дня собирался с духом и на третий сказал Хораму:

– Славный, если волею богов вы желаете поговорить о швейном деле, то я не имею ничего против того, чтобы обсудить это с вами.

Хорам ответил в том духе, что швейного дела он не знает и беседовать о нем не может. Мастер Корнелий ушел, глубоко оскорбленный, и два часа обсуждал с трактирщиком, как хорошо было раньше, при старом бароне.

А помощник Хорама опять уехал в Лаэм, и вернулся через неделю с новым странным грузом. Теперь в телеге помещались три связки книг, саквояжик с писчими принадлежностями, несколько заколоченных ящиков и ученого вида старичок. Добрые жители Мелисона терялись в догадках: как это может пригодиться для швейного цеха? В книгах что – выкройки? А в ящиках? А старичок зачем? Скверным портным он будет, при его-то зрении! Бургомистр Корнелий снова счел нужным побеседовать с Хорамом, зайдя на сей раз с другого конца:

– Коли человек делает что-нибудь, то ему надо гордиться своим делом, а не держать его в постыдной тайне. Это так я думаю, а если вам угодно не согласиться, то вы можете сказать, как оно по-вашему.

Хорам согласился, но Корнелий не сумел понять, с чем именно. Ушел растерянный и всерьез задумался написать барону Монат-Эрлину, чтобы тот выкупил поместье обратно.

– Клянусь Софьей и Еленой, я непременно напишу, если Хорам продолжит в том же духе! – сказал Корнелий трактирщику.

А хорамов прихвостень снова укатил в Лаэм. Жители тихого Мелисона с дрожью ждали его возвращения. Что творил Хорам в своем поместье – оставалось загадкой. Ничего похожего на швейный цех там не возникло, и от этого становилось еще тревожнее. Мало того, что лаэмские зазнайки задирают носы у себя в Лаэме, так теперь они явились в Мелисон творить здесь свои делишки! Как можно терпеть такое?! Четверо самых видных городских дам выставили ультиматум бургомистру Корнелию: он обязан что-нибудь предпринять! Если в ближайшее время Корнелий не совладеет с Хорамом, то винить ему придется только себя.

Когда прибыл очередной груз для славного Хорама, Корнелий пошел на решительные меры: велел констеблю остановить телеги и тщательным образом обыскать. Констебль смешался: никогда прежде ему не доводилось кого-либо обыскивать, поскольку горожане ничего не скрывали. Но, движи-

мый чувством долга, он набрался смелости и сдернул мешковину с груза.

– Что я вижу?! – вскричал он от возмущения. – Вы везете вино в город виноделов! Противу всех правил, законов и воли богов! Вопиющее кощунство!

Констебль ожег огненным взглядом хорамова слугу.

– Вас может оправдать лишь одно: если это вино – плохого качества и не ровня нашему.

Он потянул пробку, чтобы удостовериться, но помощник Хорама сдержал его руку:

– О слабый рассудком защитник закона, если ты опробуешь эту жидкость, то злодейство и произвол расцветут буйным цветом на улицах Мелисона, ибо это не вино, а кислота.

– Кислота?!

– И весьма едкая, именно потому на сосудах изображены недвусмысленные черепа, которые ты почему-то обогнул своим взглядом.

– Нарушение! – возопил констебль. – Ради покоя горожан, я должен арестовать груз!

– Если ты служитель закона, то должен исполнять его волю. А воля закона такова, чтобы ты делал то, что в законе написано. Вот и скажи мне, где написано, что в Мелисон нельзя ввозить кислоту?

– Эээ...

Констебль призадумался. Насколько он знал, ни в одном кодексе, действительно, не содержалось запрета на кислоту,

ибо никто прежде не пытался ввозить в город этакую дрянь. Как же поступить, если совесть требует одного, а закон – иного? Пока констебль обмозговывал вопрос, помощник Хорама приказал извозчику, тот хлестнул лошадей и укатил.

Это уже было слишком! Это было до такой степени слишком, что бедный бургомистр Корнелий утратил сон. Он видел лишь два объяснения событиям: либо лаэмцы хотят отравить виноградники Мелисона, либо прислали кислоту сюда затем, чтобы избавиться от нее, вроде как выбросили. В любом случае налицо грубые оскорбительные происки, и как бороться с ними – Корнелий не знал. Барон Монат-Эрлин продал городок и больше здесь не властен. Новый хозяин, граф Огюст-Римар, ни разу не показался в Мелисоне, а бургомистру воспитание не позволяло слать письма незнакомому человеку. Жаловаться шерифу Лаэма на лаэмцев – безнадежная затея. Своими силами выдворить Хорама из города? Но как выдворишь, если он купил поместье? Всякий знает: город – это одно, а поместье – другое.

В отчаянье Корнелий пошел за советом к священнику. Добродушный отец Элизий жил согласно одному принципу: боги благостны, мир устроен справедливо, потому жди – и все само образуется. Так обычно и говорил, когда у него просили совета. Выслушав рассказ бургомистра, отец Элизий спросил:

– Ты знаешь свое место в мире?

– Конечно, – ответил бургомистр, подергав конец шарфа.

– Усердно трудишься?

– Еще как.

– Получаешь удовольствие от своих или чужих страданий?

– Да какое удовольствие! Извелся уже с этим приезжим шельмецом!

– Развиваешь свое тело и разум?..

Так отец Элизий прошелся по всем двенадцати главным заповедям. Получив благочестивые ответы, он сказал:

– Вот видишь, мастер Корнелий: ты – хороший человек, живешь порядочно, следуешь писанию. А значит, боги о тебе позаботятся, и все наладится со временем.

Это успокоило бургомистра, он вернулся домой и сладко уснул, а наутро узнал, что все уже начало налаживаться.

Извозчик, что доставлял Хораму странные грузы, на обратном пути завернул в трактир выпить. Он и раньше туда заходил, но прежде трактирщик избегал с ним говорить, ибо извозчик был лаэмцем. Теперь же происки Хорама зашли так далеко, что трактирщик не сдержал любопытства:

– Как поживает твой наниматель? Не жалеет ли, что съел из Лаэма?

– Туда ему и дорога, – задрал нос извозчик. – У нас никто по нему не скучает.

– Но разве сам он не лаэмец?

– Хорам – лаэмец? – извозчик расхохотался. – Из него такой лаэмец, как из курицы – птица!

А прежде-то этот факт не подвергался сомнению! Хорам богат и приехал из Лаэма – значит, лаэмец, кто ж еще? Но теперь слова извозчика зародили сомнения, и горожане взялись за следствие. Кто таков Хорам и его свита? Откуда появились?

На сей счет сперва опросили слуг Хорама, когда те приходили в лавки за покупками. Затем Корнелий с трактирщиком съездили вместе на Малый Перевал, навели справки у тамошних торговцев и хозяйки борделя. Отец Элизий ради общего блага не поленился даже отправиться в Лаэм и потолковать со знакомым священником. Каждое новое известие все больше радовало добрых жителей Мелисона.

Начать с Хорама. Вовсе он не лаэмец и даже не южанин. Прибыл с севера – кажется, из Короны. Там, на родине, случилась с ним трагедия: умерла не то жена, не то альтисса. На севере часто кто-нибудь умирает. В Лаэме бедолагу тоже не приняли – подняли на смех за две чудаческие покупки. А раз лаэмцы над ним смеялись – значит, хороший человек. Над мелисонцами эти зазнайки тоже смеются.

Потом, девушка Низа. Никакая не шиммерийка, приглядишься внимательней – сразу поймешь. Кожа смуглая, живот плоский, глаза миндалем – явная шаванка! Ее привезли в Лаэм на продажу, как пленницу. Она этим гадам-лаэмцам так надерзила, что хотели ее в море выкинуть. Одному, говорят, откусила ухо, другому чайник на голову надела – ай, молодец! Несдобровать бы Низе, если б не Хорам: вовремя

выкупил ее и увез.

Затем мастер Гортензий, истопник. Он изобрел небесный корабль – тряпичный шар, что летает по воздуху и носит людей. Дурная выдумка, неясно, зачем оно надо. Но лаэмцы из-за шара сильно разозлились, кто-то даже лишился мужской силы – а значит, изобретение не пропало зря. Чем меньше лаэмцев родится на свет, тем спокойнее будет. Добро пожаловать в Мелисон, славный мастер Гортензий!

Последний – Онорико-Мейсор, он же Рико-сводник, который привозил Хораму всяческие грузы. Уж этот – как есть, чистый лаэмец. Женат на белокровной нахалке, родил двух гадких лаэмчат. Но одно обстоятельство оправдывало Рико в глазах горцев: он так обнищал, что был выгнан из дому собственной супругой. А нищий лаэмец – совсем не то, что богатый. На нищего всегда приятно посмотреть!

Вот так за неделю расспросов Хорам со свитой превратились из идовых слуг в добрых и честных людей, чуждых всякой лаэмской мерзопакости. Бургомистр так устыдился своих прежних подозрений, что улучил момент и сказал Хораму:

– Славный, я должен поделиться с вами выводом, к которому пришел путем размышлений. Неважно, откуда человек приехал, а важно – каков он есть внутри себя. Коль это правда, а это она, то мне ничего не остается, как испросить у вас прощения.

Хорам ответил:

– Не стоит беспокоиться, мастер Корнелий, я вовсе не в обиде.

А затем пригласил бургомистра на примирительный обед. Кроме Корнелия, приглашен был трактирщик и отец Элизий, все вместе с супругами. Еще неделю назад они побоялись бы войти в поместье, где творятся темные дела. Теперь же дамы сгорали от любопытства, а мужчины предвкушали отличную беседу.

Обед состоялся теплым осенним днем. (Как раз в тот день далеко на севере генерал искровиков разбил армию нетопырей, но мелисонцы, конечно, этого еще не знали.) Прошел обед, как и ожидалось, в дружеской обстановке, с интересными разговорами и добрыми шутками. Покинув поместье, гости поделились своими наблюдениями.

Мастер Корнелий сказал:

– Так вот зачем понадобилось столько ткани! Они, значит, строят новый большой шар. Этаким шаром можно будет половину лаэмских мужиков обессилить!

Жена мастера Корнелия сказала:

– Я думаю, он с нею не чих-пыхает. У нее глаза дикие, а у него – грустные. Он, поди, ее боится.

– И правильно делает! – согласилась жена трактирщика. – Она шаванка, ей что не так – схватит нож и тяп. Но этот Рико липнет к ней глазами, как голодный к колбасе.

Трактирщик сказал:

– Если спросите меня, то я отвечу: Хорам разбогател

недавно. Лакеев только двое, и те новые, лошадей своих еще нет, пожитков горстка, но имение купил. Повезло славному!

– Вот и наоборот, – возразила жена отца Элизия. – Совсем ему не повезло, бедняжке. Почему он сюда приехал? Потому, что на Севере стало не жить. А почему на Севере плохо? Потому, что война, и любимую его убили, и дом сожгли, наверное. Потому он и с Низой не того-сего: тужит по супруге, несчастненький.

А отец Элизий сказал:

– Главное, что он хороший человек: трудится как может, живет по заповедям. Боги о нем позаботятся, и все наладится.

Все согласились с этим, и никто даже не вспомнил нераскрытую тайну: зачем же славному Хораму понадобилась телега кислоты?

* * *

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула?

В последнее время Хармон любил задавать себе этот вопрос. Проснуться на мягкой перине далеко после рассвета, накинуть теплый халат, взять чашечку чаю, выйти на балкон. Вся долина – как на ладони: ратуша с диском солнечных часов, церквушка со звонницей, белые домики под черепичными крышами, возле каждого – цветничок и два деревца для тени. Налево от городка – пенистая речушка и оливковая

рощица, вдоль речушки аллея, чтобы гулять; направо от городка – пестрые шатры базарчика, он работает раз в неделю, но шатры стоят всегда, можно посидеть в тени, выпить винца. А вокруг всего – горные склоны, покрытые лоскутами виноградников, а на дальнем, самом крутом, пасутся козы. Все-все видно, поскольку поместье стоит на возвышенности. Его поместье! Хармон Паула Роджер – помещик. Каково?

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула? Прекрасно, как у Софьи за пазухой.

Большой дом, будь он поновее, впору было бы назвать дворцом. Все как полагается: колонны, арочный вход, балконы, фонтан перед входом (правда, неисправный). Вот только драпировка на стенах сплошь пожелтела от солнца, да паутина всюду – пара лентяев-слуг, нанятых Хармоном, не поспевает за трудолюбием пауков. Но это ничего, зато мошек не будет, а драпировку со временем можно поменять. Да фонтан починить, чтоб журчал. И еще, может, павлина завести – пускай себе шастает по саду, хвостом сверкает. Тогда выйдет настоящий, безоговорочный дворец. Дворец Хармона Паулы!

Слуг, конечно, надо побольше. Сейчас только два лакея да кухарка – не справляются. Нужна еще пара горничных, дворецкий и конюх. Будет же у Хармона своя конюшня, не все ж наемными извозчиками ездить. В обновленном дворце да с полным штатом слуг, да с фонтаном, да с павлином – вот когда роскошная жизнь пойдет! Но и сейчас такая, что

стыдно жаловаться.

Еще и город виноделов – только подумать! Виноградники Монат-Эрлина... когда-то в Южном Пути кто-то угощал его с таким пафосом: «Опробуйте, сударь: Монат-Эрлин, урожай шестьдесят шестого года». А теперь выйди в город – и в любом кабачке, да что там, в любом доме, купишь этого самого Монат-Эрлина по цене чуток дороже простого элю. Нужно завести собственный винный погреб. Тем более, что погреб-то есть – огромный, прохладный, всем необходимым оборудованный. Только наполнить его разнообразными винами, и в любой день можно будет заказать согласно настроению: «Сегодня хочется чего-нибудь сладкого. Принеси-ка мне, дружок, черного муската восьмилетней выдержки». Хорошо же!

Со всех сторон хорошо, как ни взгляни. Одна только крохотная печаль: скучновато, занять себя нечем. Хармон привык колесить по свету, а дорога, даже знакомая, всегда поставляет неожиданности. Тут размыло, там построили, здесь воры, там коровы... Выходит так, что всякий день не похож на предыдущий, потому жизнь кажется наполненной. Кроме того, дорога – это дело: приехал – выполнил. Здесь, в Мелисоне, иначе. Все дни на одно лицо: Хармону хватило месяца, чтобы это понять. Люди одинаковые, говорят все об одном, приезжих нет, приключений не случается, даже погода стоит равномерная: ведь в Шиммери зимы не бывает, как наступила осень – так и длится до весны. И дела тоже нет, если разо-

браться. Небесный корабль – это ведь не Хармона дело, а мастера Гортензия. Хармон лишь снабжает его необходимым.

Но и тут нечего ныть, ведь на самом деле не так и скучно. Для начала развлекли Хармона горожане: заподозрили невесть в чем и учинили слежку. А он ради забавы не стал развеивать подозрений – наоборот, напустил туману. Всполюшил весь городишко и со смехом потом наблюдал, как мужики пялятся, а дамочки прячутся, а бургомистр тщетно ищет управу. Дальше, когда Хармон уже примирился с местными, то наслушался от них новостей. Принц Гектор пошел в Литленд бить шаванов – об этом здесь говорили много, и все были уверены, что Гектор одержит блестящую победу, ибо никого могущественней принца горожане попросту не знали. Для Хармона же куда важней была другая новость: оказывается, герцог Ориджин, брат Ионы, поднял мятеж против владыки. Поскольку Южный Путь встал на сторону Короны, то герцог разбил путевские войска и занял Лабелин. Для Хармона это было приятно с двух точек зрения. Во-первых, слава богам, что он сейчас не в Южном Пути! Во-вторых, коль у Мориса Лабелина отняли столицу, то теперь он уж точно не станет искать Хармона-торговца, даже если заметит подделку Предмета. Словом, нельзя сказать, что в Мелисоне не бывает новостей – по меньшей мере, иногда доходят новости внешние.

Также неверно и то, что у Хармона нет дела: есть же небесный корабль! Да, строит Гортензий, но деньги-то выделил

торговец, так что дело, считай, его. И развивается оно, надо сказать, весьма бурно.

Давеча в Лаэме Хармон сказал Гортензию:

– Хочу приобрести ваш аппарат, чтобы совершить полет в Фаунтерру.

Гортензий, хотя и мечтал продать проклятуший шар, все же не сдержал грустного смеха:

– Славный, видите ту гору? Если долетите до нее без посадок, то считайте себя любимцем богов.

– Я имел в виду, – уточнил Хармон, – что вы надлежащим образом переделаете шар. Если, к примеру, возьмешь шлюпку, то не проплывешь больше мили, но если купишь галеон, то легко обойдешь весь Поларис. Вот и сделайте для меня галеон, а не шлюпку.

Гортензий предположил, что Хармон насмехается, и обложил его витиеватым ругательством, основанном на любовных связях ишака с гиеной. Низа посмотрела на Гортензия так, как умеет лишь она: круглыми чистыми детскими глазами.

– Мы вас очень просим, мастер.

– Я заплачу, – добавил Хармон.

– Много? – недоверчиво буркнул Гортензий.

– Сколько понадобится.

– Дв... триста эфесов! – бросил Гортензий, чтобы покончить со спором.

– По рукам, – ответил Хармон.

Позже оказалось, что новый шар стоит не триста эфесов, не двести и не четыреста, а Праматери знают сколько. Изобретатель понятия не имел, как «сделать из шлюпки галеон», лишь надеялся, что с тремястами золотых что-нибудь придумает.

– Понимаете, славный, – объяснял он Хармону уже в Мелисоне, на этом вот балконе, – наша главная беда – это ветер. Морское судно может идти под углом к нему за счет того, что сила ветра складывается с силой воды. Куда будет направлена сумма – зависит от положения парусов и киля. Но небесный корабль не касается воды и целиком подвластен движению воздуха. А потому, как ни поворачивай руль, полетим только прямо по ветру.

– Значит, дождемся, чтобы дуло в сторону Фаунтерры, и...

– Эх, славный Хорам, если бы в мире все было так просто, то мы бы лежали в тени, а спелые фрукты падали нам в рот. Первым делом, ветер никогда не дует точно на Фаунтерру. Бриз направлен на север, то бишь, понесет нас в Надежду, а не в Корону. Вторым делом, ветер меняется. Это в Лаэме он южный, а перевалим первый хребет – станет очень даже восточным. Попадем не в Надежду, а прямо в болота Дарквотера. Ну и третьим делом, едва воздух в шаре остыл, так полет и окончен. По опыту, это миль десять-двадцать. Взять с собой дров не выйдет – лишняя тяжесть.

– Тааак, – хмыкнул Хармон. – Имеешь изобретательские

идеи?

– Думать надо. Без мысли только куры несутся...

Гортензий принялся думать, и Хармон старался думать тоже, хотя ему это давалось с большим трудом. Вся хармонова смекалка была о том, как поладить с людьми. Иметь дело с неживой материей, типа ткани и ветра, торговец совершенно не привык. Одно, правда, сумел измыслить:

– Вместо дров можно взять горячее масло. Купим самое чистое. Ничего, что дорого – зато оно по весу легкое, а тепла дает много. Сможем взять запас в полет.

Гортензий согласился: идея неплоха, но остальных проблем не решает. Как быть с направлением ветра?

Здесь неожиданно помогла Низа. С тех пор, как мечта о полете овладела ею, девушка любила смотреть на облака. Когда ветер нес их, Низа представляла себя сидящей на облаке – и хрупкая улыбка трогала ее уста. Низа почти не говорила о своих мечтаниях, она вообще говорила мало, но однажды выронила:

– Какие тяжелые! Несут в Степь дожди. Полететь бы с ними....

Гортензий буркнул:

– Скорее, в Литленд. Восток от запада не отличаешь.

Но вдруг подхватился, наслюнявил палец, поднял кверху.

– Святые ишаки! Ветер от высоты зависит! Здесь дует на восток, а вверху, где облака – на запад!

Для проверки совершили полет. Раскочегарили идовский

костер, надули шар так, что чуть не лопался, и поднялись на целых полмили. И Низа, и Гортензий вернулись в полном восторге: девушка – от самого полета, мастер – от открытия. Все-таки можно менять направление полета – нужно выбрать правильную высоту! Хармон довольно потирал руки. Хотя додумался Гортензий, а подсказала ему Низа, но все делалось на деньги торговца – а значит, открытие принадлежит Хармону. Пускай так и запишут в научных книгах!

Кстати, книги скоро понадобились. Ясно было, что нужно менять высоту полета, но неясно – как. Взлетит шар на столько, на сколько позволит сила горячего воздуха. А если надо опуститься – что делать? Выпустить часть жара? Но тогда уж обратно ввысь не взлетишь. Тепла горящего масла не хватит, чтобы набрать высоту. То есть, лететь придется так: с утра повыше, потом пониже. А если нужный ветер дует как раз наоборот – утром внизу, вечером вверху?

Некогда в молодости мастер Гортензий посещал открытые лекции в университете Лаэма и читывал книги в библиотеке. Помнил с тех пор, что существует некий очень летучий газ, который редко встречается в природе: чуть возникнет – сразу улетит, и нет его. Если наполнить шар этим газом, он будет лететь лучше, чем от жара, и топлива не понадобится. Как зовется газ и где его добыть – Гортензий не помнил. Рико взял у Хармона денег, отправился в университет и привез кипу книг обо всех возможных газах, а заодно – видного магистра-алхимика, чтобы уж наверняка. Магистр был урож-

денным лаэмцем, к тому же благородным, потому первым делом высмеял городишко, Хармона с Гортензием и всю их затею. Но Рико тоже был урожденным лаэмцем и восемь лет прожил с белокровной дворянкой, так что умел общаться с этой публикой. Он выдал метафору, витиеватую как планы царедворца. Из нее магистр понял, что платят ему не за насмешки, как комедианту, а за знания, как советнику владыки. Он смилостивился и выслушал задачу. Выслушав, снова принялся хохотать. Конечно, спали его солнце, магистр знает летучий газ. Газ зовется водородом и подходит небесному шару, как страусу седло. Во-первых, водород легко проникает сквозь материю и в шаре не удержится. Во-вторых, его сложно получить, а в-третьих, он чертовски горюч. Зажжешь под таким шаром костерок – и моргнуть не успеешь, как обнимешься с Ульяной Печальной. Рико соорудил новую метафору с тем смыслом, что если бы путь ученого был легким и гладким, алхимиками становились бы ленивые холопы, а не лучшие умы королевства. Магистр принял словесное поглаживание и сказал:

– Положим, водород можно удержать, если пропитать материю особой смесью – в этой книге найдете ее состав. Положим, добыть водород можно из кислоты и железных опилок – в той книге есть описание реакции. Но что делать с горючестью – ума не приложу.

– А зачем вообще нагревать водород? – спросил Хармон. – Он ведь и холодный полетит, верно?

– Полетит всенепременно, а как вы на землю спуститесь? Горячий шар садится, когда остывает. А водородный будет летать до конца войны, вы там умрете от голода.

Хармона передернуло.

– Нельзя ли что-нибудь выдумать?

– Как показали святые Праматери, изобрести можно что угодно. Но в данном случае – зачем? Морским кораблем вы дойдете до Фаунтерры дешевле и надежней, чем небесным. Какова научная ценность вашей работы?

Хармон Паула еще не заполнил свой погреб, но уже запаса парой бочонков отличного винца – без них слишком скучно было вечерами. Он сказал магистру:

– Я имею в наличии вещество, которое стимулирует размышления о научной ценности. Предлагаю провести реакцию взаимодействия с этой жидкостью.

К утру один из бочонков опустел, а решение было найдено. Ну, не решение как таковое, но путь, ведущий к нему. Магистр уехал, весьма довольный приемом и оплатой, и прислал взамен себя студента. Тот хорошо разбирался в алхимии и как раз нуждался в теме для зачетной работы – вот он и получит тему, и поможет Гортензию.

Затем Рико привез кислоту и алхимическую посуду, и работа пошла полным ходом. Вот тогда Хармон впервые приуныл.

До сей поры он принимал живое участие в изобретении –

пускаяй мало помогал, но много говорил и во все совал нос, так что был занят. Теперь Гортензий и студент сами знали, что делать, в разговорах с Хармоном совершенно не нуждались. Заходя в их мастерскую, он пугался от острого запаха, шипения, бульканья. Не знал, куда себя пристроить, и Гортензий аккуратно спрашивал его:

– Кислота – опасная штука, славный. Лучше поберегись, тебе еще детей плодить.

Хармон уходил, и, хотя понимал правоту магистра, но все же расстраивался. Прежде он всегда трудился и всегда мастерски, его помощники и близко не стояли к его искусству торговца. Теперь вот нанял людей, и ничегошеньки в их делах не понимает, только и может, что платить за все.

Ну да ладно, Хармон Паула, ты лучше скажи: хорошо ли живешь?

Уж явно не плохо. Многим на зависть.

Что скучновато – не беда. В конце концов, лучшая забава – люди. Вот и развлекайся ими!

А людей рядом с ним было трое. То есть еще были слуги и кухарка, но Хармон уже вжил в роль богача и не считал слуг за людей. Хозяин фургона еще мог браться с конюхом или кухаркой, но хозяин поместья – нет уж. Так что спутников имелось при нем трое.

Самым болтливым был, конечно, Онорико. Хоть весь день бы рта не закрывал – слушай сколько угодно. Историй много знает, в основном про женщин, так это и хорошо. Всегда ж

приятно о дамочках послушать! А к Хармону так и лезет в друзья – голыми руками бери.

Но, видно, что-то поменялось в душе торговца. Нечто неуловимое, не сразу замеченное, однако важное. Неохота была слушать Рико. Он – хороший парень, добрый, бойкий, говорит забавно... но лишен чего-то существенного. Слова говорит – что воду льет: журчат журчит, а смысла мало. Характер показывает – а его сразу весь видно, характер-то. И что странно: всю жизнь Хармон ездил с такими людьми – простыми, понятными, – и никогда не жаловался. Но теперь – повернулось в душе... И вместо разговоров Хармон все больше соскальзывал в воспоминания. Там, в прошлом, был граф, ради любви отдавший святыню; была графиня, сотканная из воздуха и кристаллов льда; был отец Давид – не то подлец, не то святой; был брат Людвиг с его пыточными машинами; был труп Молчаливого Джека... Каждый из них заставил потрудиться душу Хармона, каждый вызвал бурю чувств – хороших или скверных – и сотню раз вспоминался потом. А Рико... тьма сожри, отвык Хармон от простых парней! В скелете Молчаливого Джека было больше тайны, чем в целом Онорико-своднике. Даже в камзоле, снятом со скелета, – и то больше. Даже Джоакин Ив Ханна, пускай тоже казался простым, но нашел достаточно сердца полюбить целую герцогиню. Рванулся вдаль, за несбыточным... Глупо, – думал тогда Хармон. А теперь что-то щемило... Где теперь глупец Джоакин? Сгинул, наверное. Не зря война...

Рико, в отличие от Джоакина, не пошел за своей мечтой. Только Ванесса-Лилит выперла его за порог, так и пропали у него иные мысли, кроме как о любимой женушке. Каждую агатку, данную Хармоном, аккуратно прятал в сундучок, и было нечто унылое в этой бережливости. Мечтал Рико о Низе – с его мечты и началась вся здешняя история. Низу Рико мог взять бесплатно: соблазнить, влюбить в себя – и Хармон не удержал бы. Но Рико сох по жене, лишь изредка бросая на Низу безнадежные собачьи взгляды. Рико стал безопасен, потому Хармон и оставил его при себе... потому и скучал в его обществе.

Мастер Гортензий, казалось, был интереснее Рико. Учился в университете, смыслил в науках, изобрел небесный шар... Одна беда: больно любил Гортензий считать расходы. Заведешь с ним речь о корабле – перечислит каждую истраченную елену, начнет прикидывать, сколько людей надо поднять в воздух, чтобы окупилось. Заговоришь о семье (а Гортензий имел семью в предместьях Лаэма) – тут же расскажет, сколько денег он дает жене каждый месяц, и на что ей хватает, а на что не хватает, и сколько бы монет еще добавить, но их нету... И снова: сорок лет жизни сам же Хармон был точно таким! Глядел на любую вещь – прикидывал цену, встречал человека – думал, что ему продать. И ничего плохого в том не видел, но теперь... Странно сказать: тесно стало торговцу в мире денег. Привычно, но больно просто, приземленно. Хотелось говорить с теми, в ком – не только день-

ги. Все, кого Хармон вспоминал, ногами стояли на земле, но душами умели летать. Граф Виттор, леди Иона, отец Давид, Джоакин и, конечно, Полли – у каждого был свой невидимый небесный корабль.

Полли...

Низа.

Всякий раз, как в уме всплывало имя Полли, Хармон тут же заглушал его другим. Не думай о Полли, думай о Низе.

В отличие от Рико и Гортензия, Низа имела крылья. Не гордо расправленные, как у Северной Принцессы, а стыдливо спрятанные под одеждой. Если Низе случалось обронить перо, она накрывала его ногой и втаптывала в землю, пока никто не заметил.

Низе было, пожалуй, меньше двадцати. За недолгую жизнь ее слишком много били. Били люди, били боги судьбы – и не затем, чтобы убить, а просто ради забавы. Низа никогда не жаловалась, не рассказывала трагедий, но Хармон знал людей и многое сумел понять. Ее родителей, шаванов, прикончили другие шаваны. Обычно дети Степи меж собой не бьются насмерть, но для родителей Низы судьба сделала исключение. Ее взяли в плен и попытались научить покорности. Она не освоила науку, потому была жестоко избита. Два пальца на левой руке хранили следы переломов. Похоже было, что ладонь растоптали каблуком, а может, сунули в дверную щель. Потом Низу, как дикое животное, погрузили на корабль и взяли на цепь, чтобы присмирела. Это возыме-

ло действие: нет хуже пытки для шавана, чем лишение свободы. В Лаэм Низа прибыла очень тихой, и ганта Гроза получил шанс сбыть ее с рук...

Низе хватило мучений, чтобы почти разучиться говорить. Она накрепко замкнулась в себе, узкие глазенки стали щелочками в броне. Низа ничего не хотела, не задавала вопросов, любые просьбы Хармона, если они не были унижительны, выполняла без звука. А унижительных просьб он не допускал, потому слышал голос девушки только дважды в день – утром: «Хорошего дня, славный», – и вечером: «Доброй ночи, славный». Когда он спрашивал, она отвечала односложно либо жестом. Она же вовсе не спрашивала. Хармон несколько раз просил ее:

– Поговори со мной. Спроси о чем-нибудь.

– О чем спросить, славный?

– Ну, о том, что тебе интересно.

– Простите, славный, – говорила Низа и опускала глаза.

Если Хармон водил ее гулять, показывал поместье, поил вином – она говорила только: «Спасибо, славный». Низа никогда не пила сверх меры, зато ела всегда много, будто впрок.

Однако затравленная, изломанная эта пташка каким-то чудом сохранила крылья. Не смея расправить их, она иногда мимо воли показывала краешек. Как в тот раз, когда впервые услышала про шар. Или как с облаками, что летели на запад. Ее душа еще жила, это было поразительно до дрожи.

Конечно, Хармон не думал сделать ее любовницей. Не

взвесил мысль и отверг, а именно не думал – так абсурдно это, что и думать нет смысла. Чего он хотел от Низы – это увидеть ее счастливой. Если она получит немного радости в награду за все мучения, то мир станет чуточку справедливее. А главное – утихнет хармонова совесть и перестанет сниться болт, торчащий из девичьей груди.

Вот только он не имел способа осчастливить Низу. Он был прагматичным торговцем, крепко стоящим на ногах, чуждым всякого воздуха. Что он мог?

Дарил подарки – осторожные, без пугающей роскоши. Низа отвечала: «Спасибо, славный». Ни одна черточка не менялась в лице.

Кормил вкусностями, поил лучшими винами – Низа ела не ради вкуса, а про запас, на случай голода, и пила очень мало, чтобы никогда, ни в коем случае не утратить контроль.

Развлекал беседами – безнадежная затея. Говорил о себе – «Спасибо, славный». Спрашивал о ней – «Да, славный», «Нет, славный».

Показывал сад и поместье, невольно говорил то, что думал: «Здесь поменяем драпировку, сделаем зеленую с золотом... Фонтан починим... Павлина поселим, пускай себе ходит...» И, тьма сожри, сам себе становился противен. Чувствовал себя даже не свиньей, а слепым кротом в норе. Свинья лежит в грязи, но хотя бы видит небо! «Спасибо за рассказы, славный», – говорила Низа, и Хармону хотелось выть. Он не мог абсолютно ничего. Леди Иона смогла бы, и граф

Виттор, и отец Давид, и Джоакин, и даже Молчаливый Джек! Хармон – нет. В поместье и городке и во всей долине имела единственная живая душа, с которой Хармону хотелось быть рядом, и эта душа была безнадежно несчастна.

Однажды он спросил:

– Хочешь, я отпущу тебя на свободу?

То был абсурдный вопрос. Низе было некуда деться. Уйдя от Хармона, она погибла бы или снова была поймана и продана. Но от отчаянья он спросил, и Низа ответила очень зрело:

– Это не будет разумно, славный. Ваши деньги пропадут, а я умру. Если вы недовольны мною – скажите, и я буду работать больше.

То была весьма длинная речь. Растроганный, Хармон чуть не обнял Низу. Сдержался. Не нашел слов для ответа.

Приняв его молчание за упрек, Низа взяла щетку и принялась вычищать паутину по углам. Хармон остановил ее:

– Перестань, не нужно этого. Ты – не служанка. Я хочу, чтобы ты была счастлива.

– Зачем, славный?

Он не смог объяснить. Низа вернулась к паутине.

Хорошо ли тебе живется, Хармон Паула? Скажи честно.

Однажды они вместе ужинали на балконе. Солнце садилось, домики по-особому розовели, журчала река. Хармону

вспомнилось, как вместе с Полли гуляли в Лабелине, и как она пела «Балладу о Терезе».

– Мне одиноко, – сказал Хармон.

Тут же усомнился: имею ли я право жаловаться Низе? Ответил себе: конечно, еще бы! Я ее от смерти спас, кормлю и пою, а ей только и нужно, что жалобу послушать. И в следующий миг понял: нет, тьма меня сожри, как раз потому и не имею права! У Низы ведь нет выбора – слушать меня или к черту послать.

– Прости, – буркнул он, а Низа сказала:

– Мне тоже одиноко, славный. Но это пройдет. Любую пыль уносит ветер.

– Это у вас в Степи так говорят?

– Да.

– И что это значит?

– Что все плохое пройдет.

В порыве уничижения Хармон мотнул головой:

– Мое – не пройдет. Я поступил очень плохо!

– Не смотри на свои следы, славный.

– А это что значит? Не имеет значения, что я сделал? Но оно имеет! Я... я – чудовище!

Низа повернулась к нему, округлив глаза от изумления. Потом усмехнулась пугающе снисходительно. Нет, не был он чудовищем, не дорос. Просто крот в норе.

Тем вечером Хармон сделал то, чего не делал очень давно.

Спустился в погреб, вынул неприметный камень из стены, из черной ниши наощупь достал сундучок. Отпер замок, откинул крышку. Внутри лежал старый камзол с вышитым гербом – когтистым нетопырем Ориджинов. Говорят, такой герб теперь маячит на флаге над императорским дворцом. Но сейчас важен не он, а то, что завернуто в камзол.

Даже не пытаясь унять дрожь в руках, Хармон извлек на свет Сферу.

Хармон стал убийцей и вором, сменил имя, переехал на другой край света, разлюбил простых людей. На Севере вспыхнул мятеж, Южный Путь перешел в руки Ориджинов, столица пала, шаваны восстали против Адриана. Вся свита Хармона стала другой, а прежняя почти поголовно мертва. За год в мире изменилось все – кроме Светлой Сферы.

Хармон не смотрел на нее уже четыре месяца, наказывал себя за преступление, или ее – за соблазн. Светлая Сфера осталась в точности такой, какой он ее помнил. Потрясающе – даже чувство не изменилось! Обычно, когда видишь что-нибудь красивое в пятый, десятый раз – чувство притупляется, восторг заменяется привычкой. Но не здесь! Благоговеющий трепет пронизал все тело Хармона, руки наполнились неземным теплом, сердце жарко забилося.

Он взял ее за внешний обод, затаил дыхание – и щелкнул. Внутреннее кольцо обратилось в мерцающий шар. Хармон смотрел на него, и смотрел, и смотрел, забыв про все на свете.

Спустя полчаса – а может, час – он решился остановить Предмет. Чувство одиночества пропало, как рукой снятое. С Хармоном была Светлая Сфера – значит, и сами боги. Он подумал: ради этого Предмета я убил двух человек, обманул двух великих лордов, рискнул собой и всею свитой. Я не продал Сферу, никому не показал, не получил выгоды. Я совершил злодеяние не ради денег, а по зову сердца.

Я тоже умею летать.

Монета – 2

Конец декабря 1774 г. – начало марта 1775 г. от Сошествия

Мелисон (королевство Шиммери)

Однажды Низа пропала. Утром ее не оказалось в поместье – вот и все.

Хармон пришел в ужас. Он видел два объяснения событию – одно хуже другого. Либо Низа захотела свободы и сбежала на Запад, либо ее выкрали. В первом случае ей конец: дорога в Рейс – пятьсот миль через горы, одинокой девушке не одолеть такой путь. Но во втором случае конец не только ей, а и Хармону! Он-то верил, что ни герцогу Лабелину, ни тайному ордену отца Давида больше нет до него дела. А если и есть, то не смогут они найти Хармона под чужим именем на другом конце материка. Но Низа исчезла, а кому нужно

ее похищать? Сама она – не ценность, по здешним меркам. Значит, если выкрали, то – на зло Хармону!

Что делать? Как спастись?! Хармон бегал по поместью, мысли метались в голове.

Спасти Низу? Заплатить похитителям выкуп? Ах, если бы так просто! Не ради денег же ее украли! Если чего-нибудь потребует в обмен – то голову Хармона и Светлую Сферу!

Спаستись самому? Но как? Сбежать из Мелисона? А может, только этого злодеи и ждут?! Не хотят учинять резню в городке, на глазах у всех, вот и сделали засаду в горах, на единственной подъездной дороге. А Низу украли лишь затем, чтобы всполошить Хармона. Испугается, бросится наутек – прямо в засаду и угодит!

Можно, конечно, сбежать не по дороге, а прямо через горы, козьими тропами... нет, нельзя.

Тогда, может быть, звать на помощь? Но кого? Конечно, бургомистр Корнелий и его верный констебль числятся в друзьях Хармона, да много ли от них проку? Два недотепы против тайного ордена!..

Ну, а может, Низа все-таки сбежала сама? Тогда надо нанять людей – мальчишек каких-нибудь, пастухов – чтобы выследили и вернули. Но Хармон не сделал и этого. Во-первых, проснулся он поздно, а ночь была лунная, так что Низа вполне могла сбежать еще в полночь и получить десять часов форы. Как теперь догонишь!.. Во-вторых, козьих тропинок в горах много, надо слать людей россыпью, по одному на

каждую тропу. А чем кончится для преследователя встреча с Низой один на один – вопрос тревожный. Она – дочь шаванов, познала множество бед и доведена до отчаянья. Ясно, что будет драться.

Вот и выходило: нужно что-то делать, а нечего. Хармон приказал слугам запереть все двери и ставни, собраться в холле, вооружиться кто чем может. Заперли, собрались, вооружились. Ну и армия! Садовник с лопатой, два лакея с кочергой и топором, кухарка с ножом для мяса. А Онорико во все нету – он уехал в Лаэм за новыми веществами для шара, а мастер Гортензий... Стоп, где мастер Гортензий?

Не зная о переполохе, изобретатель вместе с помощником-студентом трудился в мастерской. Хармон прибежал к ним, чтобы призвать к оружию, но тут его осенило.

– Друг Гортензий, в каком состоянии наш небесный корабль? Можем сейчас поднять его в воздух?!

Сперва Гортензий даже не понял сути просьбы. Шар находился в состоянии... супа. Он варился в котле с тем особым составом, который должен сделать материю непроницаемой для водорода.

– Погасите этот гуляш! – приказал Хармон. – Вытащите и высушите шар, готовьтесь к полету!

Гортензий стал спорить, пересыпая речь отборной шиммерийской бранью. Если ткань не доварить, вся работа пойдет ишаку в задницу, и придется начинать заново. Мокрый шар полетит не лучше мокрого индюка, а сушить его – дело

на два дня. Это ж в котле не вода, а алхимическое варево, пусть подавится им Темный Идо. Оно жирное и липкое, а может, еще и ядовитое – в книге неясно написано. А высушить шар – только полдела, вторые полдела – надеть на него сеть из веревок. В прошлый раз с пятью помощниками цельный день убили на эту сетку, пусть повесится на ней Темный Идо!

Хармон заорал в ответ. Он здесь, тьма сожри, хозяин, а если хозяин, тьма сожри, приказывает, то ты берешь и делаешь, иначе хозяин тебя утопит в алхимическом вареве, пусть подавится Темный Идо твоим утопленным трупом!

Гортензий уловил настроение, прикрикнул на студента, и вместе они принялись вытаскивать из котла жирный, липкий, возможно, ядовитый шар. Хармон послал лакеев им в помощь, а сам боязливо вышел на балкон оглядеть окрестности. Никаких подозрительных людей вокруг поместья не виднелось. Собственно, людей и вовсе не было: шло к полудню, городок привычно притих, чтобы оживиться ближе к вечеру. Похитители Низы зачем-то давали Хармону время. Возможно, надеялись, что он, готовясь к бегству, полезет за Светлой Сферой и выдаст положение тайника. А может, похитителей и вовсе не было, и Низа сейчас одна-одинешенька бредет через горы. Интересно, пожалела она уже о своем решении? Вспомнила ли Хармона, подумала вернуться?..

Так или иначе, шар придется весьма кстати! На нем легко и уйти от погони, и высмотреть Низу с высоты. Лишь бы

только она сбежала в ту сторону, куда ветер. А так оно, скорей всего, и есть: облака, как и прежде, плыли на Запад.

Хармон трижды заходил к Гортензию, чтобы поторопить, и трижды задумывался, не взять ли Сферу из тайника, но решил сделать это перед самым взлетом. Кухарку, как самую бесполезную из бойцов, послал к бургомистру спросить, не являлись ли вчера в город подозрительные чужаки? Кухарка была родом из Мелисона и при любом случае заходила поболтать к сестре. Хармон как мог настрашал ее, чтобы сегодня она шла напрямиком к бургомистру:

– Женщина, если не хочешь найти здесь, в поместье, шесть смрадных трупов, изъеденных мухами, то ради всех богов беги скорее!

Но кухарка все-таки решила перемолвиться словечком с сестрой – хотя бы рассказать, что скоро она может лишиться места, ведь хозяин превратится в труп, поскольку варит небесный шар в ядовитом котле. Сестра взяла немного времени, чтобы надлежащим образом прокомментировать новость: хотя славный Хорам и не лаэмец, но он прожил месяц в Лаэме, вот тамошний дух к нему и прицепился. Слава богам, что он варит только бездушный шар, и никого не травит, кроме самого себя. От того, кто пожил в Лаэме, можно ждать гораздо худшего!

Словом, кухарка вернулась в сумерках, когда шар уже всю сушился, развешенный между деревом и оградой, роняя наземь жирные едко пахнущие капли. На диво, кухарка вер-

нулась не пешком, а в повозке. Правил бричкой отец Элизий, подле него на козлах сидела... Низа!

Всю историю Хармон узнал от священника, ведь Низа, как и прежде, не говорила больше пяти слов.

Она покинула поместье не в полночь, а на рассвете, с единственной целью – прогуляться в одиночестве и ощутить свободу. Бежать на родину она и не думала, вполне понимая безнадежность затеи. Низа прогулялась по утреннему, еще безлюдному Мелисону, кое-где осторожно позаглядывала в окна, увидела, как завтракают добрые горожане. Двинулась за город в оливковую рощицу, послушала птиц, вдыхая чудные южные запахи. За рощицей нашла погост и подивилась дикому имперскому обычаю – скармливать мертвецов червям. Вышла к речушке, скинула обувь, прошлась быстрой, обжигаяще холодной водой. Вернулась в городок и там что-то еще делала, где-то гуляла – священник воспринял все это с ее слов, то есть, отрывчато и смутно. Факт тот, что после полудня девушка обнаружила церковь и зашла туда, и спросила отца Элизия:

– У вас есть жертвенный алтарь, чтобы поговорить с Духом Степи?

– Прости, у нас нет такого алтаря, – ответил священник, – но я могу попросить святую Софью, самую добрую из Праматерей, чтобы передала Духу твои слова.

Он подвел Низу к иконе Софьи Величавой и прочел мо-

литву. Затем и Низа стала молиться, ничуть не смущаясь присутствия священника. Видимо, в Рейсе молитва – дело публичное, а не сокровенное. Отец Элизий мало понял из ее слов, Низа использовала наречье Степи, но увидел, что девушка одинока и несчастна. Когда она окончила молитву, священник сказал:

– Ответь мне, дитя: ты знаешь свое место в мире?

– Я живу у славного Хорама.

– Ты почитаешь тех, кто стоит выше?

– Славного Хорама я уважаю.

– Усердно ли ты трудишься?

– Хочу больше, но он не позволяет.

– Получаешь удовольствие от страданий?

Она не поняла вопроса.

– Берешь ли ты чужое?.. Добиваешься ли выгоды обманом?..

Отец Элизий прошелся по всем заповедям, а тогда сказал:

– Вижу, дитя, что ты не всегда благочестива, тебе нужно поработать над своею верой. Но ты – хороший человек, а значит, боги о тебе позаботятся. Просто верь и живи, и все само образуется, а печали пройдут.

Низа так была рада его словам, что даже слезы выступили на глазах. А потом сама, по собственному желанию, взяла и рассказала, как провела день. Конечно, сбивчиво и комкано, но все ж Элизий понял, что Низе понравилась пахучая роща и холодная речка, и как семьи завтракают все за одним

большим столом, даже дети; а погост не понравился и слегка напугал. Тогда священник спросил, не хочет ли Низа поужинать за большим столом с ним, его супругой и тремя дочками. Только тут она спохватилась:

– Наверное, славный Хорам ждет меня к ужину. Он любит кушать на балконе, и чтобы я наливала вино.

Вот тогда отец Элизий велел запрячь бричку и повез Низу домой, а по дороге они встретили кухарку, которая уже шла от мастера Корнелия с утешительным известием: никто подозрительный не приезжал в Мелисон ни вчера, ни позавчера, ни третьего дня.

Как это бывает с людьми, пережившими сильный и напрасный испуг, Хармон обозлился. Конечно, он скрыл чувство до тех пор, пока священник не покинул дом, а тогда напустился на Низу.

– Что ты творишь?! Как могла так поступить?! Взяла и сбежала, как последний преступник! Хоть бы предупредила кого! Я так переполошился, что места себе не находил!

– Почему?

– Она еще спрашивает – почему! Да от страха за тебя, глупая! Ты хоть понимаешь, как я за тебя волновался?!

– Не понимаю, – призналась Низа.

Если бы Хармон бывал в Рейсе, то знал бы: тамошние дети уже в десять лет сами скачут куда угодно, хоть за горизонт, и родители не пытаются присматривать за ними.

– Не понимаешь! – совсем вскипел Хармон. – А что мне обидно – это ты понимаешь? Я тебя зову на прогулку – тебе плевать, а сама – пожалуйста, на целый день. Я тебя спрашиваю о том, о сем – ты только: «Да, славный», а этот Элизий спросил – все и выболтала!

Низа нахмурилась, пытаясь понять.

– Что я выболтала? Разве я выдала твои тайны?

– Сожри тебя тьма! Не в тайнах дело, а в отношении, можешь понять? Я для тебя как чужой, а Элизий – как родной, хотя ты его в первый раз видишь!

– Я ничего не понимаю, славный.

– Мы даже чертов шар выловили из котла, чтобы тебя искать! Могли отравиться, между прочим! А ты себе в рощице гуляла, в речечке купалась! Ты не ребенок, вот и думай перед тем, как делать! Хочешь куда пойти – скажи мне!

– Но тогда ты пойдешь со мной.

– А тебе бы без меня? Неблагодарная! Ты помнишь, сколько я для тебя сделал?!

Если бы Хармон бывал в Рейсе, то знал бы: подобных слов не стоит говорить шавану. Дети Степи сами помнят свои долги и непременно платят, если хотят попасть в Орду Странников. Но ткнуть шавана носом в его долг – все равно, что посмеяться над гербом северного рыцаря.

– Ты делал то, что сам хотел. Сегодня я сделала, что захотела.

Не слова Низы впечатлили Хармона, а движение. Маши-

нально, не глядя, девушка сжала стеклянный кубок с вином. Не так, как держат чашу, а – как оружие. В мыслях увиделось Хармону, как Низа одним быстрым ударом отшибает ножку кубка, оставив в руке острый осколок, похожий на стилет.

Он не знал, чего испытал больше – злости или испуга.

– Поди прочь! – рявкнул Хармон, и Низа ушла.

Тогда испуг исчез, осталась одна злость. Хармон еще долго не мог прийти в себя. Полли никогда не позволяла себе такого! И ни одна из трех женщин, что были у Хармона прежде. Могли возмущаться, браниться, могли удариться в крик и слезы – на то и бабы в конце концов. Но чтобы вот так зыркнула глазом хищного зверя, сжимая оружие в руке, – никогда такого не было, ни одна не смела!

Первым порывом Хармона было прогнать Низу. Сказать: хотела свободы – так иди себе. Посмотрим, далеко ли уйдешь, скоро ли приползешь назад, поджав хвостик. Вторая мысль была еще лучше первой: сделать Низу служанкой. В конце концов, кто она здесь? Альтесса? Ничего альтесного не делает, только выкобенивается. Так пусть хотя бы отрабатывает свой хлеб! Дом большой, возни с ним много.

Однако Хармон не сделал ни того, ни другого. Не из благородства – ничего неблагородного он не видел в том, чтобы за уплаченные деньги ждать службы и уважения. Но вот какая завыка: дерзкая эта Низа понравилась Хармону. Прежде она была лишь утешением для его совести, несчастною сиротой, которую хотелось облагодетельствовать. Сейчас пред-

стала в ином обличье – и мужское естество зашевелилось в Хармоне.

Он решил спросить совета. Глубокой ночью спустился в винный погреб, открыл заветную нишу в стене. Расставив квадратом четыре свечи, поместил Светлую Сферу по центру – так, чтобы огоньки отражались в ней со всех сторон. Крутанул.

Как раз в этот момент за тысячи миль отсюда бывший хозяин Сферы, граф Виттор Шейланд, прощался с супругой. Он скрывал за словами любви раздражение и гнев, похожий своею природой на гнев Хармона. Несмотря на безумную цену, уплаченную графом, Северная Принцесса покидала его, чтобы оказаться в столице подле брата.

Огоньки четырех свечей заиграли в Сфере и стали четырьмя сотнями, четырьмя тысячами, четырьмя миллионами огоньков. С головой нырнув в эту красоту, Хармон ясно понял: нужно показать Низе. Ведь он до сих пор не показал ни одной живой душе! Низа увидит – и растает. Если ее так трогает простой шар с горячим воздухом, что и говорить о творении богов!

Только нельзя это делать с наскоку, нужно выбрать подходящий момент. Когда Низа будет вести себя хорошо, проявит кротость и благодарность. Тогда, в награду, Хармон покажет ей Сферу – и Низа поймет, какому исключительному

человеку она досталась.

Но утром пришло известие, которое надолго отвлекло Хармона от мыслей и о Нисе, и о Сфере.

Спозаранку выйдя на балкон, Хармон увидел во дворе всех домочадцев, сгрудившихся около Рико. Он только вернулся из Лаэма и привез свежие новости. Лакеи мрачно скребли затылки, кухарка все переспрашивала и не могла взять в толк, мастер Гортензий рвал на себе волосы.

– Император умер! В столице правят северяне! Что же будет теперь?

* * *

Целый следующий месяц Хармон прислушивался ко всем новостям, рассказам, сплетням, долетавшим из Фаунтерры. Владыка Адриан погиб, его войско разбито, министры разбежались. На трон села Минерва, но правит герцог Ориджин, повсюду наводит свои порядки. Что теперь будет? Эта тема надолго завладела умами добрых горожан Мелисона. Споры велись повсюду – на улицах, в кабаках, в рыночных шатрах, за обеденными столами.

Одни говорили: Ориджин на этом не остановится. Когда-то светноосцы уже пытались завоевать весь мир. Правда, то были не Ориджины, но тоже чертовы агатовцы, так велика ли разница? Корона держала северян в узде, а теперь

она обессилела, и нетопыри попрут войной на всех. Значит, нам, южанам, лучше сплотиться со Степью и вместе держать оборону. Но принц Гектор, как на зло, дерется с шаванами в Литленде.

Другие возражали: герцог Ориджин как раз молодец, это император был тираном и еретиком, попирал заповеди и сжигал людей. Хорошо, что Ориджин его сверг. Но одна беда: Перстов-то он не нашел! Значит, Персты Вильгельма остались в руках адриановых псов, они рыщут по свету, и скоро снова где-то прольется кровь. Лучшее, что может сделать принц Гектор, – это закрыть все порты и не впускать в Шиммери никаких чужаков! Но каково тогда славным купцам? Куда поденутся прибыли от торговли?

Третьи твердили: да что вы заладили – Ориджин, Ориджин! Герцог Эрвин – вояка, как все северяне. Скучно ему будет возиться с законами да указами, отдаст всю державную волокиту Минерве. А Минерва кто? Девица восемнадцати лет, еще и монашка! Ничего она в политике не смыслит, ни одного толкового указа не выдаст, и скоро все пойдет наперекосяк. Лучше всего будет (тут снижали голос до шепота и принимались дико вращать глазами) да-да, лучше всего – отделиться от Империи Полари. Пускай они себе в Фаунтерре делают что хотят, а мы, южане, лучше разберемся, как нам жить.

Спорили так оживленно, что схватывались на ноги, перебивали друг друга, лупили кулаками по столу. Несколько

видных дам пригрозили перестать общаться со всеми глупцами, кто не разделяет их точку зрения. Один извозчик протаранил другого и отбил колесо у его брички – и поделом этому прихвостню диктатора! Для тихого Мелисона то был исключительный накал страстей, граничащий с хаосом. Бургомистр созвал тайное совещание в составе своей жены, констебля, отца Элизия и трех трактирщиков. Но мерзкие щупальца раздора прокрались и в стены ратуши. Бургомистр с женой были консерваторами и боготворили Ориджина, добродушный отец Элизий не имел ничего против Адриана, констебль ненавидел мятежи в любом их проявлении, а один из трактирщиков твердо стоял на идее независимого королевства. Далеко за полночь, после четырех часов дебатов, своевольный трактирщик покинул совещание, напоследок хлопнув дверью. Констебль был подавлен властным авторитетом бургомистра и хмуро утих, остальные кое-как пришли к согласию. Всех объединила светлая мысль: слава богам, что король-пророк Франциск-Илиан наконец-то покинул свою келью! Скоро он вернется в Лаэм и разберется во всем, и примет наилучшее решение. Какое – сложно сказать наперед, но это будет самый мудрый выбор. При помощи двух оставшихся трактирщиков сия идея разлетелась по городу и принесла временный покой.

Но в середине февраля пришло новое жуткое известие: принц Гектор потерпел поражение от шаванов и бежал из

Литленда. Мелоранж осажён и скоро падёт.

В этом было плохо категорически все. Победа шаванов ставила крест на идее союза с ними – а значит, в случае произвола северян каждый будет сам за себя. Литленд воспринимался шиммерийцами как младший брат: поменьше, победнее, послабее, но – тоже Юг. Его несчастье удручило многих, даже тех, кто в жизни не уезжал дальше пяти миль от Мелисона. Но больше всего потрясло людей само поражение Гектора. Мелисонцы не могли представить никого могущественней, чем блистательный принц. Ну, разве что император, да ещё, быть может, Ориджин. Но чтобы какие-то шаваны растоптали величие Юга!.. Боги, что же будет теперь? Как пророк справится со всем этим?

В те дни горожане стали весьма мрачно поглядывать на Низу. Она приповадилаась ходить на ужин к отцу Элизию – иногда вместе с Хармоном, иногда одна. Но теперь вне хармонова поместья стало очень неудобно. Горожане тыкали в нее пальцами, бурчали: «Глядите, одна из этих, всех бы их на цепь посадить». Если рядом был Хармон, кричали ему: «Берегись, славный Хорам, как бы она тебя не зарезала! Лучше увези ее в Лаэм, продай кому-нибудь». Низа испросила у него разрешения носить нож. Хармон ужаснулся и запретил – и нож, и выходы в город. Ждал в ответ дерзости, но Низа сказала с грустью:

– Когда мы улетим отсюда?

– Я бы сам хотел знать, – мрачно буркнул Хармон.

С шаром дело было дрянь. Ежедневно мастер Гортензий просил денег. На новые зелья взамен истраченных впустую, когда шар высушили. На особо тонкую материю. На легкие и прочные канаты для сети. На большую корзину, на сосуды для масла, на особенную печку. На идову кислоту – прошлой не хватило. На пузыри, в которых хранить водород.

Согласно своей привычке, мастер Гортензий вел тщательный учет, из коего явствовало, что Хармон истратил на небесный корабль уже четыреста двадцать три эфеса, две елены и пять глорий. Сия чудовищная сумма превышала накопления Хармона за всю жизнь до продажи Сферы. Даже по нынешним меркам она была весьма ощутима: почти пятая доля целого его состояния. В душе торговца каждый день шла борьба.

Новорожденная часть его души – светлая, летучая – говорила, что деньги неважны, сумма не имеет значения, а важно лишь счастье Хармона и радость Низы, и чувство великого славного дела. Взрослая часть отвечала: ха-ха, вот деньги кончатся – тогда будет радость со счастьем! Каждая вложенная монета должна давать прибыль – это святая святых и основа основ. Если деньги не делают новых денег, то они тают, как снег на солнце. Пока был жив Адриан, эта часть Хармона удовлетворялась расчетом: владыка любит прогресс, владыка купит шар, все расходы вернутся втройне. Теперь Адриан погиб, в столице заправлял герцог Ориджин – консерватор и противник реформ. Какая там продажа! Просто лететь в

Фаунтерру – уже опасно: схватят и осудят за ересь. Только Праматерь Мириам умела летать в небесах, а простые смертные должны знать свое место! Да и не выйдет уже долететь до столицы: путь лежит над Литлендом, а он захвачен шаванами. Сядешь пополнить запасы – очутишься в лапах степных зверей. Что же делать-то?

А мастер Гортензий, как ни в чем ни бывало, просил и просил денег.

– Сколько еще? Виден ли конец? – допытывался Хармон.

– Путь науки лежит через неведомые земли, – отвечал Гортензий.

– Тьма тебя сожри! Спали тебя солнце! В какую монету это встанет? Ты говорил – триста!

– То было сказано до знакомства с магистром, который указал мне плодотворный путь полета с помощью водорода. Славный Хорам, ты же просил не лодку, а небесный галеон. Я делаю, как испрошено.

Новорожденная душа Хармона радовалась: прекрасно – отдать все ради мечты! Велики те, кто так могут. Этому и учит Светлая Сфера!

Но сей юный голос был довольно тих, а взрослый звучал все громче: ты разоришься, дурачина. Вложишь все деньги в пузырь, станешь посмешищем. Очнись! Гортензий – проходимец, только и делает, что сосет твою кровь! Прогони его, продай материю от шара, спаси что можешь!

Остальные тоже регулярно просили денег. И слуги, и ку-

харка, и Рико. Особенно – Рико. При каждой поездке в Лаэм он тратил гораздо больше, чем ожидалось. Рико лгал о растущих ценах, Хармон догадывался: южанин отдает деньги семье и своим кредиторам. Избавиться бы от Рико – но тогда возникнет проблема: кто еще сумеет так ловко и быстро находить в громадном Лаэме все нужные алхимические штуки? Да и к тому же, Рико – вроде бы друг Хармона. Не такой друг, какого хотелось, но лучшего-то нет.

– Дай совет, Онорико, – спросил его Хармон, – что делать с небесным кораблем? Он столько денег жрет, что жуть, и конца-краю не предвидится. А продать его – теперь надежды мало.

– Так брось это гиблое дело! – легко ответил Рико. – Даже горный лев может отказаться от охоты, если лань слишком уж прятка. А я тебе помогу распродать все, что можно. Водород купят по хорошей цене, ведь Онорико знает несколько видных лиц ученого сообщества. Одному алхимику подыскал альтессу, у другого дочь выдал замуж – вот и вписался в научные круги!

– Мне Низу жаль. Для нее этот шар – единственный лучик света. Ничто другое ее не радует.

– Тогда веди дело до конца. Нельзя бросать деньги в пустоту, но тратить на счастье своей женщины – и можно, и нужно. Я б для Ванессы и тысячу не пожалел!

– Низа – не моя женщина. Я просто... ну, помогаю ей.

– Тогда я не вижу фундамента под башней твоих сомне-

ний. Ты ничего не должен Низе. Дал пищу и кров – уже пускай радуется. А про лучик света ты глубочайшим образом неправ. Юные девицы – они такие: тут плавают в пучинах мировой скорби, а тут заметили горячего паренька – и уже танцуют от восторга. Не бывает у них единственного лучика: сегодня один лучик, завтра другой, потом третий. Иное дело – спелые женщины, как моя Ванесса. Если дама родила детей, то прочно встала ногами на землю и уже не мечется от любого ветерка. У нее все серьезно, чувства вес имеют: если радость – то радость, если грусть – то грусть.

Хармону подумалось, что Низу сложно обвинить в переменчивости – ее любовь к полетам ни капли не ослабла за полгода. Но сказал другое:

– Не только в Низе дело. Я и сам уже будто сроднился с кораблем. Привык делать нечто этакое, необычное, чего никто другой не может. Вроде как провожу царапинку на все-ленской спирали. Когда помру, что-то еще останется от меня, кроме денег.

Онорико нахмурился:

– Ты брось такие речи, славный! Ни один мужчина не должен думать о смерти раньше времени. Это значит – пока твой петушок еще может кукурекать, рано тебе на Звезду! А что ты сотворишь и где оно останется – разве это важно? Главное – жить счастливо, чтобы сердце пело, а в карманах звенело!

– Не знаю, брат, – хмыкнул Хармон. – Мне и делать-то нечего, если шар забросить.

– А я тебе подскажу! Отличную идею имею! Мы найдем корабль и пойдем прямо в Литленд. Шаваны одержали победу – значит, у них много трофеев: оружия, одежды, коней, женщин. Выкупим у них по дешевке, привезем сюда, продадим впятеро!

– Наживаться на войне? Торговать людьми?..

– Нет-нет-нет, славный! Наживаться будем не на войне, а на невеждах-лошадниках, которые вещам цены не знают. А торговать – не людьми, но счастьем! Представь ужас бедных дочерей Литленда, взятых в плен этими дикарями! Мы же их спасем, обеспечим достойную жизнь, привезем в солнечный Лаэм, продадим в хорошие семьи. Все будут счастливы: и девушки, и покупатели, и мы.

Так все это было складно, так созвучно голосу взрослой части души, что Хармон решил повременить. Год назад он бы поступил именно так, как советовал Рико. Но Хармон знал, что изменился за год.

* * *

Было восьмое марта – день Предвесны, за восемь дней до Весенней Зари. В Фаунтерре давали премьеру «Каррога и Лиолы», которая обернулась позором молодой императрицы. А в Мелисоне мастер-истопник Гортензий доложил своему нанимателю:

– Водородный шар, как бы это сказать, хм... Он готов.

Хармон не поверил ушам:

– Чего-оо?

– Пора спустить на воду наш галеон и совершить испытание!

На заднем дворе поместья возвели башенку с крюком на длинной балке, вроде виселицы. На крюк этот и вздернули шар. Предварительно Гортензий и трое слуг целый час топтались по шару, чтобы выгнать весь воздух, теперь он свисал длинной тощей тряпкой, будто плащ без человека внутри. На нижней части шара имелась кожаная юбка и круглое горлышко, закрытое лоскутами жесткой кожи. На земле у этого горлышка выстроились в ряд пузыри с водородом, обшитые железными грузами, чтобы не взлетали. У каждого пузыря имелась заостренная трубка вроде клюва. Гортензий со студентом подносили их к шару и вгоняли клювы в горловину. Что-то поворачивали – слышалось шипение, шар начинал трепетать. Хармон не мог отделаться от чувства, будто небесному кораблю ставят клизму. Чтобы весь водород перешел в шар, Гортензий и студент хорошенько выжимали пузырь, потом отбрасывали его и брали следующий.

За действием следили все обитатели поместья и стайка городских мальчишек, оседлавших забор. Мальчишки от любопытства забыли дышать. Лакеи спорили, что случится быстрее: шар лопнет или загорится. «С чего бы ему гореть?» – «А знаешь, как оно с алхимией бывает! Только бах,

и все!» – «Не ври, если не знаешь. Лопнуть – лопнет обязательно, а загорится – это уж нет». Онорико сказал, что водородные пузыри оплодотворяют шар, как женское чрево. Низа тихонько спросила:

– Славный, а куда мы полетим?

– Сегодня – никуда, – ответил Хармон. – Еще многое не готово для большого полета. Поднимем шар на веревке футов на сто, убедимся, что держится в небе, да и опустим.

Девушка приуныла, и Хармон погладил ее по плечу:

– Ничего, дорогая, уже скоро. Пара недель – и полетим!

Тем временем шар ожил. Наполненный всего на четверть, складчатый и дряблый, он уже тянулся в небо.

– Пора снимать с крюка, – заявил Гортензий.

Недолго поспорили о мужской смелости, и Онорико вылезался залезть на башенку. Залез, на четвереньках прополз по балке и снял с крюка петлю на макушке шара. Шар тут же выскользнул из-под балки и повис в воздухе, натянув веревки. Один из мальчишек присвистнул, другой грохнулся с забора.

– Славный, позволь мне сегодня, – сказала Низа. – На сто футов...

– Прицепи корзину, мастер Гортензий! – приказал Хармон.

– Зачем она нужна? Только водорода больше пойдет.

– Испытаем грузеный, пушай поднимет человечка.

Гортензий дал команду слугам, и те приволокли корзину.

Ее привязали к концам сети, накрывавшей шар, и тот сразу просел, но скоро снова воспрял, впитав несколько пузырей водорода.

– Сажай человечка, – велел Гортензий.

Хармон за руку подвел Низу к корзине. Однажды она уже поднималась в небо – когда проверяли ветер на высоте, – но тогда с нею был Гортензий. Теперь девушка села в корзину одна. Видимо, это много значило для нее. Лицо Низы стало светлым, как у младенца, глаза засияли предчувствием чуда.

– Что мне делать?.. – робко спросила Низа.

Гортензий ответил:

– Да ничего, смотри себе и радуйся! Мы тебя поднимем, а потом опустим.

И слуги стали помалу травить веревку.

Под свисты мальчишек шар пополз вверх. Низа притаилась в корзине, крепко сжав поручень.

– Не лопнул, – отметил лакей.

– Дай срок, – возразил второй.

Корзина поднялась уже выше голов. Хармон поймал взгляд Низы – она беззвучно смеялась от счастья.

– Трави еще!

Вращая маховик лебедки, слуги выпускали трос ярд за ярдом. Шар поднялся выше башенки, выше деревьев, выше дома.

– Как себя чувствуешь? – крикнул Хармон.

– Все очень хорошо! – Низа помахала ему и Гортензию,

и мальчишкам.

И вдруг порыв ветра метнул шар в сторону. Трос заскрипел, лебедка вздрогнула.

– Стопори! – крикнул Гортензий.

Слуга – новичок в полетном деле – отпустил маховик и потянулся к стопорному рычагу. Шар дернулся на ветру, маховик вырвался из рук второго слуги и с бешеной скоростью завертелся. Шар понесся прочь от поместья.

– Держи! Лови! Улетит! – завопил в панике мастер Гортензий.

Слуги пялились на лебедку, боясь подступить к ней – с такой скоростью она крутилась. Рико кричал с башенки:

– Остановите ее, ишачьи дети!

Мальчишки визжали. Шар несся по ветру, быстро уменьшаясь в размерах.

Вот в эту минуту Хармон понял, что ни капельки не любит Низу. Взбесившийся небесный корабль нес девушку неизвестно куда, и если бы Хармон любил, то сейчас орал бы от ужаса. Но он не утратил покоя. Хладнокровно огляделся по сторонам, нашел глазами нужный предмет, мысленно сказал Низе: «Пускай не люблю, но и не дам тебя в обиду». Схватил лопату, подбежал к лебедке и огрел по стопорному рычагу. Лебедка грохнула, заскрипела, затрещала – и прекратила вращение.

– Так-то!

Довольный собой, Хармон отбросил лопату. Секунду спу-

стя веревка выбрала всю слабинку, натянулась как струна и порвалась. Шар достался ветру.

Хармон застыл истуканом и глядел, глядел вослед. Небесный корабль уменьшился до размеров яблока, ореха, горошины.

– Чего все стоите, спали вас солнце?! – кричал Рико. – Быстро в погоню! Она же разобьется о скалы! Живей в седло! Дайте мне коня!

Не было тут никакого коня, да и смысла в нем: ветер-то не догонишь.

Пускай не любовь, но что-то все же жило в сердце Хармона. В глазах у него потемнело, голова закружилась, все подернулось пеленой. Он еле мог видеть пятнышко шара на синеве неба. Да и к лучшему, наверное: не стоило ему видеть, как корабль размажется о скалу. Хармон сел и закрыл лицо руками.

– Эй, он вроде падает! – крикнул мальчишка.

– Падает, но как-то медленно...

Мастер Гортензий хлопнул в ладоши:

– Ха-ха! Там есть клапан, чтоб стравить водород. Видать, Низа его нашла. Девушка с головой!

Вечером шар нашли на восточном конце долины и телегой привезли в поместье. Низа была совершенно цела, а даже если бы сломала себе что-нибудь, то, пожалуй, не заме-

тила бы этого. Гордость переполняла девушку, она не могла думать ни о чем, кроме одного:

– Конь, что скачет по небу! Я правила небесным конем!

Хармон попытался извиниться перед нею. Он – идиот. Коли в корзине человек, надо было привязать вторую веревку. И лебедку нельзя резко, надо – потихонечку. Прости, Низа, что тебе такой дурачина достался.

Низа так и не поняла, что стала жертвой несчастного случая. Она решила: Хармон намеренно порвал веревку. Она обняла его, поцеловала в щеку и шепнула:

– Спасибо, славный! Мне так повезло с тобой!

* * *

Через неделю после испытания, незадолго до Весенней Зари, во двор хармонова поместья въехала карета. Дорожная пыль, покрывшая белый с золотом экипаж, не могла скрыть его великолепия. В упряжке шли четверо крепких рысаков, подле возницы на козлах сидел стражник с арбалетом, на запятках – двое слуг в ливреях. Быстро миновав подъездную аллею, карета обогнула высохший фонтан и распахнула двери у парадного входа в дом. Воспользовавшись помощью слуги, из кабины вышла пара господ.

Время было послеполуденное, весеннее солнце уже давало о себе знать. Разморенный сытостью и зноем, Хармон выбрел навстречу гостям как был – в халате и сандалиях, по-

глаживая брюшко. Да так и застыл на крыльце, стремительно краснея от стыда. Гости лоснились роскошью. Каждая пуговка, каждая ниточка дорогих платьев была в идеальной исправности, каждый дюйм ткани отутюжен, каждый волос на голове напомажен и прилизан. Мужчина, ровесник Хармона, держался с такою привычною, вросшей в кожу уверенностью, будто владел всем, на что падал его взгляд. Женщина – достигшая, видимо, сорока лет и неоднократно рожавшая – не блистала красотой, однако была слепяще великолепна: от пяток до макушки ухоженная, пышущая истомой, благоухающая драгоценным парфюмом. Даже такой невежа, как Хармон, сразу понял, что перед ним белокровная леди, дочь белокровной и внучка белокровной.

– До... добро пожаловать, господа. Как... чем я обязан такой чести?

Мужчина улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– Не стоит беспокойства, славный Хорам. Напротив, это я приношу свои извинения за неожиданный визит и прошу не скрывать, если он вам в тягость. Мы удалимся по первому вашему слову. Я – маркиз Мираль-Сенелий, вассал и помощник его милости Второго из Пяти. Со мною леди Алисия, моя белокровная супруга.

Один из слуг щелкнул зонтом, раскрыв его над головою миледи. Хармон спохватился:

– Будьте добры, проходите в дом, укройтесь от солнца! Я распоряджусь, чтобы подали чайку.

– Вы прочли мои мысли, славный! Очень приятно, когда взаимное понимание рождается с первой минуты беседы.

Маркиз вошел в дом, сделав знак слуге, и тот внес шкатулку, покрытую серебряным узором. Маркиз подал ее Хармону:

– Мой скромный дар хозяину гостеприимного дома. Я владею обширными чайными плантациями, в этой шкатулке – две подлинных жемчужины, два лучших сорта чая в королевстве Шиммери. Предлагаю вам опробовать их.

– Что ж... ммм... проходите в трапезную, я скажу, чтобы заварили... и принесли конфет.

– Ни в коем случае, дорогой Хорам! Никогда не портите вкус чая шоколадом и ни за что не доверяйте слугам заваривать чай. Поручайте это лишь тому, кого любите. Моя милая, ты будешь столь добра?..

Леди Алисия ответила поклоном.

Они прошли в зал и расположились за столом. Все вокруг заставляло Хармона краснеть. Он стыдился самого себя – полного, потного, не знающего манер, в дурацком халате. Халат можно было сменить, но этично ли бросить гостей одних? Стыдился своего поместья – несуразно большого, пыльного, затхлого. Стеснялся стола, за который усадил гостей, – он был столь громаден, что поместилась бы свадьба. Стоило принять маркиза в уютной чайной комнате, но там в каком-то углу завелась плесень, и все пропахло ею. Стыдился, наконец, и своего одиночества – в Шиммери успешный

мужчина всегда при женщине...

– Позови мою дорогую, – шепнул он своему слуге.

– Кого?..

– Низу.

– Ага.

Время, пока ждали кипятка, тянулось ужасно долго. Маркиз Мираль непринужденно говорил о погоде. Хармон прежде не знал, какое множество слов можно посвятить солнцу в небе. Оно, солнце, не мерцает на закате, значит, год будет сухим. Но не таким сухим, как последний год владыки Телуриана – вот тот был поистине чудовищен: если и случался дождь, то капли высыхали, не долетая до земли. А нынешний будет сух, но благодатен: на это указывают и ласточки, и снежные шапки на вершинах, и запах ветра. Погода будет идеальной для винограда, славный Монат-Эрлин еще пожалеет, что продал свои земли. Между прочим, – маркиз с легкостью жонглировал темами, – я хорошо знаю барона Монат-Эрлина. Это человек великих достоинств, и если меня попросят поставить кого-либо в пример для юношей, то первым я, конечно, назову его величество Франциск-Илиана, вторым – его милость Второго из Пяти, а уж третьим – наверняка барона. Он отлично знает цену всем вещам, от смерти до вина. А в этом и выражается подлинный жизненный опыт – дать всему верную оценку. Не правда ли, славный Хорам?..

Наконец принесли кипяток и чайные принадлежности, а

за слугою пришла Низа.

– Позвольте представить вам мою... – Хармон снова покраснел, – мою... спутницу.

– Я Низа, – сказала девушка.

– Рад знакомству, – поклонился маркиз, не выказав ни тени осуждения.

Однако Хармон проклял себя: вот дурачина! Шаваны только что побили их принца – а я сажаю шаванку к ним за стол. Вся эта встреча – сплошной стыд. Скорей бы покончить с нею. Подумал – и удивился: эго ты изменился, брат Хармон! Маркиз-толстосум сам приехал к тебе, а ты думаешь не о том, как поиметь с него выгоду, а о том, как спровадить. Не узнаю тебя, Хармон Паула!

Тем временем маркиза Алисия принялась орудовать чайным инструментарием. Белые руки ее так и мелькали над столом: сюда плеснут кипятку, туда подсыплют чаю, здесь наполнят до половины, опустят, поднимут, смешают, выльют... Боги! Всю жизнь Хармон думал, что заварить чай – это насыпать его в чайник и залить кипятком. А тут развернулся ритуал, подобный алхимической реакции. И маркиз Мираль, конечно, не уставал говорить: как правильно пить чай, в какое время суток, сколько чашек, какой крепости, на какие органы он влияет и что за силу придает, как давно вошел он в обиход шиммерийцев, и какие знатные вельможи первыми открыли чудесные свойства... Наконец, ритуал завершился, и Хармону с Низой было позволено снять пробу.

– Очень вкусно, – сказала девушка.

Чай как чай, подумал Хармон и сказал:

– Я боюсь, как бы боги не позавидовали нам и не прокляли от зависти!

Маркиз усмехнулся:

– Вы смотрите прямо в суть. Мой сеньор перед каждым чаепитием выливает одну чашку прямо в Бездонный Провал в качестве подношения богам.

Все четверо хлебнули как по команде, и маркиз с маркизой дружно выдохнули: «Аххх!», а Хармон: «Весьма!..» И только тогда – да-да, только тогда – он задался вопросом: что, собственно, эти двое забыли в Мелисоне?

– Ваша милость, простите мое любопытство: что привело в наш тихий край столь знатную особу, как вы?

Мираль-Сенелий досадливо всплеснул руками:

– Простите, простите, славный, мою случайную бестактность! Я ведь так и не сообщил, что прибыл к вам в качестве голоса моего сеньора.

Тьма сожри, кто там его сеньор?.. – беззвучно возопил Хармон. Маркиз будто прочел мысль.

– К великому счастью боги сделали меня вассалом графа Куиндара, аббата обители Максимиана-у-Бездны, Второго из Пяти. Наравне с королем-пророком Франциск-Илианом, мой сеньор – один из могучих корней разума, на кои опирается древо шиммерийской политики. Когда в государственных делах принц Гектор говорит голосом смелой моло-

дости, мой сеньор отвечает словами зрелой мудрости.

– Для меня великая честь – принимать помощника столь знатного человека.

– А для меня честь – говорить от его имени.

Маркиз тихонько кашлянул и сделал крохотную паузу, утирая губы салфеткой.

– Славный Хорам, плох тот садовник, который, лелея и пестуя свои клумбы, не бросит взгляда на соседские. Белокаменный Лаэм является вотчиной принца Гектора, Первого из Пяти, а виннотерпкий Мелисон с недавних пор присовокупился к владениям графа Огюст-Римара, Третьего из Пяти. Мой господин, Второй из Пяти, поглядывает на то, что происходит в цветниках соседей, и потому знает, что полгода назад в Лаэме был создан некий небесный корабль, а затем куплен и перевезен в Мелисон для развития и улучшения.

Не было смысла отрицать, и Хармон кивнул:

– Все верно, ваша милость, небесный корабль куплен мною.

– И вы, как мастер славного ремесла, конечно, видите свою прибыль в том, чтобы улучшить корабль и продать за повышенную цену.

– Что ж, я имел подобные мысли...

– Мой господин желает помочь вашему плану воплотиться. Он предлагает вам тысячу эфесов.

Хармон изрядно напрягся, чтобы не дать челюсти отвиснуть. Что?! Вот так просто?! Не нужно лететь, рисковать,

мудрить. Просто взять – и не сходя с места заработать тысячу золотых! Боги, бывает ли такая удача?

О, нет, Хармон-торговец был не из тех, кто верит в счастливую судьбу, потому заподозрил подвох.

– Осведомлен ли ваш славный сеньор о дурных слухах, связанных с кораблем? Горожан Лаэма весьма пугала сплетня, будто бы полет в небесах отнимает мужскую силу.

Маркиз небрежно хохотнул:

– Сплетни обычно тем более живучи, чем большая глупость ими сообщается. Люди моего господина навестили супругу мастера Гортензия и убедились, что осенью она с мужем зачала ребенка.

– А знает ли ваш господин, что небесный корабль, в отличие от морского, полностью подвластен воле ветра?

– Мой сеньор – покровитель всевозможных наук, среди которых священная физика, любимица Агаты и Янмэй, занимает исключительное место. Он знает о ветре все, что только можно о нем знать.

Нечто внутри Хармона вопило: хватит отпугивать сделку! Подмажь, похвали, ударь по рукам!

Но чем сговорчивей был маркиз, тем сильнее становилось предчувствие подвоха. Страх не давал Хармону умолкнуть.

– А что думает ваш господин о запасе хода небесного корабля? Известно, что за двадцать миль воздух в шаре остынет, и корабль опустится на землю.

– Именно это обстоятельство и удержало нас от покупки

корабля еще летом, когда он только был создан. Но недавно нам случилось побеседовать с неким магистром Лаэмского университета. Мы узнали, что новый корабль будет держаться на лету за счет силы водорода и сможет покрыть хоть двести миль, лишь бы имелся попутный ветер.

Осведомленность маркиза радовала Хармона не больше, чем сговорчивость. Тьма сожри, впервые в жизни Хармон видел человека, готового так легко расстаться с тысячей эфесов!

– Я вижу, прозорливость вашего господина поистине не знает границ. Думаю, ему известно, что работы с новым шаром еще не...

– Известно, – неожиданно кратко срезал маркиз. Повисла неловкая пауза.

Хармон вздохнул:

– Что ж, я готов уступить вашей милости небесный корабль, когда тот будет готов.

Он шкурой почувствовал, как напряглась Низа, и поспешно добавил:

– Вот только расходы, связанные с шаром, больно велики. Водород крайне сложен в производстве и хранении. При всем уважении к вашему господину, моя спутница никогда не простит мне, если я продам шар с нулевой прибылью. Я вынужден просить две тысячи эфесов, никак не меньше, да и то лишь...

Маркиз оборвал его:

– Цена в две тысячи не смущает моего сеньора. Мы согласны.

Низа ахнула. Хармон шепнул:

– Не печалься, построим себе новый. Теперь-то опыт есть, дело пойдет быстро.

Маркиз Мираль-Сенелий обладал, видимо, весьма острым слухом. Он встрепенулся, нахмурил брови, а затем расплылся в смущенной улыбке.

– Если меж двумя собеседниками зародилось непонимание, то ответственность лежит на обоих, но в большей степени – на говорящем, ибо он неумело использовал словесный инструмент. Приношу глубочайшие извинения, славный. Позвольте мне выразиться точнее. Мой сеньор желает купить не только корабль, но и саму возможность производства подобных кораблей. Он желает быть единственным небесным судостроителем в Империи Полари. Вместе с шаром вы передадите также все записки, чертежи и планы, помогающие в строительстве. Затем и вы, и мастер Гортензий дадите клятву никогда не строить новых небесных кораблей, кроме как по заказу моего господина.

Низа сжала руку Хармона. Тот откашлялся:

– Гхм... ваша милость, я решительно не понимаю, какой будет вред Второму из Пяти, если я построю новый корабль на радость моей спутнице. Я, конечно, согласен продать и чертежи, и записки, но один-то шар хочу оставить себе. Могу поклясться, что никто не станет летать на нем, кроме меня,

Гортензия и Низы.

– Славный Хорам, Второй из Пяти потому и слывет мудрецом, что не всякому смертному дано проследовать путями его мысли. Вы не понимаете вреда, и я не понимаю, однако же воля моего сеньора выражена ясными словами: единственный и исключительный. Если вы сделаете второй шар для себя, то мой господин не будет ни единственным, ни исключительным судовладельцем. Это ему не подходит.

Горячие девичьи впивались в ладонь Хармона. Две тысячи эфесов, – думал он. Но небесный корабль. И Низа. Но две тысячи.

– Дайте мне время осмыслить, ваша милость, – выдавил Хармон.

– О, конечно! Решение в спешке – верный признак легкомыслия. Но прошу вас при раздумьях учесть: если отклоните предложение, мой господин расстроится.

Внезапно остатки чая высохли во рту Хармона.

– Ваша милость... изволит мне угрожать?

– Боюсь, славный, в данном случае ответственность за непонимание лежит на вас, ибо вы ошибочно восприняли смысл слов. Угроза – это перечисление неприятных событий, что могут случиться с вами в будущем: к примеру, разорение, потеря имущества и телесного здоровья, унижение, боль, утрата близких. Я не упоминал ничего подобного, а лишь просил учесть чувства моего сеньора. А также тот факт, что он – второй по могуществу человек на Юге.

Хармон не знал, что ответить. Ни словечка не шло на язык. Хармона терзала жажда, и он все сосал край опустевшей уже чашки.

Маркиз Мираль-Сенелий благодушно усмехнулся:

– Простите, славный, что мы отняли столько времени. Позвольте откланяться. Через несколько дней я пришлю человека за ответом.

Свидетель – 1

*Конец марта – начало апреля 1775 г. от Сошествия
Остров Фарадея-Райли*

Кончался март 1775 года от Сошествия. Империя Пола-ри отметила праздник надежды – Весеннюю Зарю. В городах и селах люди желали друг другу успешных начинаний, делились планами и мечтами, старались положить начало чему-нибудь важному: закладывали фундаменты домов, шли наниматься на службу, писали первые строки важных посланий, заказывали платья у портных, мечи – у кузнецов. Вручали близким маленькие трогательные подарки и говорили: «Пусть все сбудется, что мечтается!»

Лечебница Фарадея и Райли праздновала не хуже всех. Пациентов на день освободили от процедур и вывели на долгие прогулки. В торжественной речи магистр Маллин сказал: – Сегодня мы начинаем новый этап важнейшего для всех

нас дела: совершаем первый шаг новой мили на дороге исцеления! Сей путь не легок, но с помощью взаимной заботы, поддерживая друг друга лучами любви, мы вместе пройдем его. Пусть сбудется все, что мечтается. Пусть свершится исцеление!

Пациенты хором повторили пожелание, и еще много раз за день говорили его друг другу при каждой встрече.

Этой ночью Дороти Слай из Маренго впервые не увидела кошмаров. Из ее живота не росли руки и губы, она не тонула в море щупалец, не растворялась в щелочи, не убегала от чудовищ, катящихся по рельсам. Она легла и закрыла глаза, холодея от предчувствия... и проснулась на рассвете – свежая, бодрая, счастливая. Ни один демон не посетил ее. Разум был легок, свободен от метаний, ненужных мыслей, мучительных осколков памяти. Терапия, наконец, возымела действие: Дороти была чиста, как белый лист.

– Сбудется все, что мечтается! – пожелала она своим соседкам.

Утром после Весенней Зари Дороти Слай начала новую жизнь. Все, происходящее в лечебнице, больше не встречало в ней никакого сопротивления. Дороти открылась всему и все приняла как данность. Так младенец познает мир, чтобы приспособить себя к нему.

Дороти ночевала в палате с двумя соседками: молчаливой Кейтлин-Карен и болтушкой Аннет. Кейтлин-Карен бы-

ла страшна. Не уродлива, нет – как раз останки красоты еще присутствовали в ней. Пугало сходство живой пока Карен с будущим ее трупом. Она никогда не совершала лишних движений и не раскрывала рта без крайней необходимости, а в постель ложилась полностью одетой, как в гроб.

Вторая соседка, Аннет, говорила так:

– Рассказываю! Смотри: я – Аннет. Другого имени у меня нету, говори просто – Аннет, и я пойму. Вон там на койке лежит Карен, а другое имя – Кейтлин. Между нами Карен, а для этих – Кейтлин. Понимаешь?.. Ой, вижу, ты не запомнила, но я потом напомним, ты не волнуйся.

И верно: Аннет повторяла примерно то же самое каждым утром, стоило Дороти открыть глаза и посмотреть на нее.

Кроме того, Аннет давала много полезных советов, их Дороти принимала с благодарностью:

– Смотри: кормят утром и вечером. Ведут в трапезную, там есть мужчины и много еды. Мужчин нельзя трогать, чужую еду нельзя брать. За это будет про-це-дура. Ты запомнила? Смотри дальше. После завтрака идет прогулка. Бегать нельзя, ничего странного делать нельзя. Если встретишь мужчину – не трогай. Ничего с земли не подбирай, за это будет про-це-дура. Запомнила? Если нет, то не стесняйся, спроси, я все повторю. Смотри еще: после прогулки идет работа. Тебя спросят, что умеешь, и ты скажи честно. Тебе дадут работать – ты работай. Портить ничего нельзя. Сделать надо побольше, а лекарям – кланяться, а если что спросят

– сразу отвечать. Ты запомнила? Смотри еще. Перед завтраком и после ужина – про-це-дуры. Их дают всегда. Если ты плохая – их много, если хорошая – мало. Если сделаешь приятно лекарю – очень мало. Но сама не предлагай, а то будет про-це-дура. Они предложат – тогда делай, а сама – нет. И последнее: молиться здесь надо по-особому. Они спрашивают, а ты отвечаешь. Они: «Где мы?» – ты: «В обители любви и заботы». Они: «Зачем мы здесь?» – а ты: «Чтобы лечиться». Они: «Куда мы идем?» – ты в ответ: «К исцелению!» Ты запомнила? Если нет, я повторю еще, ты не стесняйся...

В полном согласии со словами Аннет, каждый день начинался с процедур, ими же и кончался. Утренние процедуры зависели от того, какой метод терапии избрал лекарь. Для Дороти был предписан путь гармонии, утром ей полагались успокоительные занятия, которые уберут остатки кошмаров. В один день она перематывала клубки шерсти, в другой спросонья принимала паровую ванну, в третий – расчесывала других пациенток, в четвертый – хором с ними твердила девиз лечебницы: «Нас терзает душевный недуг. Мы идем к выздоровлению. Мы в обители заботы, где нас любят и принимают». Сотню раз подряд, до полного растворения в словах.

Вечерние процедуры, в противовес утренним, зависели от тяжести симптомов, что проявились у пациента за день. Самые легкие и процедурами-то не назовешь: например, восемь раз перечислить все свои хорошие поступки за день и

громко похлопать в ладоши, когда перечисляет другой. «Сегодня я переписала восемь страниц, дважды поела с аппетитом, приняла все процедуры и хорошо слушалась лекарей» – хлоп, хлоп, хлоп, «Дороти, ты молодец, мы гордимся тобой! Ты идешь прямым к исцелению!»

Более неприятные процедуры назывались «задуматься». Пациента лишали какого-нибудь права – скажем, запить ужин водой (каша тогда подавалась соленой). Запрещали лечь спать вместе со всеми (до середины ночи пациент стоял навтыжку в ярко освещенной комнате). Ставили на колени в деревянной приспособе, не дающей подняться. В течение нескольких часов пациенту полагалось думать о том, как он сегодня потакал недугу и мешал исцелению. Чтобы думал именно об этом и не сбился с мысли, раз в полчаса медбрат тормошил пациента:

– Сделай шаг к осознанию. Перечисли свои симптомы за сегодня.

– Я... э... плохо трудилась, позволила недугу отвлечь себя от работы. Еще я... из-за неосознанности воспротивилась утренней процедуре. Я забыла, что в обители заботы все делается для моего блага...

С той же целью – чтобы задумался – могли назначить лишней сеанс труда: скажем, вынести и помыть все ведра с нечистотами, перестирать исподнее лежачих больных.

Но все это было приятными мелочами в сравнении с третьей группой процедур, которые звались «удар по недугу».

Когда хворь обострялась, лекари решительными мерами заставляли ее отступить. Били по недугу, например, так. Подвешивали пациента головой вниз над пропастью – это звалось «удар страхом». Часами раскручивали на маленькой карусели и раскачивали, как маятник, – «дезориентация хвори». Сжимали череп стальным обручем – «окружающее давление». Фиксировали веки и светили прямо в зрачок мигающим фонарем – «удар светом по тьме недуга». В этих случаях пациенту не предлагали задуматься – да он бы и не смог, ибо частенько терял сознание от боли и ужаса. Хворь отступала перед атакующей мощью терапии, и пациент больше не проявлял симптомов.

Что же называлось симптомами? Прежде всего, нарушения дисциплины. Отказался есть или попробовал сцапать чужую порцию. Тронул человека другого пола. Дерзко ответил на вопрос лекаря, проявил строптивость, воспротивился процедуре. Сказал «нет» по какому-либо поводу. Плохое слово «нет» – камень на пути к исцелению. Нужно открыться терапии и всегда говорить «да».

Тяжелым симптомом считалась «странность»: бедняга сделал нечто такое, чего не ожидалось. Речь шла даже о невинных, но непривычных вещах: зачем-то прочел наизусть балладу о Терезе (наверняка это хитрости хвори), вторично за день захотел помыть руки (паническая боязнь грязи – явный симптом), отказался есть (падение аппетита – знак нездоровой апатии), не вовремя встал из-за стола (нервиче-

ская тревожность), не хотел возвращаться с прогулки (боязнь закрытого пространства). Никто, даже старожилы, вроде Карен, не могли сказать, за каким симптомом последует какая процедура. Однако справедливость всегда торжествовала: днем поступил странно – вечером получи процедуру. Однозначность и неизбежность этой связи успокаивала Дороти, виделась частью мудрого мирового порядка.

Но вот что было любопытно и непостижимо: каждому пациенту прощался некий один симптом. Дороти Слай очень плохо помнила свое прошлое, не могла назвать имен родителей и мужа, описать свой дом и улицу – и за это ей не давали процедур; но за все другое следовало наказание. Леди Карен спала в одежде и ела не больше котенка – ей сходило с рук; но попробовал бы кто другой отказаться от ужина. Аннет представлялась при каждой встрече, как при первой, и давала многословные советы – то была ее законная простительная странность, будто родовая привилегия при дворе. Парень через два стола от Дороти любил размахивать руками, как шаван хлыстом, – его тоже не наказывали, только на трапезе связывали рукава за спиною и кормили с ложки...

Но главным полем, из которого вырастали как наказания, так и редкие поощрения (например, право быть аккуратно расчесанной), являлась дневная работа. Труд – мощнейший инструмент терапии, потому на него и нацеливалось основное внимание. После завтрака и недолгой утренней прогулки пациентов делили на группы и отводили туда, где до кон-

да светового дня они предавались исцелению трудом. Одни шили либо вышивали – работа с материей развивает ум и приучает мыслить созидательно. Другие вязали – гармоничные движения спиц умиротворяют душу. Третьи полировали посуду и наносили узоры – орнаменты структурируют мышление. Четвертые (грамотные) переписывали книги – тексты приносят осознание. Ежедневная трудотерапия методично теснила недуг по всему фронту, как сомкнутый строй копейщиков бьет дикарей. Попутно производились товары, которые раз в месяц увозил на продажу парусник. Прибыль, разумеется, тратилась на благо лечебницы – дружной семьи лекарей и пациентов. Дороти прескверно помнила свою жизнь в Маренго, но была абсолютно уверена: нигде еще она не встречала столь мудрого и справедливого уклада.

Одно плохо: труд переписчика нелегко давался Дороти. К своему собственному удивлению, она умела писать. Когда кошмары отпустили ее и пришло время для трудотерапии, магистр Маллин спросил:

– Что ты умеешь?

Она не помнила своих умений и с грустью признала:

– Боюсь, что ничего... Но я сильна, могу помогать медбратьям, если нужно что-нибудь носить, поднимать...

Магистр дал ей карандаш и лист бумаги:

– Напиши это.

Сама не поняв, как так получилось, она вывела: «Боюсь, что...» И тогда воскликнула:

– Ой! Я грамотна!

То было высшее, самое дорогое умение. Дороти отправилась в писчий цех, счастливая от того, что сможет внести столь ценный вклад в благополучие лечебницы. Но в первый же день работы обнаружили препятствия.

Ее очищенный от демонов разум был медлителен и беден мыслями. Она легко и с удовольствием могла четверть часа просидеть на месте, глядя в одну точку. А вот когда приходилось думать, Дороти терялась и путалась. Поди вспомни, в какую сторону смотрит хвостик q , есть ли черта в середине z ?.. Дороти не умела концентрироваться, то и дело чем-нибудь отвлекалась. Она работала одна в комнате с окошком, выходящим на скучный пологий склон, но даже там находились помехи: то сядет чайка, то проедет телега. В переписываемой книге встречались сцены поединков, описания танцев, просто слово «чресла» или «перси» – все это вышибало Дороти из колеи и порождало сонмы туманных фантазий. Перед нею ставили песочные часы, чтобы напомнить о времени, – но само течение песка тоже отвлекало: Дороти прилипала взглядом к струйке и не могла вернуться к тексту. В довершение бед, она встречала кучу малознакомых слов – скажем, «сюзерен» или «альтесса». Смутное понимание имелось, но точный смысл ускользал, а без него сложно было запомнить фразу целиком, приходилось прыгать глазами от исходника к чистовику и назад. От этого возникали помарки, а их прощало не больше одной на страницу. Ляпнул

вторую – изволь переписать целый лист...

Поначалу рукописной терапии Дороти создавала две-три страницы за день и неизменно получала процедуру. Однако она очень старалась и никогда не говорила «нет», всем своим естеством принимая порядки лечебницы. Потому она избегала «ударов по недугу», в худшем случае получала процедуры на «задуматься»: выносила дерьмо, подмывала лежачих пациентов, рапортовала медбратьям:

– Недуг наполнил меня ленью и праздностью... Мое внимание рассеяно из-за симптомов... Но я встану на путь исцеления и овладею концентрацией...

Конечно, столь сложные фразы она не выдумала бы сама, но запоминала и повторяла их за магистром Маллином, который приходил взглянуть на ее успехи.

Потом она слегка набила руку. Пальцы, наконец, вернули прежнюю подвижность, а в уме закрепился весь нехитрый лексикон исходной книги. (То был роман «Роза и смерть», весьма любимый столичными барышнями, причем любимый именно в рукописном, а не печатном виде: дрожание шрифта усиливало страсти.)

Однажды Дороти встретила в книге большое описание природы, по хитрой задумке автора сплетенное со внутренним миром героини. Дескать, за окном бушевала майская гроза (полстраницы текста о грозе), а в душе героини тем временем бушевали чувства (страничка о бурля-

щих чувствах). Раз проведя аналогию, автор так увлекся ею, что продолжал еще семь страниц в том же духе. Меж облаков отчаяния проглянул солнечный луч надежды; благотворный дождь романтических мечтаний пролился на рыхлый грунт суетливых будней; под солнцем влюбленности проросли нежные цветочки девичьих фантазий, но порыв штормового ветра тревог и сомнений унес лепестки... Все это было разжевано в мельчайших деталях и ужасающе скучно. Ничто здесь не увлекло Дороти, не вызвало ни чувств, ни эмоций, так что она с механической тупостью шарманки переписала все восемь страниц, не допустив ни одной огрехи. Мастер Густав, надзиравший за переписчиками, впервые остался почти доволен ею и назначил на вечер легкую процедуру: осознание успехов. После ужина полдюжины счастливых сели в кружок, восьмикратно повторили молитву лечебницы («Мы находимся в обители любви и заботы, мы идем по пути исцеления...»), а затем стали перечислять свои успехи за день:

– Я успешно и с радостью прошел все утренние процедуры. Ел с аппетитом и гулял спокойно, не глазел по сторонам, а осознавал себя. Я сделал все, что полагалось за день, и был все время спокойным и радостным, темные мысли ни разу не овладели мною.

Лекарь Финджер хвалил докладчика, а пациенты повторяли хором:

– Ты молодец, твердо встал на путь исцеления! Мы очень

тобою гордимся!

Здесь Дороти услышала и запомнила мудрые слова. Тощий паренек, что наносил орнамент на посуду, сказал так:

– Я сегодня расписал четыре тарелки, и сожалею, что не больше. Но вчера я сделал только три тарелки. Радуюсь, что сегодняшний я лучше вчерашнего меня. Чувствую, как моя хворь ослабела за день.

По знаку лекаря Финджера все аплодировали этому парню. Дороти хлопала громче других и чувствовала сильнейшее вдохновение: она очень хотела стать завтра лучше себя сегодняшней! На другой день Дороти жестоко провалила норму – ливень хлестал в окно, это очень будоражило и совсем не давало работать. Она переписала всего четыре страницы, простояла ночь на коленях, но со следующего дня стала прибавлять ежедневно по полстранички. Пять, пять с половиной, шесть – этого все еще было очень мало. Но каждый вечер, отчитываясь перед мастером Густавом, она с гордостью повторяла:

– Я сегодняшняя лучше меня вчерашней на треть страницы. Чувствую, как слабеет моя хворь!

С каждым днем ей назначали все более легкие процедуры, чтобы поощрить настрой на исцеление. Перевалив за десять страниц, Дороти получила первую заметную награду: право работать в общем зале, рядом с другими переписчиками.

Не считая самой Дороти, их было десять. Если бы она не была младенчески бесхитростной, то поняла бы, сколь исключительное положение занимала эта десятка. Во-первых, писчий зал всегда хорошо освещался и отапливался. Во-вторых, каждому переписчику полагались: удобный стул, нарукавники, личное пресс-папье и набор для чистки перьев, подставка для книг с фиксатором страниц, тазик для мытья рук и чистое полотенце, даже кувшин с питьевой водой. В-третьих, пациенты обоих полов трудились в одном помещении, имея возможность перемолвиться друг с другом. Мастер Густав то работал на своем месте (врисовывал красные буквы в книги), то прохаживался между столами, заглядывая в страницы, – но, пока длился рабочий день, ни на кого не повышал голоса и никого не наказывал. Мудро и справедливо: резко одернешь переписчика – он сделает ошибку и должен будет переделать страницу, а лишняя трата бумаги и времени вредит всей дружной семье. Ради общего блага соблюдались и комфортные условия труда: ведь на десятом часу работы переписчик должен все еще хранить ясность ума и твердость пальцев, чтобы приносить пользу обителю любви и заботы. Впрочем, Дороти не понимала всех приятных особенностей здешней обстановки. Просто, сев за свой стол, она почувствовала: здесь хорошо, хочу остаться.

– Я осознаю свою хворь и иду путем исцеления. Я сегодняшняя стану лучше меня вчерашней, – на всякий случай сказала Дороти.

– Ага, – выронил Густав. – Начинай с восьмой главы.

Она закрипела пером, от старательности прикусив кончик языка. Книга так удобно лежала на пюпитре, глаза так естественно упирались в подставленную взгляду страницу, рука так легко скользила по обитой войлоком столешнице, что почти не возникало соблазна отвлечься. Пару часов Дороти работала без передышки и лишь затем подняла голову оглядеть местную публику.

Переписчики сидели по одному за столом, а столы располагались в три ряда. Пятеро женщин, включая саму Дороти, сгруппировались в левом ряду, шестеро мужчин свободно расположились в двух остальных. Одну из женщин Дороти знала: то была ее соседка по палате, леди Карен. Среди мужчин не знала никого. Конечно, встречала их за завтраком и ужином, но и только.

Просветы меж столами были невелики, так что можно было шепотом перемолвиться с соседом. Впрочем, мало кто отвлекался на болтовню – изредка обменивались парой фраз да иногда проговаривали вслух сложные словечки из книги. Нечастые эти обрывки речи почти не слышались сквозь густой шершавый скрип дюжины перьев. Дороти тоже не стала раскрывать рта. Раз все помалкивают – значит, так нужно для пути исцеления. Вот только мужчина через проход вы-

делялся яркими рыжими усами. Дороти невольно задержала на нем взгляд и хотела заговорить, но он заметил ее внимание, напрягся и прошипел:

– Меня звать Лоренс, и хватит на этом, ладно?

Она отвернулась и подумала: зато напишу много – получу награду. Правда, Дороти не представляла толком, о какой награде мечтает – ведь слухи среди пациентов ярко освещали лишь всевозможные процедуры и почти не касались редких поощрений. Ну и неважно: любая награда – это хорошо! Она сосредоточилась на работе.

В обеденное время обнаружилась еще одна привилегия переписчиков: им дали перерыв на полчаса и – подумать! – принесли луковые лепешки и яйца. Дороти настолько отвыкла от еды среди дня, что не сразу и поняла, как поступить со снедью. Остальные, напротив, накинулись на кушанье – привыкли, значит, к роскоши. Одна лишь Карен осталась верна своей апатии: брезгливо отодвинула лепешку, срезала верхушку яйца и медленно выела середку. Вот и Дороти взялась за еду, как вдруг заметила на себе пристальный мужской взгляд.

– Как тебя зовут? – спросил миловидный паренек.

– А тебя?

– Меня – Нави, но это неважно, я-то на месте. Тебя зовут как?

– Дороти Слай.

– Дороти! – повторил парень. – Первая буква – четыре,

последняя – двадцать семь. Два по пятнадцать, и восемнадцать, и двадцать, и восемь, полная сумма – сто семь, значит, восемь... Ты не там сидишь!

Она не поняла. Парень схватился с места и принялся шагами мерить комнату. Отшагал пять вдоль прохода и очутился у стола Дороти.

– Видишь – пять! А должно быть – восемь! Это по долготе, теперь берем широту.

Также размерив комнату шагами поперек и повторив для верности, он установил:

– По широте хорошо, сойдет. По долготе – нужен не этот стол, а тот, возле меня. Вставай, пересаживайся!

Дороти попросила оставить ее в покое, но парень не отцепился, а начал твердить, как заведенный:

– Ты не можешь тут сидеть! Числа говорят – твое место там, а не здесь. Не будет гармонии, пока не пересядешь!

Слово «гармония» встревожило Дороти, лишиться гармонии она боялась. В поисках поддержки оглядела остальных. И мастер, и пациенты наблюдали без желания вмешиваться; на нескольких лицах появились усмешки.

– Мастер Густав, – попросила Дороти, – скажите этому парню, чтобы он успокоился. Я не хочу пересаживаться!

– Ничем не могу помочь, – оскалился мастер. – Это Нави, он и мертвого достанет. Пока не сядешь, где он хочет, работы не будет.

Дороти осмотрела предложенный стол и нашла, что он

ничем не хуже, даже вроде бы чище. Правда, она не хотела уступать безумцу – свихнутых здесь полно, не хватало еще под каждого подстраиваться. Придется тогда голодать, как Карен, махать руками, как тот мужик из трапезной, и пускать слюни под шарманку, как Пэмми. Но с другой стороны, «нет» – плохое слово, оно закрывает путь терапии, за «нет» могут дать процедуру...

– Ладно, так уж и быть.

Дороти пересела на новое место и оказалась по левую руку от Нави. Перерыв кончился, пациенты взялись за работу. Не прошло и полстраницы, как стало ясно, в чем подвох.

– Скажи число! – прошептал Нави, клонясь к Дороти.

Она не поняла.

– Ну ты же знаешь числа! Скажи мне. Хочу знать.

– Двадцать, – буркнула Дороти, чтобы он отвязался.

– Двадцать? – он будто не расслышал.

– Ну, двадцать.

– Нет, двадцать – неправильное число, пустое какое-то.

Дай мне другое.

– Отвяжись! Ты нарушаешь гармонию! Я не стану лучше себя вчерашней!

Дороти с надеждой глянула на мастера Густава. Тот, однако, был целиком поглощен своей работой.

– Скажи число и пиши дальше, – предложил Нави. – Пожалуйста!

Его юношеское личико было трогательно наивным. Будто

он не понимал, как сильно мешает ей работать!

Тут Дороти заметила удивительную штуку: во время их диалога Нави продолжал писать. Он почти не смотрел ни в исходник, ни на перо, однако оно резво скользило по бумаге, в нужные моменты окунаясь в чернильницу. То есть, негодяй мешал Дороти выполнять ее норму – а сам не страдал!

– Шестнадцать Праматерей, – сказала Дороти. – Тринадцать Великих Домов. Тысяча семьсот семьдесят пятый год. Хватит тебе чисел?

Нави хмыкнул и дал ей покой. Но не прошло и получаса, как он зашептал снова:

– Скажи еще.

– Уже сказала, довольно с тебя.

– Сказала неважные числа. Их все знают. Назови что-то свое!

– Отцепись!

– Ну пожалуйста... Ну что тебе стоит?..

Его тон стал капризным и обезоруживающим, как у ребенка. Лишь теперь Дороти внимательно пригляделась к этому Нави – и увидела, как он молод. Значительно младше всех остальных писарей – лет семнадцать-восемнадцать, не больше. Кожа гладенькая, без щетины, без пятен. Темные волосы крутятся вихрями, глазенки блестят в нетерпении – будто у мальчишки, что ждет первого танца или поцелуя. Какой же юный, – подумала Дороти и впервые здесь, в лечебнице, ощутила жалость к кому-то, кроме себя самой.

– Какое тебе число? Мне тридцать семь лет, если уж так хочешь знать.

– Спасибо, – улыбка Нави была трогательно открытой. – А можешь еще?

– Семьдесят восемь.

Дороти не помнила, что значит это число. Оно просто хранилось мозгу в где-то рядом с тридцатью семью, но что означало – поди пойми. Однако Нави и не требовал пояснений: услышав число, он улыбнулся и надолго умолк. Дороти выкинула его из головы с его дурацкими вопросами, сконцентрировалась на «Розе и смерти» и только-только начала писать, как тут...

– Скажи еще число. Ну, пожалуйста! Будь так добра!..

При этом он шуршал и шуршал пером – без запинки, без помарки. Вот негодяй!

– Зачем тебе эти числа? Успокойся, обрети гармонию, пиши молча!

– Я не могу. Прости меня, никак не могу. Число нужно. Ты же знаешь. Скажи мне число, ну пожалуйста!

Она испортила лист, начала новый, спустя абзац испортила опять. Взяла третий – но перепутала, начала не с первой строки, а с того слова, где сбилась в прошлый раз. Нави брякнул под руку:

– Ну, почему ты молчишь? Скажи хоть одно число, ну что тебе, жалко?

Нежданно для нее самой, в глазах Дороти выступили сле-

зы.

– За что же ты меня терзаешь! Дай уже покоя, душегуб!..

Нави смутился, спрятал лицо:

– Извини меня.

Но недолго выдержал без чисел. Не прошло и получаса, как он тихонечко пискнул:

– Пожалуйста...

Перо дернулось, лягнуло кляксу. Она скомкала испорченный лист.

– Будь ты проклят! Восемнадцать!

Нави улыбнулся:

– Благодарю тебя. Ты такая хорошая!

Но ее день уже был испорчен. Шесть погубленных страниц, обязательная ночная процедура... и восемнадцать. Это число отозвалось в душе резкой, гложущей тревогой. Наверное, такое число Дороти видела где-то в своих кошмарах.

Будь ты проклят, Нави!

Вечером сего злосчастливого дня мастер Густав обошел подопечных с проверкою. Дороти предъявила неполных пять страниц. Она боялась, что кроме ночи на коленях ее ждет еще и изгнание из писчего зала.

– Мастер Густав, я знаю, я сегодняшняя очень плоха, я испортилась, я позволила симптомам... Но это же не мои симптомы виноваты, а его! Этот Нави никак не успокоится, все спрашивает и спрашивает, я не могу писать, ничего не могу!

Мастер отозвал ее в сторону. Неторопливо снял нарукавники (он ведь тоже трудился, как все), сложил стопочкою исходники книг, придавил готовые листы, проверил, надежно ли закрыты чернильницы. Тем временем остальные пациенты вышли прочь. Нави оглянулся на Дороти с невиннейшим видом.

– Послушай, Дороти, – сказал мастер, – наш Нави совершенно безумен. Тебе и не снились такие симптомы, как у него. Магистр Маллин вместе с лекарем Финджером отчаялись с ним совладать. Но он пишет тридцать пять страниц в день. Идеальным шрифтом, без ошибок, без помарок. Может по десять минут вовсе не глядеть в исходник – пишет из памяти. Тридцать пять страниц в день, четыре книги за месяц. Когда ты будешь писать столько же – сможешь задавать кому угодно любые вопросы, и пускай попробуют не ответить.

– Но он портит мой путь исцеления!..

Если бы Дороти имела способность к анализу, она легко поняла бы: мастер Густав – не лекарь и не медбрат. Он – именно мастер: ремесленник, нанятый лечебницей, чтобы управлять писчим цехом. Вопросы исцеления и гармонии волновали Густава примерно в той мере, как капитана шхуны – чайки, гадающие на палубу.

– Я скажу Финджеру, пусть назначит тебе три часа раздумий. Обмозгуешь свое исцеление как следует, настроишь душу на открытость терапии. А когда завтра придешь сюда –

будь добра, отвечай на каждый дурной вопрос нашего птенца. Нужны ему числа – скажи. Хоть выдумай, хоть с потолка сними! Но чтобы к концу дня я увидел его тридцать пять страниц и хотя бы дюжину твоих. Иначе получишь полную гармонию, да с благодатью в придачу!

Монета – 3

Март 1775 г. от Сошествия

Лаэм (королевство Шиммери)

За три дня до прибытия в Шиммери эскадры Лабелинов, повлекшего за собою громогласные торжества, в гавань Лаэма вошел двухмачтовый корабль. На его флаге скалился пес, сидящий на бочонке серебра. Лишь истинные знатоки геральдики вспомнили бы этот герб – а принадлежал он мелкому баронству в Южном Пути. При малых размерах судно имело прекрасное парусное оснащение и вполне могло оказаться как курьерским, так и пиратским. В пользу второго говорил тот факт, что капитан избрал для стоянки не Золотую гавань, излюбленную вельможами и послами, и не Чайную гавань, весьма удобную для купцов, а залив Альбатросов – далекий от центра города и укрытый скалами от лишних взглядов. Более того, на свой страх и риск лоцман вошел в гавань ночью.

Темнота, конечно, не защитила корабль от внимания бе-

реговой стражи. Едва судно пришвартовалось к пирсу, как дюжина солдат с арбалетами и факелами окружила трап.

– Пусть капитан сойдет первым, – приказал командир стражников.

На пирс вышел мелкий круглолицый мужичок в неприметной одеже. Судя по тому, как шатко он ступал по трапу, мужичок был не капитаном и не матросом, а пассажиром корабля.

– Вам не нужен капитан, господа, – заявил он с нотой дерзости. – Вам нужен я.

– Кто ты такой, плешь тебе в бороду?! Как звать капитана, как называется ваша лохань, и чем докажешь, что вы не идовы пираты?

– Наш корабль носит имя «Пес на бочке», а все остальное ты прочтешь здесь.

Мужичок достал из внутреннего кармана конверт, с хрустом сломал сургучную печать и сунул вскрытое письмо командиру стражи.

– Чтоб ты облысел! – выругался командир, поскольку не умел читать. – Центор, где черти носят твою грамотную задницу?!

Стражник, стоявший за шаг от командира, взял у него письмо и в свете факела принялся читать:

– Именем Великого Дома...

– Кхм-кхм, – вмешался мужичок, – это письмо секретное, предназначено только командиру стражи. За сохран-

ность секрета положена награда.

Командир и грамотный Центор переглянулись в замешательстве.

– Читай прямо в ухо, плешь тебе на грудь!

Стражник придвинулся и шепотом прочел письмо, чуть не подпалив факелом редкие волосы командира. Дослушав, тот изменился в лице.

– Прямо так и сказано?

– Как написано, так прочел.

– И печать правильная?

– Сам посмотри.

Разглядывая сломанную печать, командир обнаружил еще один лист бумаги, вложенный в конверт.

– Эт-то что такое, черти лысые?

Центор осмотрел листок, заморгал.

– Банковский вексель на... – сумму он назвал шепотом.

Они снова переглянулись.

– Наверное, надо нам того... – предложил Центор.

– Угу.

– И чтобы это, значит...

– Сам знаю! – рявкнул командир.

Он повернулся к мужичку с корабля:

– Добро пожаловать в Лаэм, господин Мо...

– Мо, – отрезал мужичок, – просто Мо. Так меня зовут друзья. Вы окажете нам небольшую дружескую помощь?

– Плешь мне на темя. Ага. Что вам надо?

Мо хлопнул по плечу командира стражи и отвел в сторону, где задал несколько вопросов, неслышимых для остальных. Командир использовал ситуацию, чтобы тайком от подчиненных спрятать вексель себе под рубаху. Получив нужные ответы, Мо крикнул:

– Айда за мной, братья!

Четверо парней сошли по трапу. В отличие от Мо, они выглядели заправскими головорезами, опытными и в морских, и в сухопутных драках. Каждый имел не меньше шести футов росту и был вооружен отнюдь не перочинным ножиком. Без лишней болтовни четверка зашагала следом за Мо и вскоре исчезла в лабиринте портовых улочек.

Головорезов звали: Семь, Восемь, Девять и Дейв. Все они родились в Южном Пути, вдоволь помахали мечами и кулаками на службе у лордов и капитанов, пока не очутились на борту галеона «Величаявая», шедшего из Грейса в Лаэм. Там они и были отобраны Могером Бакли.

Плавание из Южного Пути в Шиммери заняло шесть недель. Все это время Бакли посвятил двум делам. Во-первых, подлизывался к леди Магде. Всеми способами, изобретенными человечеством: льстил грубо и тонко, намеками и прямо в лоб; оглаживал обожающими взглядами, веселил глуповатыми шутками; комично унижался напоказ, а иногда наоборот допускал дерзость – лестную для госпожи, разумеется. Барон Хьюго Деррил – железный кулак Лабелинов –

напомнил Бакли, что низкородный должен знать свое место. Потом выбил ему зуб. Потом вышвырнул Бакли за борт. К счастью, следующий в строю корабль подобрал его. Однако леди Магду развлекало происходящее: уродливая и жирная, она слыхала мало лести на своем веку. К тому же, ее интриговал давешний намек Бакли: дескать, есть способ заработать миллион. Так или иначе, льстец добился своего: дочь герцога дала ему корабль, несколько верительных писем и право выбрать четверых воинов в помощь. Выбор стал вторым делом Бакли.

Разумеется, он отверг рыцарей. Этих надменных гадов Бакли презирал и боялся. Отбросил также сквайров: эти немногим лучше, чем их сеньоры. Зато с большим вниманием рассмотрел наемников из простого люда и крепких матросов – тех и других хватало на борту «Величавой». Взяв на примету две дюжины парней, Бакли стал приглядываться к ним. Оценивал ловкость, владение оружием, провоцировал на состязания и драки. Кроме слабаков, избегал также и тех, кто был обременен излишней моралью. Когда список сузился до десяти человек, Бакли прочесал их новой гребенкой: стал отбирать тех, в ком есть червоточина. Не маленький безобидный изъянчик, а такая дыра, куда можно всунуть руку и всего человека повернуть без труда. Вот и нашлись эти четверо.

Семь обожал деньги, как и сам Бакли. Обожал настолько, что глаз туманился при одном слове «золото». Бакли назвал

ему правильную сумму – и Семь стал его рабом.

Восемь ненавидел Деррила, своего барона. Влезал в любую драку и колотил кого попало, лишь бы выплеснуть часть этой ненависти. Бакли намекнул: стань моим человеком, и никогда больше не увидишь барона.

Девять слишком любил баб. В плаванье волком выл от голода, малевал сиськи на стене над своей койкой. Бакли пообещал ему плату не в деньгах, а в женщинах. «Представь, – сказал, – ты на торгах альтесс, и можешь купить не одну, не двух, а целую дюжину! Любых, каких только вообразишь! Сейчас придумай наперед – а потом просто выберешь согласно фантазии». Девять опьянел от одной мысли.

А у Дейва остался сынишка в Южном Пути. Дейв мечтал, чтобы паренек стал морским офицером, а не матросом, как отец. Но в мореходную школу нужны рекомендации и куча деньжищ. Бакли обещал Дейву больше, чем нужно, а в довершок пригрозил: «Предашь меня – вернусь в Южный Путь и найду твоего отпрыска. Уж я найду, не сомневайся». И Дейв тоже стал послушным псом, хотя проявил одно малое своеволие. Бакли велел своим слугам: «Забудьте имена, они теперь ни к чему. Ты будешь Семь, ты – Восемь, ты – Девять, а ты...» Трое согласились, но Дейв отрезал: «Я – Дейв, чтоб мне в земле не лежать!»

Корвет «Пес на бочке» одолжил для предприятия барон Грейхаунд – вассал маркиза Грейсенда, вассала герцога Лабелина. На этом быстроходном судне Бакли и его четверка

опередили остальную эскадру и прибыли в Лаэм тремя днями раньше «Величавой» – и раньше того часа, когда о визите Лабелинов заговорит весь город. Пузатый зверь, за чьей шкурой охотился Бакли, еще не мог подозревать, как близка опасность.

* * *

Бакли взялся за дело, не теряя ни минуты. Когда солнце показало розовый бок над горизонтом, и дворники зашуршали метлами в богатых кварталах, и первые извозчики и водовозы выкатили на улицы, протирая глаза кулаками, – Бакли уже был на площади. На той самой, где еще чернели на мостовой остатки сажи от костров мастера Гортензия. Бакли выдал парням по горсти агаток, и они разошлись, перехватывая каждого, кто показывал на площадь свой ранний нос. Водовозы и извозчики – как раз нужная публика!

– Небесный корабль? Х а-ха-ха! Был такой, кто ж его забудет! Здоровенное такое чучело торчало вон там, где сажа.

– Да-да, так и было, истопник Гортензий на свою беду изобрел. Денег вкинул ого, а прибыли – пшик. И правильно: подумал бы сначала, кому оно надо, а потом изобретал.

– Проклятушая штука! Хорошо, что улетела!

Дело сразу заладилось, опрос пошел как по маслу. Все помнили небесный корабль и его создателя, и даже некоего Хорама, купившего шар.

– Был такой чудака откуда-то с севера. Шатался тут с бородой. Вроде, звался Хорамом. Да, точно.

– Он, кажись, недавно разбогател и не успел понять, что с деньжищами делать. Так и норовил спустить на чепуху.

– Ага, он, он шар купил! Я хорошо помню: Гортензий от счастья всю площадь угостил вином!

– Я тоже помню. Дешевым.

Люди Бакли перешли к главному вопросу: куда делся этот Хорам?

– Тьху! Кто ж его знает!

– Укатил – и скатертью дорога. Не больно-то скучаем.

– Не укатил, а улетел! Ха-ха-ха!

– Слава богам, что исчез. А то понаехали в Лаэм – дышать тесно.

Парни Могера насели плотнее – посулили монету, потрясли за грудки.

– Эй, руки-то не распускай! Ты в Лаэме, у нас так дела не делаются!

– Агатка – это хорошо, а две еще лучше. Давай сюда, скажу ценное известие. Этот Хорам был приезжий, и не откуда-нибудь, а кажись из Короны. Точно, точно из Короны! Он, поди, туда и вернулся с шаром!

– Монета, говоришь? Премного благодарствую. Скажу такое, что не пожалеешь: вместе с Хорамом укатил и Гортензий! Хочет как-то шар усовершенствовать. Будто навоз улучшится от сахарной присыпки.

– Куда?.. Да почему мне знать! Гортензий тоже был приезжий. Из какого-то городишки, что их тьма окрест Лаэма. Вот, поди, к нему домой и укатили.

Час за часом парни Могера Бакли продолжали свои расспросы, все больше зверея от неудач. Когда солнце поднялось в зенит, стало очевидно: лаэмцы мысленно помещают свой город в самый центр мироздания. Все, что происходит здесь, имеет вселенскую важность и впечатывается в память, но стоило Хораму покинуть город – он сразу исчез из внимания. Пожалуй, и помнили-то горожане не его самого, а лишь его чудачества – озаренные величием города, в котором случились.

– Чертовы южане! Чтобы им сдохнуть! – проревел Восемь.

– Мрази, – согласился Девять, – все с бабами ходят.

Парни успели заметить, что всякий лаэмец, если он не бедняк, передвигается в сопровождении женщины, а то и нескольких. Это обстоятельство не давало Девятке покоя.

– Слышь, Могер, может нам того-сего, в бордель?

– Сначала Хорам, потом девки, ты понял меня? Не найдем говнюка – я тебе такой бордель устрою!

– Он прав, Бакли, – поддержал Семь. – От расспросов уже толку нет, люди-то все те же. Вон того извозчика по третьему кругу пытали...

– Спрашивайте еще, тьма вас сожри! Приносите пользу!

– Любопытно, кого он пялил?.. – бросил в пространство Девять.

– Дай ему в ухо, – приказал Бакли Восьмерке, и лишь потом сообразил: Девять дело говорит.

Снова прошлись по водовозам, извозчикам, торговцам чаем и сладостями, только на сей раз с новым вопросом: была у Хорама баба? Можно ее найти?

– Не припомню. Наоборот: припомню, что не. Не было у него бабы, я еще сильно удивился.

– Никакой. Вот никакшенькой.

– Он, наверное, был из этих, фффииииууу... – выразительный жест согнутого пальца.

– Да точно из этих! Он жеж потому и шар купил – ему уже не страшно, даже без шара все равно не стоит!

– Но постоит... у вас еще агатки остались?.. Четыре в самый раз, а восемь – вдвое лучше, число-то святое. Благодарствую, славный!.. Этот Хорам потом купил себе альтессу. Незадолго как уехать, он здесь появлялся с такой... Э. У.

Со звуком «э» торгош растянул пальцами глаза, со звуком «у» – прогладил ладонью плоскую грудь.

– Шаванку что ли?

– Ее.

– А где купил?

– А где их покупают? В Чайном порту, знамо дело, на Изобильном спуске.

Команда Могера Бакли переместилась на Изобильный спуск. То был целый проспект, сходящий к гавани, и застро-

енный чайными разного пошиба, от скромных домишек до белокупольных дворцов. В котором из них побывал Хармон – так и не выяснилось. Пришлось посетить все.

Дело шло идовски медленно и дорого. Оказалось, в шиммерийских чайных домах платят не за чай, а за вход. Привратники отказывались отвечать на любые вопросы, пока не оплатишь посещение, а уж о том, чтобы задаром увидеть хозяина чайной, речь даже не шла. Семь бесился с каждой монетой, отданной привратникам, ослеп от ярости и стал бесполезен. Восемь искал повода для драки и врезал в глаз одному особо наглому лакею – пришлось заплатить втрое, чтобы не вызвали шерифа. Девять охотно платил и входил в чайные – но принимался глазеть на вкусных служанок в полупрозрачных платьях и не справлялся с расспросами. Пользу приносил лишь Дейв, ну и сам Бакли.

– Позвольте узнать, славные господа, о каком времени идет речь? Видите ли, последними месяцами женские торги совершенно увяли: из-за войны его высочество не пускает в порт шаванские суда. А вот осенью и летом было вполне оживленно.

– Во времена небесного корабля? Стало быть, август или сентябрь, как раз перед Северною Вспышкой. Я не вижу трудности в том, чтобы проглядеть учетные книги за эти месяцы, ведь я веду тщательный учет любой сделки, свершенной в моих стенах.

Однако после этих слов хозяин чайной не двинулся с ме-

ста, а принимался скучливо разглядывать собственные пальцы. Цена составляла не агату и даже не глаорию, и платилась не за ценные сведения, а лишь за проверку. Сунув в карман елену-другую, хозяин чайной посылал девицу за книгой, перелистывал страницы и с печальным видом разводил руками:

– К великой скорби, в моем заведении славный Хорам не заключал сделок.

– Тогда верни монету!

– Сожалею, но не вижу к тому причин. Я приложил усилия и сделал то, о чем вы просили. Потраченные мною силы уже не вернуть назад в тело.

Бакли знал, что леди Магда Лабелин отчаянно скупа и вытрясет из него душу за любые лишние затраты. Но только в том случае, если он потерпит неудачу. А значит, вывод прост!

Уже клонилось к закату, когда Бакли нашел нужное заведение – чайный дом Эксила. Эксил, этот наглый пузан в чалме, вытряс из Могера целых три елены и стал листать книгу, слюнявя толстые пальцы и бормоча:

– Не думаю, что выйдет толк... Господа, я помню каждого клиента, ибо дорожу ими, как пустынный путник утренней росой. И раз уж моя отточенная память сразу не сообщила нужное имя, то... Как вы изволили сказать – Хорам Паулина?

Да, он побывал здесь! Именно в чайном доме Эксила ку-

пец из Короны Хорам Паулина Роберта приобрел шаванку Низу за цену в пять эфесов.

– Недорого, – хмыкнул Бакли.

– О, совершенная правда! Пять эфесов – почти самая ничтожная цена, слыханная мною. Помню только случай, когда одну девицу купили за два золотых, – но она была кривая на один глаз и с пятном на пол-лица. Уж и ума не приложу, зачем понадобилась...

– И отчего эта Низа была так дешева?

– Боюсь, что боги осквернили ее самым мерзким недостатком женщины – строптивостью. Теперь, когда луч воспоминания озарил тот день, я ясно вижу: Низа вылила кувшин вина на голову славного покупателя.

– Хорама?!

– Нет, другого человека – известного в городе Тимерета. Славный Тимерет является знатоком и ценителем женщин, он из тех, кто определяет рыночную цену. Когда шаванка унизила его, ее стоимость упала, как слепой баран со скалы.

– А кто продал Хораму Низу?

– Ганта Гроза из Рейса, один из крупнейших поставщиков пленниц.

– Где можно найти Низу теперь?

– Очевидно, там же, где и вашего Хорама, если только он ее не придушил. И не сотрясайте воздух лишним вопросом – я не знаю, где Хорам. Не имею дел с мужчинами, что прельщаются дешевкой.

– А ганту Грозу или Тимерета?

– Пх. Каждым словом, господа, вы обнажаете свое невежество. Грозу ищите под стенами Мелоранжа, ведь он – один из первых всадников Степного Огня. А Тимерет, наверное, сидит в чайной Валериона – именно там он любит вести свои дела.

Когда покинули заведение Эксила, Дейв сказал:

– Этот тип темнит, чтобы мне в земле не лежать.

– Как все типы в этом драном городе, – огрызнулся Бакли.

Они нашли Семерку и Восьмерку, потных и злых. Бакли дал им поручение, а сам с Дейвом и Девятью отправился в чайную Валериона. На счастье, Тимерет оказался там, и даже согласился побеседовать с Могером бесплатно.

– Желаеть женщину, славный? Я помогу, женщины есть. Война в Литленде испортила рынок: шаваны заняты дракой, привоза нет, девиц мало и все низкородные. Но Тимерет бы не был Тимеретом, если б оставил голодать своих клиентов. Скажи теперь, какую хочешь, а завтра приходи снова – и я подыщу тебе точно под заказ.

– Подыщи мне купчину, – ответил Бакли. – Кряжистый, бородатый, прибыл в августе из Короны, купил небесный корабль, зовется Хорамом.

– Бедолага, – сказал Тимерет.

– Я или Хорам?

– Вы оба. Хорам – потому, что не умел управлять деньгами. Монета – как конь: если не удержишь в узде, то понесет

свет за очи. Вот и Хорам утратил ум в тот самый день, как обрел богатство. Захотел женщину – приобрел такую дрянь, что тошно вспомнить. Захотел прибыли – купил самый гнилой товар во всем Лаэме. От козы больше удовольствия, а от тухлой рыбы больше прибыли, чем от его покупок!

Тимерет хлопнул Бакли по плечу:

– Но я-то вижу, славный: ты – не такой, как он. Он из одного теста слеплен, а ты – из другого. Ты-то знаешь, где товар на полтинку, а где – на сотню золотых. Потому скажи без стеснения: какую женщину ты хочешь?

Бакли нажал вопросами о Хораме, и Тимерет потерял к нему интерес.

– Вот что, славный: желаешь вести дела в Лаэме – приобрети альтиессу. В Короне тебя не услышат без титула, на Севере – без меча, а в Шиммери – без женщины. Пока ты один, то ты не делец, а только половина дельца. Желаешь найти себе вторую половину – я помогу от всей души. Желаешь глупые вопросы про приезжего олуха – задавай их своим приятелям-мужчинам.

– Шиммерийцы – гады! – сказал Дейв на улице.

Бакли подумал, что тоже умеет быть гадом, и дал Дейву с Девяткой поручение. Оставшись один, плотно поел, снял дорогую комнату в гостинице, затем пошел в бордель и потратил две елены леди Магды Лабелин на девицу, разительного непохожую на леди Магду Лабелин. Белокурая, тонкая, изящная гетера была до того соблазнительна, что Могер по-

началу ничего не мог. Он приказал ей погасить свет и грубо по-матросски выругаться. Она сделала, он потребовал еще, и она выбранилась грязнее. Тогда он вlepил ей пощечину, рывкнул: «Шлюха! Дрянная шлюха!» – и сделал свое дело.

– Разбуди через час, мерзавка.

Бакли сунул шлюхе монету Магды Лабелин и захрапел.

Командир портовой стражи знал отличный пустырь. О том был один из вопросов, заданных ему Могером, и стражник ответил, и не спloховал: пустырь оказался такой, как надо. По западному берегу гавани тянулись рыбацкие причалы и рыбные склады, и мастерские, где вялят и солят. Дальше – ямы для тухлой рыбы, тошнотворно смердящие и осаждаемые котами. А дальше начинался пустырь, открытый морю и годный для пляжа – но кто ж доберется сюда, через всю эту вонь?

На пустыре имелось несколько скальных обломков. У одного из них, невидимые со стороны города, ожидали Могера его парни. С ними было два человека. Оба валялись среди травы-колючки, связанные по рукам и ногам, с мешками на головах.

Бакли расплылся в ухмылке:

– Молодцы, принесли пользу. Вы поколотили этих гадов?

– Еще бы, – ответил Восемь и пнул своего пленника.

– Не больше, чем нужно, – ответил Дейв про своего.

– Нужно больше, – сказал Бакли и ударил лежащего каб-

луком. Тот захрипел сквозь кляп.

– Давайте этого.

Семь и Восемь подняли своего пленника на колени, сдернули с головы мешок. Хозяин чайного дома Эксил жевал кляп и сверкал глазами.

– Он какой-то злой, – отметил Бакли.

– Поколотили его как надо! – ответил Восемь.

– Но ему не хватило. Видишь, как зыркает!

Восемь расквасил Эксилу нос. Ударом в ухо свалил на-земь, поднял за волосы, снова свалил. Нос и ухо пленника распухли, как томаты.

– Еще.

Восемь пнул в живот, Эксил захрипел и забулькал. Восемь обошел его сзади и ударил в почку. Из глаз толстяка хлынули слезы.

– Что скажешь, славный Эксил, луч твоей памяти разгорелся? Поделишься сиянием?

Бакли выдернул кляп.

– Ай-ай-ай, – запричитал хозяин чайной, и Восемь ударил его так, что клацнули зубы.

– Представь, свинья, что ты на сраном севере. Ни одного лишнего звука, или мы выьем тебе челюсть. Только по делу и строго в точку. Уразумел?

– Угу...

– Что ты вспомнил еще?

– Да ничего особенного, ерунду. Ай-ай, не надо! В тот

день с Хорамом был Онорико-Мейсор.

– Кто таков?

– Местный сводник, торговец альтессами, не слишком успешный.

– И что?

– Это Рико подсунул ему Низу. Потом они все вместе уехали.

– То есть, Рико может знать, где находится Хорам?

– Да, с... славный.

– А где найти Рико?

– Давно его не видел в городе. Но его жена, кажется, осталась тут.

– Где найти ее?

– Не знаю. Ай-ай-ай, честно не знаю! Но она Ванесса-Лилит, белокровная. Спросите людей.

– Спросим. Почему сразу не сказал?

– Я э... простите, всякому не чуждо... отчего не заработать... хотел с него денег взять за предупреждение.

– Ты на этом не зарабатываешь. Понял меня? Если предупредишь Рико, мы вернемся. Уж мы вернемся. Ага?

– Угу...

– Пошел прочь.

Восемь рассек веревки, и Эксил захромал с пустыря.

– Теперь того.

Другим пленником оказался Тимерет. Процедура повторилась с двумя различиями. Избивал Тимерета не Восемь, а

Дейв, и Могер подначивал: «Еще, еще!» Затем Бакли добавил от себя. Раз Тимерет так увлечен бабами, то Могер вогнал башмак точно ему в промежность. Пять минут Тимерет не мог говорить, а только корчился и стонал от боли. Но Могер Бакли не сказал бы, что эти минуты выброшены зря.

– Любвеобильный друг мой, кажется, ты ошибся! Видишь – при мне нет ни одной дамочки, но сейчас ты заговоришь, и как охотно! Хорам, приезжий купчина, купил дешевую дурнушку. Что ты о нем скажешь?

– Я все уже...

Тимерет заткнулся, когда Бакли поставил каблук ему на яйца.

– Пока женщины не стали для тебя пустым звуком, следи за словами. Скажи полезные.

– Этого Хорама, спали его солнце, обхаживал Рико-Сводник.

– Почему сразу не сказал?

– Я забыл...

– А теперь вспомнил? Хочешь, еще помогу твоей памяти?

– Нет, пожалуйста! Скажу все! Рико был мой конкурент, я злился, что он перехватил Хорама, хотел наказать его как-нибудь. Но Рико всучил Хораму дешевку и сам себя наказал. Ванесса-Лилиг – жена – выгнала его из дому.

– Из какого?

– Что?..

– Адрес ее дома!

Тимерет назвал.

– То есть, Ванесса осталась в городе, а Рико уехал, верно?

– Чистая правда.

– Знаешь, куда?

– Нет, нет!

– К Ванессе он приезжает?

– Что ты! Она его и на порог не пустит!

– Кто еще может знать Рико?

– Извозчик.

– Говори много, тварь! Не цеди по слову, а лупи, сука, фонтаном!

– Рико несколько раз появлялся в городе, покупал всякие странные штуки – кислоту, например. Все увозил из Лаэма и всегда на одном извозчике. Я не знаю имя, но этот парень обычно стоит у северных ворот. Он такой тощий, и борода у него тощая.

– Можешь, когда хочешь, – отметил Бакли. – Теперь дуй отсюда. И спаси тебя Софья ляпнуть обо мне хоть слово!

– Мы ходошо потдудились? – спросил Восемь гнусаво, поскольку зажимал нос, проходя мимо рыбных свалок.

– Терпимо.

– Мовет, бабу?..

– Может, поспать? – добавил Дейв.

– На Звезде поспите, лентяи! Сейчас – работать.

– Куда даботать?

– К северным воротам, вашу Праматерь!

Поскольку пустырь находился на юге Лаэма, им пришлось пересечь весь город. Когда добрались, уже сияло утро. Тощего извозчика с тощей бородой ждали битый час. Бакли уже начал расспрашивать других извозчиков, где он живет, как тут он подкатил к воротам. Вся команда Могера тут же вскочила к нему на борт.

– Дуй за город.

– Куда именно, славный?

– Именно за город, прямо по дороге.

За воротами Бакли подсел к извозчику и изложил дело.

– Видишь елену? Она может лечь к тебе в карман. Видишь кулак? Он может разбить тебе нос. И опасность даже не в этом, а в остальных восьми кулаках, которые будут покрупней моего.

– Чего вы хотите, славный?

– Отвези нас туда, куда возишь Онорико-Мейсора.

– Я не знаю, о чем...

Бакли ухватил его за ухо.

– Я с кем только что говорил? Быть может, ты оглох? Восемь, возьми нож и прочисти ему уши!

– Ладно, славный, ладно. Я вожу Онорико-Мейсора. Давненько уже не возил, но раньше было. Ехать часа два, так что плата нужна... подходящая.

Могер бросил елену.

После бессонных суток парни Могера разморились на хо-

ду, начали клевать носами. Он тормозил их:

– Сволочи, запоминайте дорогу!

Однако помнить было особенно нечего: прямая ровная дорога, никаких поворотов, только плавный подъем в горы. Со временем и сам Бакли задремал. Проснулся, когда извозчик потеревил его плечо:

– Приехали, славный.

Бакли огляделся, сонно и тупо похлопал глазами. Была все та же дорога, слева гора, справа широкая обочина с гнутым деревцем. Ни строения, ни человека.

– Это чего?..

– Ну, место. То самое. Куда я, значит, отвозил Онорико.

– Ты это пошутил, да? У тебя это юмор проклюнулся?!

– Нет, славный, серьезно говорю. Я Онорико здесь высаживал и товар его сгружал. Он потом на другого пересаживался.

– На кого?

– Почему мне знать? Он говорил мне: «Ты езжай, я тут замену подожду». Я и ехал назад. А что, стоять? Мне за простой не платят.

Могер яростно сплюнул.

– Семь, Восемь, задайте ему!

Извозчик не успел опомниться, как его стащили с козел, швырнули на обочину и стали избивать. Он кричал и закрывался руками, а Семь и Восемь лупили от души, хотя неторопливо спросонья.

– Зачем? – спросил Дейв.

– Я разочарован, вот зачем! Никогда, никогда меня не разочаровывай!

– Ладно. Но вы бы поосторожнее, ему нас еще назад везти...

Под вечер команда Бакли разыскала дом белокровной Ванессы-Лилит. Миледи была на выходе, пришлось пару часов дожидаться среди улицы. Когда она возвратилась, уже совсем стемнело. Люди Могера зверели – как никак, вторые сутки без сна.

– Отпялить бы ее, – процедил Восемь, глядя через улицу, как Ванесса сходит с кареты.

Она или услышала что-то, или почувствовала на себе взгляд. Развернулась, перешла на их сторону.

– Я полагаю, вы дожидаетесь меня, славные господа?

То была очень красивая баба. Восемь мог лишь мечтать о том, чтобы отпялить такую, как она. Бакли предпочел бы удовольствие иного рода: увидеть ее униженной и плачущей.

– Любезная леди, желаю вам здравия. Мы будем исключительно вам благодарны за пару слов о вашем славном муже, Онорико-Мейсоре.

– Господа, прошу вас, взгляните налево. Видите выше по улице бочку водовоза? Он стоит здесь все время, кроме глубокой ночи. Теперь взгляните направо и заметьте лоток торговца сладостями. Он меняется с зеленщиком: утром торго-

ет один, вечером второй. Наконец, уделите внимание дому, что стоит напротив моего. Привратник дежурит у его дверей, а садовник ежедневно ухаживает за садом. Довожу до вашего ведома, господа, все названные мною люди – и водовоз, и зеленщик, и садовник, и привратник – получают монетку от кредиторов моего супруга. В их обязанности входит шпионить за моим домом и выследить Рико, если только он появится. Советую и вам прибегнуть к их услугам, плата будет невысока. Меня же избавьте от беспокойства. По законам королевства Шиммери супруга не несет ответа за долги своего мужа.

Они опешили от такой отповеди. Каждое слово было сказано с достоинством, но так и хрустело льдом.

– Миледи, – проямлил Могер, – мы не имеем чести быть кредиторами. Мы ищем Онорико по совершенно иной причине.

– Каковая не вызывает моего интереса. Рико не появлялся с сентября, где он – я не знаю.

Ванесса-Лилит развернулась и ушла. Восемь проворчал:

– Не, такую я б не паялил. Больно злющая.

Конечно, они проверили ее слова. Садовник, привратник, зеленщик и водовоз твердили как один: не было Рико, если б явился – уж его бы схватили за жабры. Агатка в неделю, славный, и мы последим за домом. Только Рико возникнет, сразу получите весточку.

Они убрались, несолоно хлебавши. Бакли дал парням де-

нег на дешевый ночлег, а сам шлепнулся на кровать в своем дорогом номере и уснул, не имея сил ни на что иное. Последней утешительной мыслью мелькнуло в его голове: остался еще день, завтра что-нибудь придумаем.

* * *

Следующим утром в холле гостиницы Могера Бакли ждал человек. Едва Бакли сошел с лестницы, лакей шепнул человеку, и тот поднялся с кресла. На человеке были темные штаны и светлый мундир с золотой вышивкой: рычащий лев, лапа на шаре – герб королевства Шиммери. На поясе болталась шпага, человек небрежно придерживал ее, вставая.

– Господин Мо, позвольте обменяться с вами парой слов.

– С кем имею честь?

– Халинтор, помощник шерифа.

Могеру Бакли хватило вдоха, чтобы перестроиться. До сих пор со всеми встречными в Лаэме Бакли говорил сверху, не видя нужды в поклонах. Но тут...

– Для меня великая честь и радость говорить лично с таким человеком! Позвольте пожать вашу славную руку.

Славная десница Халинтора как была заложена за спину, так и осталась там.

– Присядьте, господин Мо.

По указке Могер сел в кресло возле крохотной декоративной пальмы. Нижняя ветка свисала аккуратно над сиденьем,

елозя по макушке Бакли острым листом.

– Против вас, господин Мо, имеется несколько жалоб весьма неприятного свойства.

– От кого?

Халинтор изобразил подобие улыбки.

– Мы – лаэмцы, господин Мо. Порою бываем глухи к тому, что происходит вне города. Мы не знаем песен, что пелись на коронации ее величества, не ведаем, какой фасон платья носит его светлость лорд-канцлер... Но все, что случается в городе, слышат стены и рассказывают улицам. За двое суток вы избили и унизили трех человек. Если существуют аргументы, чтобы я не приковал вас к позорному столбу и не всыпал семнадцать плетей, то сейчас – подходящее время их изложить.

Могер оттолкнул пальмовый лист, вынул кошель, положил на столик золотой эфес. Помощник шерифа следил за ним без выражения лица. Могер подождал, извлек еще два эфеса. Проклятый лист впился в макушку, когда Бакли разогнулся, оставив монеты на столике.

– Нужны аргументы иного свойства, господин Мо.

Бакли расстегнул сюртук и вынул конверт из внутреннего кармана. Халинтор изучил печать – она была цела, то был другой конверт, а не предъявленный в порту.

– Великий Дом Лабелин, – произнес помощник шерифа. – Простите, господин Мо. Герб с дельфинами сам по себе – еще не оправдание. Тем более, сейчас.

– Вскройте и прочтите, господин Халинтор.

Он так и сделал. На последних строках шевельнул бровью.

– Купец Хорам Паулина, он же Хармон Паула Роджер, – личный враг Дома Лабелин... Занятно, вы не находите? Простолюдин так задел герцога, что тот шлет гончих псов за тридевять земель. В этом есть нечто унижительное... для герцога.

– При всем уважении, осмелюсь доложить, что дочь герцога, леди Магда Лабелин, завтра прибывает в Лаэм с большим флотом и вассальной свитой. Уместно ли, сударь, портить переговоры арестом личного помощника леди Магды?

– Я знаю о ее прибытии, – сказал Халинтор. – Потому я пришел к вам, а не велел привести вас в кандалах. Примите совет, милейший Мо. Ныне покровительство леди Магды – слабая защита даже в Лабелине. А уж в другом конце света на нее точно не стоит полагаться дважды. Сегодня я не стану омрачать переговоры. Лишь сегодня.

Халинтор взял один эфес:

– Это цена времени, которое я затратил на поездку сюда.

Два остальных оттолкнул от себя:

– А это – цена моего попустительства в будущем.

И ушел, оставив пару золотых на столе.

– Ищите его, сволочи! Ищите быстрее! – зашипел Бакли, встретившись со своей командой.

– Как искать? – озадачился Дейв.

– Восемь, ударь его.

Кулак Восьмерки вышиб из Дейва дух.

– Думайте головой – вот как! Хватайте каждую нить! Тощая борода говорил: Рико покупал всякие товары. Узнайте, какие и где. Спросите торговцев – вдруг Рико проболтался, куда везет. Мы знаем, он купил кислоту. Найдите сраных алхимиков, спросите, зачем нужна кислота, где ее можно применить. Следите за северными воротами – вдруг он снова придет.

– Если придет, как мы его узнаем? – резонно спросил Семь.

– Теперь ударь его!

Семерка согнулся пополам.

– Спросите жену. Спросите детей жены, слуг жены. Составьте сучье описание! Теперь все, вперед!

Они ринулись выполнять, а сам Бакли занялся делом, довольно странным для человека в его положении: пошел к Золотой гавани и стал смотреть на море. Дважды обогнув гавань по набережной, он оглядел вход в нее, якорную стоянку со всеми кораблями, пирсы и причалы, башню маяка. Свел знакомство с матросами, угостил вином, разговорил, невзначай задал несколько вопросов. Прогуливаясь у маяка, подгадал момент, когда смотритель послал мальчишку за обедом. Разговорил мальчишку, как прежде моряков. Потом переместился в Залив Альбатросов, где все еще стоял «Пес на бочке». Обойдя свое судно, Бакли уделил внимание дру-

гим: поболтал с экипажами, стараясь вызвать на беседу людей рангом повыше – боцманов, старших помощников, капитанов. Отнюдь не все морские волки желали говорить с ним. Несколько раз Бакли получал такую отповедь, что постыдно сбегал. Несколько раз все же смог завязать беседы, но их плоды отнюдь не радовали. Ни один моряк не вызвал достаточно доверия, чтобы Бакли озвучил свое предложение. Он ушел от Залива Альбатросов весьма удрученный, а когда приблизился к Золотой гавани, то потонул в толпе. Горожане теснились, кто-то пытался пройти, кто-то – стоять, кто-то – смотреть. Скакали какие-то всадники в серебре и шелке, бряцали доспехи, орали офицеры. Кто-то вопил: «Да это же сам!..» Оглушительно трубя, шагал по улице слон с кабиной на спине. Целый слон, тьма его сожри! Прямо в городе!

– Что происходит?! – крикнул Бакли на ухо ближайшему соседу. Тот заорал в ответ:

– Лабелины приплыли! Герцогиня! Наши встречают!

Леди Магда прибыла на день раньше срока – видимо, попутный ветер, чтоб его в узел скрутило. У Бакли не было ничего. Он убедился в этом, когда за полночь наконец добрался в гостиницу, где ждали его трое парней.

– Хрена с два, – кратко сообщил Восемь.

Дейв и Семь рассказали подробно. Онорико-Сводник купил в городе шесть или семь телег всякой лабуды: были шелк и хлопок, нити и веревки, кислота и железо, горючее масло, красители, алхимическая посуда, пузыри с пробками. Но все

это он приобрел еще в прошлом году, и ни одному торговцу не проболтался, куда везет. Ни одному. Правда, кроме торговцев он еще встретился с каким-то магистром алхимии, но этого магистра сейчас нет в городе. Сам граф Второй из Пяти пригласил его в гости, а когда зовет граф, то это надолго.

– Дрянь. Сучья дрянь!.. Эй, а где Девятка?

– Следит за северными воротами. Раздобыл описание Рико и смотрит, не приедет ли тот.

– Он там один? Если один, то ни черта он не следит, а пялит какую-то!..

– И пялит, и следит. Мы проверили. Там есть бордель окнами к воротам, вот Девятка на подоконничке...

Бакли прогнал всех троих. Обозвал их олухами, кретинами и сучьими кишками, но, по правде, сам тоже не видел выхода. Шум от приезда Лабелинов к утру облетит весь город, к завтрашнему вечеру – все окрестности. Где бы ни был Хармон, укравший у герцога Светлую Сферу, послезавтра он узнает про опасность и затаится. А горькая шутка в том, что ему и таиться не нужно! Даже сейчас, еще не затаенный, он совершенно невидим.

Свидетель – 2

*Апрель 1775 г. от Сошествия
Остров Фарадея-Райли*

– Скажи число.

Нави улыбался по-детски наивно, с трогательной робкою надеждой.

– Ну скажи, пожалуйста, что тебе стоит!

Его мальчишеские глаза так и светились синевой. Рука механически шуршала пером, слово за словом ложилось на лист. Нави не смотрел туда. Обратившись в надежду, он всем собою, душой и телом, тянулся к Дороти.

– Прошу тебя, прошу! Дай мне число, пожалуйста!

– Сто пятьдесят два! Будь ты проклят!

Дороти ненавидела его. Нави был хуже чесотки, навязчивей овода, неизбежнее войны. Он отравлял ее воздух и сосал ее кровь, и при этом сиял невинною улыбкой:

– Спасибо, спасибо тебе! А можешь еще число?.. Ну хоть одно?..

Дороти была бессильна, как мышь против змеи. Мольбы, проклятия, угрозы не помогали. Нави не боялся угроз, не замечал проклятий и честно пытался внять мольбам – но не мог. Обещал не просить чисел, но проходила четверть часа – и, подвластный невидимой силе, он вновь начинал:

– Хоть одно, пожалуйста. Самое последнее!

Дороти пыталась отсесть – Нави ударялся в крик и не утихал, пока она не возвращалась. Дороти взывала к мастеру Густаву и лекарю Финджеру – им было плевать. Плевать на нее, но не на Нави. Он выдавал тридцать пять страниц в день – идеальным почерком, без помарок. Да спасут тебя боги,

Дороти, если начнешь мешать ему.

Сама она едва успевала шесть страниц – половину нормы. Каждый вечер Дороти получала процедуру, ночью спала от силы несколько часов, приходила в цех изможденная, вялая – и успевала еще меньше, чем вчера. «Я сегодняшняя лучше меня вчерашней»... Где там! Сегодняшняя Дороти – сонное злое дерьмо. А завтрашняя будет только хуже.

– Скажи мне циферку, а! Очень прошу тебя! Скажи – и я отстану.

Она попросила вернуть ее в одиночную комнату – получила отказ. Во-первых, Нави бросил перо и ударился в плач, едва понял, что может лишиться жертвы. Во-вторых, одиночная комната была занята – там трудился какой-то бедолага, недавно назначенный переписчиком.

Дороти стала молиться Праматерям. Она и прежде встречала и провожала каждый день молитвою, но, как требует благочестие, не досаждала Прародителям просьбами, а лишь отчитывалась в своих деяниях и благодарила за заботу. Теперь же опустилась до откровенной мольбы: «Святые Праматери, нижайше прошу вас, пошлите спасение, избавьте меня от кровопийцы Нави!» Адресовала молитву всем Праматерям вместе и каждой в отдельности – и всюду получила отказ. Янмэй считала, что Дороти старше и умнее, чем Нави, потому легко совладеет с ним. Величавая Софья требовала полюбить юношу как младшего братика. Светлая Агата сказала: Нави несет ценный урок, который нужно усвоить. Даже

Глория-Заступница – Праматерь с бархатным сердцем, готовая помочь и нищему, и вору – даже та не вняла мольбам Дороти Слай!

– Пожалуйста, дай число.

– Пятьдесят девять.

Нави похлопал глазами, смешно нахмурился.

– Это неправильное число. Зачем ты так! Число же неправильное! Скажи другое.

Тогда Дороти ударила его. Подняла мягкую дряблую руку и лягнула паренька по щеке. Нави покраснел, моргнул и заплакал.

– За что ты меня?..

Мастер Густав вышвырнул ее из мастерской. Полночи она провела в подвале стоя на цыпочках. Плохая рука была пристегнута к потолку.

– Карен... Кейтлин... скажи, что мне делать?

Дороти боялась соседки по комнате. Карен напоминала мумию; Карен почему-то звала Дороти «миледи». Дороти не знала, что из этого пугает ее больше. Однако, доведенная до отчаяния, она решила спросить совета.

– Терпите, миледи, – ответила Карен.

– Почему он липнет ко мне, а? Почему только ко мне? – Глаза Дороти увлажнились. – Хоть бы кого-то другого...

Карен смерила ее очень холодным взглядом, будто слезы Дороти вызвали в ней отвращение.

– К вашему сведению, миледи, Нави высосал до капли

каждого переписчика. Затрачивал от двух до трех месяцев, выжимал все числа, известные жертве, затем переходил к следующей.

– Два месяца?!

Дороти не расплакалась лишь потому, что боялась Карен. Она провела рядом с Нави одну неделю. Одну чертову неделю – и силы уже на исходе! За два месяца она свихнется и прыгнет в море от отчаянья!

– Что же мне делать, Карен?

– Терпите, миледи.

Она отвернулась к стене, устав от разговора.

– Нет, нет, погоди! Я не вытерплю! Не смогу!

Это не волновало Карен. Тьма! Здесь ничто никого не волновало!

– Скажи хотя бы, что такое правильные числа? Иногда называю число – а он говорит: неправильное. Он издевается? Нарочно меня мучает?!

– Правильное число имеет смысл, миледи. Неправильное лишено его.

– Какой смысл?.. Я говорю, что в голову взбредет, лишь бы отвязался. Нет там смысла!

– Вы не всегда помните смысл числа, но он имеется. А если отсутствует – Нави это заметит.

С того дня кошмар усилился многократно. Прежде Дороти не задумывалась – просто кидала Нави случайные числа, как кости собаке, и большинство оказывались правиль-

ными. Теперь, когда число всплывало в уме, Дороти терзалась вопросами: подойдет ли оно? Есть ли в нем смысл? Может, выбрать другое?.. И она промахивалась. Числа не подходили Нави, он обижался, плакал, кричал, умолял: «Нет, не обманывай меня, пожалуйста, дай правильное!» Его перо тем временем ровно скользило по листу, перо Дороти – ставило кляксы, рвало бумагу. Листы летели в мусор, мастер Густав бил кулаком по столу: «Какой ты переписчик! Пойдешь у меня двор мести!» И в ее голове мелькало: ладно, пускай двор, лишь бы подальше от него. Но Нави хватал Густава за одежду: «Нет, нет, не прогоняй Дороти, пожалуйста! Она исправится, она хорошая. Это случайность, что число неправильное. Сейчас она подумает и скажет правильное». Дороти хотела убить его. Взять перо и воткнуть в глаз. Чтобы вылезло из затылка. Такое возможно, правда?..

Шаваны верят, что ежедневно и ежечасно Гнойный Дух Червя пожирает мир людей, разлагая и превращая в пыль все живое. Рано или поздно он сожрет все, что есть в мире, кроме бесплотной Орды Странников, которая сбежит в иную вселенную.

Так милый юноша по имени Нави поглощал мир Дороти Слай – ежечасно глотал ее мысли, ее покой, ее душу. С той единственной разницей, что никакая Орда Странников не могла спасти Дороти, и не существовало пути для побега.

Если бы Дороти сохранила способность к анализу, она по-

няла бы причины его власти над нею. Лишенная памяти, за-
давленная терапией, вписанная в жесткий регулярный гра-
фик, Дороти обитала в мире, весьма бедном эмоциями. Та-
кие чувства, как радость, горе, печаль, интерес – не посеща-
ли ее. Все события, происходящие в лечебнице, были весьма
однородны: они вызывали у Дороти страх, либо оставляли
безучастной. Безумный, навязчивый, нелепый Нави оказал-
ся единственным ярким пятном. Он порождал в душе До-
роти целую гамму: удивление, ненависть, злобу, обиду, за-
висть. Он был для нее тем же, чем шторм является для мо-
реплователя, а полуденное солнце – для пустынного стран-
ника. Могла ли она не думать о нем?..

Что за правильные числа? Этот вопрос окончательно ли-
шил ее покоя. С запозданием Дороти поняла: если бы узнать
каким-то способом десятков-другой хороших чисел, можно
было бы выписать их на листок и по одному в час сообщать
Нави. Только он проголодается и заведет свое: «Скажи чис-
ло!» – как она сразу: «Вот тебе, подавись!». Беда в том, что
теперь, узнав о разных сортах чисел, Дороти разучилась при-
думывать правильные. Что ни взбредет на ум – все мимо.
Раньше-то легко было, а сейчас...

Впрочем, однажды судьба смилостивилась и дала ей пере-
дышку. В писчий цех поступила новая книга: какой-то учеб-
ник по мореходству требовалось переписать в десяти экзем-
плярах. Мастер Густав отдал книгу Карен – самой внима-

тельной из переписчиц. Нави заметил учебник и в перерыве взял его у Карен. Дороти в жизни не видела, чтобы кто-либо так читал. За время, пока юноша проглатывал страницу, Дороти могла сосчитать до шести. Раз, два, три, четыре, пять, шесть – шшшурх, новая страница. Дороти глядела, не отрываясь, зачарованная этой магией. И не она одна, а все переписчики, кроме самых старожилов, пялились на Нави. Раз, два... пять, шесть – шшурх. Его глаза не бегали по строчкам, а целились в центр листа, замирали неподвижно, за шесть секунд впитывали страницу целиком, будто картину. На седьмой секунде он моргал и переворачивал лист. Шшурх.

Карен не выказала удивления. С привычною неохотой она пообедала яйцом и сырной лепешкой, пока Нави листал книгу над ее головой. Через двадцать минут перерыв истек, мастер Густав звякнул в колокольчик, и Карен протянула руку к юноше:

– Вы окончили, сударь?

Он задержал книгу на двенадцать секунд, чтобы впитать последний разворот, затем вернул ее Карен.

Дороти заглянула в учебник. Там были схемы и числа. Десятки схем и сотни чисел. Возможно, тысячи. У Дороти перехватило дыхание, когда она поняла: Нави запомнил каждое число из учебника. Его лицо сияло тихим сытым счастьем. В этот день Нави ни о чем ее не спрашивал.

Дороти смогла сосредоточиться на работе и до вечера переписала двенадцать страниц. Густав похвалил ее и избавил

от наказаний. Впервые за несколько недель она вернулась в комнату раньше полуночи, не измученная процедурами. Впервые не рухнула в постель, как в черный омут, а села у окна и пустилась в раздумия.

Что за правильные числа? Как их опознать?

Общеизвестные не подходят – это проверено. Количество земель Империи, число Праматерей и Праотцов, исторические годы, даты праздников, число дюймов в футах и ярдов в миле – ничто из этого не удовлетворяет Нави. Логично, если разобраться: этот клещ-кровопийца раньше допросил остальных переписчиков, они уже не раз называли известные всем числа. А это тоже проверенный факт: повторяться нельзя. Каждое число можно назвать лишь раз, со второй попытки оно станет неправильным.

А вот числа, касающиеся лишь самой Дороти, приносят успех: сказала – Нави надолго отцепился. Беда в том, что таких чисел крайне мало. Свой рост и вес она узнала при осмотре у лекаря; возраст вспомнила с великим трудом. Вот и все. Число живых родичей, возраст родителей, мужа и кузена, количество комнат в родном доме – ничего такого память Дороти не сохранила.

Остаются числа, которые сами собою откуда-то всплывают в мозгу. Бывает такое. Нави ляпнет: «Скажи число» – и в голове возникнет: сто пятьдесят два. Есть ли в нем смысл? Иногда есть: Дороти назовет – Нави улыбнется. Чаще нету: «Неправильное число! Скажи другое, ну пожалуйста!» Бу-

дет ли смысл – сама Дороти не различала. На ее взгляд, сто пятьдесят два – обычное число, ничем не лучше прочих.

Однажды в голове всплыло, и она сказала:

– Пять с полтиной.

Именно так, дробью. Нави остался очень доволен, не трогал ее целый час. Тогда Дороти не знала смысла числа, но теперь с опозданием пришла догадка: рыба. Пять с полтиной агаток стоит ведро сельди. Только на Севере, и только если брать много – несколько ведер. Откуда это знала Дороти, в жизни не покидавшая Земли Короны?.. Неизвестно, откуда. Но она чувствовала странную уверенность: если сесть в корабль, приплыть в Беломорье, пойти на рынок и спросить ведро селедки – с тебя спросят шесть агат, а за пять с половиной сторгуешься.

Возможно, и с остальными правильными числами так же? Может быть, верное число – такое, что означает что-либо где-нибудь? Цену некоего товара в какой-то земле, число солдат в чьей-то армии, жителей в каком-нибудь городе? Боги, но это же невозможно попасть! Всего чисел – несметное множество, а чисел со значением – поди, какая-нибудь тысяча, может, две...

Соседки по комнате спали, но Дороти посетила мысль, и она, преодолев робость, потеревила Карен-Кейтлин:

– Скажи мне число.

– Шесть, – выдохнула Карен еще сквозь сон.

Потом вздрогнула, стяхнула дрему, повернулась к Доро-

ти, мертвецки белая в лунном свете.

– Неразумно, миледи. Мои числа не подойдут Нави – я сама их называла.

– Почему ты зовешь меня миледи?

– По той же причине, по которой вы зовете меня «ты».

– Скажи еще число.

– Миледи, дайте мне покой.

Тусклыми глазами Карен указала на Аннет и отвернулась к стене. Тьма, а Карен умна! Личные числа Аннет Нави еще не слышал! Дороти разбудила вторую соседку.

– Назови число, Аннет.

Девушка резко села на кровати.

– Аннет – это я. А какое число тебе сказать? Я бы сказала, но нужно понять: какое тебе число? Один или два, или три?

– Любое.

– Ой... Как это так – любое? Любое число я не знаю. Вот послушай: меня зовут Аннет, а не как-нибудь. Если бы меня звали как-нибудь, то я бы не могла сказать свое имя. Никого не называют как-нибудь, а только по имени.

– Сколько тебе лет, Аннет?

– О, боги. Как бы не соврать... Аннет – это я, а сколько мне лет – ох, ну ты спросишь. Я думаю, двадцать три. Но может быть, двадцать четыре или двадцать пять. Вряд ли больше, чем тридцать.

– Сколько ты вешишь? Каков твой рост?

– Ох-ох-ох...

Аннет поднялась с кровати и заметалась по комнате.

– Что же ты такие вопросы ставишь! Я же могу соврать, и ты обидишься, а я не хочу тебя обижать. Я хорошо себя веду, я не хочу про-це-дуру. Сколько же я вешу?..

– Аннет, успокойся, милая, я не обижусь на тебя. Просто скажи, сколько в тебе фунтов и сколько футов. Тебе платье шили когда-нибудь? Снимали мерку? Сколько дюймов было в груди и в талии?

Вместо того, чтобы успокоиться, Аннет запричитала еще громче и еще быстрее заметалась по комнате.

– Боги святые! Дюймов... футов... фунтов... помилуй меня! Я – Аннет, мне двадцать три года... или двадцать четыре. Платье мне шили... ну, обычное платье, не большое и не маленькое. Не было в нем дюймов...

– Оставьте ее, миледи, – шепнула Карен. – Это безнадежно.

От ее слов и Дороти, и Аннет разом утихли, но Аннет продолжала вышагивать по комнате, и Дороти осенило:

– Милая, пройдишь из угла в угол. Сколько шагов?

– Десять! – радостно выпалила Аннет. Уж это она сосчитала точно.

– А вдоль стены?

– Восемь... с кусочком.

– А вдоль другой?

– Пять... кажется. Кровать мешает. Хочешь, я по кровати пройду?..

Еще полчаса Дороти затратила, чтобы обмерить шагами все предметы в комнате: кровати, дверь, окно, расстояние от двери до ведра с нечистотами, промежутки между кроватями. Прекрасные числа! Каждое имеет значение и ни одно не известно Нави!

А утром пришел ужас: она забыла все. Дырявая, как решето, память не сберегла ни одного числа. И перемерять комнату заново было некогда: медбратья подняли ее, велели вынести ведро, а потом увели на завтрак.

Часом позже Дороти села на свое место возле Нави, изо всех сил сутулясь, будто пытаясь скрыться от него. Но где там!

– Здравствуй! Я так рад, что ты пришла! Скажи мне число, чтобы утро стало добрым!

И она, чуть не плача, застонала в ответ:

– Да чтоб тебе язык отсох, подлец! Ты хоть знаешь, как меня измучил? Я ради тебя полночи не спала, выдумывала числа, вспоминала, измеряла, соседок пытала. А теперь все забыла – все! И это из-за тебя! Если б ты меня не изводил каждый день, может, что-то держалось бы в памяти. Так нет, все мысли из меня вытравил, кроме своих проклятых чисел!

Она перевела дух и вдруг вспомнила одно:

– Двадцать три.

Нави моргнул.

– Как любопытно... Спасибо тебе, вкусное число.

Он умолк на полчаса. Дороти писала третью главу «Розы и смерти» и лихорадочно вспоминала: что еще было? Вроде, комнату измеряли шагами. А сколько получилось? Аннет прошла и назвала число... но какое?

– Скажи число, – проголодался Нави. Именно тогда Дороти вспомнила первый размер:

– Десять.

Нави не ответил ничего. Было заметно его беспокойство – Нави будто не знал, правильное число или нет. Надо вспомнить остальные. Может, вкупе с ними он скушает и десятку. Дороти отложила перо и двумя пальцами прошагала по странице, пытаясь вспомнить ходьбу Аннет. Сколько ж там шагов выходило...

– Пять, – робко шепнула Дороти.

Тут же отругала себя: глупое число. Слишком оно частое – например, пять пальцев на руке или пять правителей в Шиммери. Кто-то уже точно скормил безумцу эту цифру. Однако Нави промолчал. Он не насытился, но и не отверг число – ждал продолжения.

Спустя четверть часа Дороти вспомнила третий размер:

– Восемь!

– Так быть не может, – отрезал Нави. – Пожалуйста, не обманывай меня, скажи правильно.

– Палач ты бессердечный! Ну откуда знаешь, правильное оно или...

Дороти осеклась, когда поняла: Нави прав. Там было не

ровно восемь шагов, а...

– Восемь с кусочком.

Нави улыбнулся:

– Я думаю, восемь и шестьдесят шесть сотых. Спасибо тебе. Ты хорошая.

Он молчал целый час. Дороти выводила слащавые строки романа, перо уверенно шуршало по бумаге, а сама думала: откуда он знает, какой именно был кусочек? Вечером надо перемерять. Нет, глупо, шаги не считаешь до сотых долей... Но если бы можно было, то наверняка вышло бы именно восемь и шестьдесят шесть. Нави – чокнутый безумец с ураганом вместо мозга, но уж в числах он знает толк.

– Скажи число, ну пожалуйста!

– Тьма тебя! Что, снова?

– Уже час прошел... – глазенки юноши стали круглыми и виноватыми.

Дороти глубоко вздохнула. Она сумела вспомнить еще только одно число, и проку от него не будет. Это шестерка леди Карен, сама леди Карен точно когда-то называла ее.

Дороти выдохнула, заранее кривясь от безнадеги:

– Шесть.

– Неправильное... – начал Нави, но умолк. Внимательно так поглядел ей в лицо. – Очень интересно. Кто тебе сказал это число?

– Шесть! – твердо повторила Дороти. – Хочешь бери, а хочешь нет, но отчитываться я не стану.

– Шесть... Благодарю тебя.

И он промолчал еще полчаса, а она переписала без малого страницу, и мастер Густав отзвонил перерыв, и тогда Нави сказал:

– Дай мне еще число, будь так добра.

– Перерыв же! – возмутилась Дороти.

– У тебя сегодня отличные числа. Очень вкусные. Пожалуйста, что тебе стоит!..

Дороти ощутила в себе странный задор и сделала то, чего не делала прежде: подшутила над Нави.

– Семь!

В семерке точно не было смысла. Просто сегодня звучало уже пять, шесть и восемь, вот Дороти и заткнула дыру. Посмотрим, заметит ли Нави, что скушал затычку!

– Зачем ты меня обманываешь? Число же неправильное, – буркнул Нави.

Но вдруг изменился в лице. Он смотрел на нее, она – на него. Гримаска обиды сползла с лица юноши, уступив место удивлению, затем – потрясению. Глядя в лицо Нави, как в зеркало, Дороти ощутила нечто. Тьма сожри, а ведь семерка – правильное число! Теперь это ясно, как день. Семь – число сильное, даже могучее. Многие смеются над семеркой: вот восемь – священная цифра, а семь – недоделка, недолет. Но они не понимают, а Дороти знает теперь: семь – это сила. Пока число звучало в голове, Дороти наполнялась давным-давно забытым чувством: гордостью.

- Семь, – властно повторила она.
- Семь, – эхом шепнул Нави.
- Сегодня ты больше не спросишь ни о чем.
- Да, обещаю.

То был первый случай, когда Нави сдержал слово. До вечера он молчал, и лишь напоследок уважительно повторил:

– Семь.

Вернувшись в комнату, она приказала Аннет пройти вдоль стены. Длина комнаты составляла восемь целых и две трети шага.

* * *

Следующим днем Дороти нашла еще три правильных числа: сорок восемь, двенадцать тысяч, четыре. Четверка была слабее остальных двух, но даже в ней чувствовалась скрытая сила. Эти числа имели вес, от них просто так не отмахнешься, не выкинешь из головы. Но семь по-прежнему оставалось самым властным из правильных чисел. Думая о нем, Дороти поражалась: как могла она прежде не чувствовать его мощи?

Вечером она спросила у Карен-Кейтлин:

- Что значит число семь?
- Не имею представления, миледи. Это ваше число.
- А твое – шесть. Что оно значит?

Дороти видела, как потемнело лицо Карен.

– Ничего. Оставьте меня.

– Ты знаешь больше, чем говоришь.

Сказав эти слова, Дороти ощутила не столько обиду, сколько удивление. Она ждала, что Карен ответит честно. Дороти заслуживает честного ответа, ведь ее число – семь!

Станным образом семерка сообщала ей веру в собственные права, возможность требовать и настаивать.

Следующим днем Нави пристал к ней: «Скажи число!» – и Дороти отрезала:

– Нет, сначала ты мне скажи. Как тебя зовут?

Он опешил:

– Я – Нави.

– Это не имя. Ни одна мама не додумается так назвать ребенка.

– Я – Нави!

– А дальше? Имя матери, имя отца?

– Я – Нави...

– Тогда не видать тебе числа.

Его губы тут же капризно скривились:

– Скажи число, ну пожалуйста!

– Нет.

Она обмакнула перо и принялась писать.

– Скажи! Ну скажи же!..

Дороти не обратила на него внимания. Оказалось, это просто: достаточно думать о семерке. Нави повторил просьбу раз десять, а потом завыл по-собачьи и выронил перо. Подбежал мастер Густав:

– Что происходит, тьма бы вас?

– Я делаю свое дело, – сказала Дороти. – Он – нет.

– Она не дает число! Она не хочет, она плохая!

Густав обратился к Дороти:

– Скажи ему чертово число, пусть он умолкнет и пишет чертову книгу.

– С ним и говорите, мастер Густав. Его беда, что он не пишет.

Густав взял ее за подбородок:

– Послушай-ка, барышня. У Нави в голове нет ничего, кроме цифр и дохлой мухи. С ним говорить – все равно, что косить траву ложкой. У тебя сохранилась еще кроха мозгов, ты хоть что-нибудь можешь понять, потому дай ему чертово число, или выкину тебя из мастерской!

В этот раз ее мятеж провалился, но Дороти знала, что была близка к успеху. Она ощущала в себе новую силу.

– Хочешь число? Ну, получай: сто шестьдесят три с половиной тысячи квадратных.

– Ты дура? – бросил Густав. – Каких к черту квадратов?

Но она знала откуда-то, что данное число будет правильным только так, с прибавкой «квадратных». И попала в точку. Нави просиял, сказал: «Спасибо, преогромное спасибо!» – и промолчал больше часа.

Когда он снова раскрыл рот, Дороти поставила условие:

– Вот как мы с тобой будем. Хочешь число – скажи о себе. Из какого ты города?

– Из... Алеридана.

– Лжешь.

– Из Фаунтерры.

– Нет.

– Из Уэймара.

– Чушь!

– Почему ты думаешь, что вру? Может, и не вру совсем...

– Я слышу, что ты сам себе не веришь. Откуда ты? Скажи

честно, или никаких чисел.

У Нави задрожали губы.

– Я... не знаю.

– То есть как – не знаешь? А сколько тебе лет?

– Двадцать... восемнадцать... не знаю.

– Что ты врешь-то!

Тут Дороти подумала о себе: а сколько лет ей самой? Вроде, тридцать семь. Но это число она вспоминала долго, мучительно, вытаскивала из густого тумана. А родной город? Да, Маренго, но ведь не сама она это вспомнила, магистр Маллин намекнул...

– Я поняла, – воскликнула Дороти, – ты не врешь, тебе отшибло память!

Юноша моргнул, в глазах показались слезы.

– Не обижайся, я же не знала. Правда ничего не помнишь? Хоть родителей-то?..

– Ничего...

– А что случилось с тобой – помнишь? Как исчезла па-

мять? Ты упал откуда-то? По голове ударили?

– Ну не помню я... Скажи число, пожалуйста...

– Так и быть. Число – семнадцать семьдесят четыре.

– Спасибо, – он шмыгнул носом. – Ты хорошая.

На следующий день Дороти вызвал магистр Маллин. Он, как обычно, пил. В этот раз – пахучий густой напиток цвета дубовой коры. Ханти старого Гримсдейла, – каким-то образом поняла Дороти. Если бы эти слова были числом, оно оказалось бы правильным.

– Дороти Слай, я рад всем новостям, которые о тебе слышу! – магистр всплеснул руками. – Ты решительно шагаешь по пути исцеления. Вне всяких сомнений, ты сегодняшняя лучше тебя вчерашней.

Дороти оробела от столь внезапной похвалы.

– Магистр, но я очень редко выполняю дневную норму. Мастер Густав часто недоволен мною...

– Пхе! Мастер Густав – ремесленник с грязными ногтями, он только и может думать про работу. Но мы с тобой должны понимать: работа – всего лишь средство для исцеления. Ты находишься в обители любви и заботы, и наша с тобой главная цель – победа над хворью. К этой цели мы стремительно приближаемся.

– Да, магистр.

– Ответь-ка мне: ты больше не видишь кошмаров?

– Нет, магистр.

– Не чувствуешь беспричинного гнева, не хочешь кричать и нападать на людей?

– Ни в коем случае!

– Больше не путаешься в том, кто ты?

– Я – Дороти Слай из города Маренго, кузина гвардейского майора. Правда, я очень плохо помню своих родителей...

– Это не беда. Хворь еще не побеждена до конца, потому болезненный туман еще витает в твоем сознании. Когда она окончательно отступит, ты вспомнишь все, что нужно.

– Да, магистр.

Он задал еще ряд вопросов, чтобы убедиться, что Дороти уверена в своей личности и всецело принимает любовь и заботу, изливаемые на нее лекарями. Ее ответы оставили Маллину совершенно удовлетворенным.

Когда он собрался ее выпроводить, Дороти набралась смелости и спросила сама:

– Магистр, скажите, чем болен Нави?

Он сразу нахмурился:

– Тебе ни к чему это знать. Тебе бы понравилось, если бы все вокруг болтали о твоей болезни?

– Магистр, это очень нужно мне для душевной гармонии и для новых шагов по пути исцеления. Нави мне сильно досажает, тяжело справляться с раздражением, так и хочется стукнуть его. А если я пойму, насколько сильно он болен, то не буду злиться: ведь это не Нави виноват, а его хворь.

– Что ж, ты разумно обосновала свою потребность, и это

заслуживает награды. Я отвечу тебе. Нави страдает тяжелой асимметрией рассудка. Все умственные силы, данные ему богами, затрачиваются на работу с числами: на их запоминание, складывание, вычитание, деление. Асимметрия также помогает ему очень быстро и красиво выписывать буквы: наверное, его хворому рассудку буквы напоминают цифры. Но на остальные размышления, привычные здоровому человеку, его умственных сил не хватает. Потому Нави не может ни вспомнить свою семью, ни поддержать успешную беседу, ни даже хранить молчание, занимая себя собственными мыслями.

– Вот как... Спасибо вам, магистр. А Нави быстро идет по пути исцеления?

Маллин рассмеялся:

– Скорее улитка переползет базарную площадь, чем Нави придет к избавлению от хвори. Нет никакой надежды на его выздоровление. В отличие от тебя, Дороти, Нави никогда не познает радости трезвомыслия.

– А он уже давно тут?

– На моей памяти восемь лет... Хотя решительно не понимаю, зачем это тебе нужно.

– Благодарю, магистр.

Восемь лет. Число потрясло ее. На взгляд, Нави не дашь больше восемнадцати. Значит, он захворал и угодил в лечебницу десятилетним мальчиком! На своем коротком веку не знал ни женщин, ни любви, ни свободы, ни странствий. Ни-

чего, кроме процедур и стен писчего цеха!

Не желая верить подобному кошмару, Дороти за ужином спросила Карен:

– Миледи, сколько лет здесь находится Нави?

Женщина выронила ложку и устремила на Дороти внимательный взгляд:

– Почему вы назвали меня миледи?

– Вы так зовете меня. Я подумала, вам будет приятно.

Карен долго молчала, будто вовсе забыв о Дороти. Когда та уже устала ждать ответа, Карен вдруг сказала:

– Десять лет, миледи.

– Магистр Маллин сказал – восемь.

– Магистр Маллин прибыл восемь лет назад, это верно. А Нави появился за две зимы до него.

– О, боги! Бедняга хворает с самого детства!

Карен-Кейтлин снова выдержала долгую паузу.

– Когда Нави прибыл, миледи, он не выглядел ребенком.

Ему было лет шестнадцать или восемнадцать.

– Миледи, вы ошибаетесь! Это сейчас ему не то шестнадцать, не то восемнадцать!

– Вы правы, миледи, сейчас тоже. За все время, что я его знаю, Нави ничуть не изменился.

– Как это может быть?!

Но Карен уже потеряла желание беседовать, а в трапезную вошел лекарь Финджер для вечерней молитвы богам терапии. Голоса безумцев зашумели хором:

– Что нас терзает?

– Душевный недуг!

– Что мы делаем?!

– Идем к исцелению!

– Где мы находимся?

– В обители заботы! Там, где нас любят и принимают!

Перед сном Дороти вновь попыталась расспросить соседку:

– Не может быть, миледи. Нави не изменился за десять лет – как это возможно? Вероятно, вы ошиблись со сроком! Не десять лет, а года два или три.

– Десять лет и два месяца, если быть точной.

– Верно, вы путаете!

– Нет, миледи.

– Но вас же иногда подводит память. Я спросила: что значит шесть? Вы не вспомнили. Может, и с десятию годами то же самое?

Карен холодно осведомилась:

– А сколько лет здесь вы, миледи?

– Я-то?..

Дороти опешила.

– Наверное, полгода... Нет, год... Или... Миледи, почему вы спрашиваете?

– Вы прибыли минувшим декабрем. Сейчас апрель. Вы провели в лечебнице неполных четыре месяца, за которые успели утратить память, забыть все на свете и стать послуш-

ной овцой. А я здесь восемнадцать лет. Я помню каждый месяц и каждый день. Помню, кто привез меня сюда и почему, и по чьему приказу. Помню, тьма сожри, какая стояла погода первым днем, какое платье было на мне, какие слова я услышала. Память – единственное, что осталось. Не смейте думать, будто я могла что-нибудь забыть!

Дороти уставилась на нее, потрясенная обвинением, а еще больше – силою чувств в словах Карен. Это было так, словно хладный мертвец скинул крышку гроба, вскочил и зарыдал от боли.

– Простите, миледи, – выдохнула Дороти.

– Вы ничего не знаете, – с презрением бросила Карен и рухнула на постель, истощенная, измученная своею вспышкой.

Этой ночью Дороти увидела кошмар – первый за несколько недель. К счастью, на сей раз она сразу поняла, что видит сон, однако не смогла заставить себя проснуться. Огромная рука в перчатке цвета ртути обхватила ее вокруг живота, подняла над землей и сжала. Что-то зашевелилось внутри Дороти, ноги сами собою раздвинулись, чулки порвались, и из ее лона наземь выпала кукла. Стальная рука отбросила Дороти и подняла игрушку. Кукла изображала рыжую девушку в зеленом платье. Одним щелчком пальцев рука отломала кукле голову.

Дороти проснулась в поту. Кошмар напомнил ей прежние

жуткие видения: море из щупалец, человеческие торсы на колесах, трупы с пришитыми лицами. Она взмолилась беззвучно: нет, пожалуйста, не нужно этого снова! Не хочу думать, не хочу вспоминать! Я на пути исцеления, у меня все хорошо, магистр меня хвалит. Я – Дороти Слай из Маренго. Я уверена в этом!

В писчем цеху Нави жадно накинулся на нее. Дороти метала ему числа, как кости. Сегодня это выходило очень легко. Один и семь десятых миллиона. Четыреста пятьдесят пять миль. Тринадцать. Да, тринадцать. Неважно, что число общеизвестное, – сегодня оно подойдет. Двадцать два фута. Она даже знала смысл последнего числа: это самая мелкая точка фарватера некой реки. Если осадка судна превышает двадцать два, надо разгрузить его и пройти порожняком. Не знаю, откуда я знаю это. Не хочу знать.

Или хочу?..

За обедом Дороти подсела к Карен.

– Миледи, простите меня. Вчера я поступила недостойно, не поверив вашим словам.

– Да, миледи, – равнодушно бросила Карен, срезая верхушку яйца.

– Прошу вас: скажите, чего я не помню.

– Вам этого не нужно, миледи.

– Я хочу знать.

Карен качнула головой:

– Нет.

– Миледи, думается, это мне следует решать, а не вам.

– Но вы не знаете, о чем просите.

Карен повернулась к ней и сделала то, чего никак нельзя было ожидать: погладила Дороти по волосам. Костлявые пальцы скользнули с головы на шею, коснулись ключицы.

– Вы красивы и здоровы, миледи. Полагаю, проживете здесь еще десять или двадцать лет. Каждый день вы будете мучиться из-за своих воспоминаний. Я не возьму эту вину на себя.

– Десять или двадцать лет? Миледи, вы шутите! Я иду по пути исцеления и почти достигла гармонии! Скоро вылечусь и вернусь домой!

– Да, миледи, – смиренно кивнула Карен. – Я вижу, как ваш недуг отступает.

Карен-Кейтлин взяла ложечку, чтобы вынуть желток из яйца. Она была иссиня бледна, болезненно худа. Дороти с ужасом подумала: это не человек, а труп ест яйцо, которое все равно не сможет переварить. Ест по привычке, поскольку при жизни так делал. До смерти это была красивая женщина, ее любили, ее целовали, носили на руках. Она одевалась в кружева, танцевала на балах, пила кофе из фарфоровых чашечек... Она умерла, ее нутро съели черви, а глаза склевали вороны. Но она все еще может говорить!

Дороти отпрянула, бросив истлевшую Карен, вернулась к живому и теплому Нави. Сказала себе: меня не касаются мысли мертвеца. Я иду путем исцеления и скоро совсем вы-

здоровею. Что бы ни сказала Карен – это неправда, это нашептали черви, живущие в ее голове. Ничего не хочу знать.

Кроме одного.

– Нави, скажи мне, что значит число семь?

– Это твое число.

– Да. Но ты его принял, значит, оно правильное. Ты понял его смысл. Скажи его.

Нави пожевал губы.

– Н-не знаю, Дороти. Н-не понимаю. Я забыл.

– Не верю. Что значит семь?

– Скажи мне число.

– Ответь на вопрос.

– Я же сказал: не могу, не помню, не знаю! Я болен, у меня хворь! Скажи число, ну пожалуйста!

Дороти взвесила цифры, как камень перед броском:

– Десять лет... и два месяца.

Нави побледнел.

– Это мое число.

– Вот видишь: все ты помнишь, воробушек. Так ответь на мой вопрос!

– Нет, пожалуйста!

Дороти знала, что делать. Еще бы: она несколько раз назвала вслух свое главное число, сила пульсировала в жилах.

Пока мастер Густав проверял работу переписчиков, она украдала с его стола чистый лист и обломок карандаша. Ночью забралась на подоконник и под лучами лунного света стол-

биком записала алфавит. Рядом с каждой буквой проставила ее номер. Собрала из номеров нужную фразу и выучила наизусть. Клочок бумаги с алфавитом спрятала за манжету.

– Скажи мне... – начал утром Нави.

– Я скажу тебе число. Много чисел. Раз так любишь числа – я буду говорить на твоём языке. Двадцать пять – двадцать – шестнадцать – девять – пятнадцать...

«Ч – т – о – з – н – а – ч – и – т – с – е – м – ь».

Нави поморгал, потер собственные уши. Кажется, не сразу поверил услышанному. Потом свел брови к переносице, совершая какой-то мучительный выбор.

– Хорошо. Только не злись на меня, пожалуйста. Семнадцать – восемнадцать – один – четырнадцать...

Монета – 4

Конец марта 1775 г. от Сошествия

Мелисон, Лаэм (королевство Шиммери)

– Давай улетим, – сказала Низа.

После ужина сидела на балконе, смотрела на скалы в розовом свете закатного солнца, слушала хармоново тревожное молчание (а молчал он о том, как не хочется, как, тьма сожри, не хочется иметь во врагах Второго из Пяти) – и вдруг сказала так, будто этими словами дается ответ на все возможные вопросы:

– Давай улетим.

Хармон подождал, не будет ли продолжения. Его не было, и Хармон запоздало хохотнул.

– И куда ж мы полетим, а?

– Куда-нибудь, – сказал Низа.

– А чем мы там займемся?

– Чем-нибудь.

Он снова подождал – не засмеется ли девушка. Нет, она в своих словах ничего смешного не видела.

– Ха-ха, – осклабился Хармон. – Это ты прекрасно выдумала – куда-нибудь, чем-нибудь. Завидую я вам, молодым!

– Что я сказала не так? – ошетибилась Низа.

– Да то, что думать надо наперед! Сначала думать – потом делать, а не наоборот. Сбежим мы отсюда – наживем сильного врага. А у меня, чтобы ты знала, и в Южном Пути враги имеются. Значит, ни Южный Путь, ни Шиммери нам не подходят. В Литленде война, в Рейс тоже нельзя – сама догадайся, почему. Этак мы еще в воздух не поднялись, а треть Полариса уже вычеркнули.

– Осталось две трети, – сказала Низа.

– Потом, как туда долететь? Это ж не просто – взлетел и пошел. Надо каждый день садиться, ждать ветра, пополнять запасы. А где садиться, чтобы ни бандитам, ни шаванам, ни Второму в лапы не попасть?

– Сверху далеко видно. Найдем место.

– А когда прилетим туда, куда ты хочешь, – на что там

жить будем? За поместье много не выручишь, если продавать в спешке. Небесный корабль никто кроме Второго не купит. Вот и будут только те деньги, что у меня накоплены, а их осталось всего-то...

Осталось их тысяча двести эфесов, и Хармон вовремя сообразил не называть сумму вслух. Сумма эта в двести сорок раз превышает цену самой Низы. Не стоит обозначать ее словом «всего-то».

– ...не так уж много. На пару лет хватит, а там и все. Как жить, спрашивается?

– Проживем, не пропадем.

– Вот молодежь!.. Ну, и куда же ты хочешь податься?

– Говорят, в Альмере неплохо. И в Короне тоже.

– В Короне теперь Ориджины, они твои враги.

– Не знаю. Они мне вреда не причиняли.

Хармон всплеснул ладонями:

– Вот же святая беспечность! Знала бы, как я тебе завидую. Взять вот так и бросить все, ни о чем не думая...

– Что – все? – спросила Низа.

– Ты о чем?

– Что ты не можешь бросить, славный?

– Да говорю же – все!

– Ну что – все?

– Тьма тебя сожри, сама что ли не понимаешь? Поместье – раз. Деньги за шар – два. Саму жизнь – три. Все только наладилось, устроилось – как тут, понимаешь...

Низа отвлеклась от заходящего солнца и цепким взглядом впиалась в лицо Хармона.

– Славный, я тебя полгода знаю. Ты многое имеешь, но я не замечала, чтобы ты хоть что-нибудь ценил.

– Вот это придумала!..

Низа смотрела с полной уверенностью, и слова застряли в горле Хармона. Он стал мысленно перебирать. Чертов шар ценю! Нет, не ценю, купил для Низы и для денег. Тогда – ценю Низу. Да нет, тоже не очень, если разобраться. Приятно об нее самолюбие потешить, но чтоб ее саму, как человека... Только дважды вспыхивала искра – когда поссорились и когда шар сорвался. В остальное время – холодно. Тогда – деньги ценю. Я торговец, тьма сожри! Как мне не ценить монету?.. С ужасом Хармон понял, что и здесь промашка. Это раньше он деньги ценил. Прежде за две тысячи эфесов продал бы что угодно не задумываясь – и шар, и Низу, и мать родную! А теперь сомневается вот, колеблется. Нет уже той беззаветной любви к деньгам, и без нее – пусто и страшно. Если даже не деньги, то что же ты любишь, Хармон Паула?!

Всего только одной вещью он точно дорожил – но о той вещи Низа не знала. Ответить было нечего.

– Хм... Я, знаешь, ну... А сама ты что ценишь?

– Имеешь коня и седло – имеешь все. Так в Степи говорят. Значит: если ты свободен и можешь скакать верхом, то все найдешь, что нужно.

– Вот прямо все?..

– Я не понимаю тебя, славный. И других южных богачей – тоже. Деньги нужны для свободы. Чем больше денег – тем больше ты можешь. Но если тебя монета приковала к земле – зачем она нужна?

Это было очень много слов по меркам Низы. Она уже сказала больше, чем за иную неделю. Но видно так была важна тема, что Низа добавила еще:

– Боюсь, славный, Дух Степи тебя проклял. Ты не видишь ценности того, чем владеешь, а когда увидишь – будет поздно. В твоём стойле стоит небесный конь. Ни у кого в целом свете такого нет. Взлетай и лети куда хочешь, над горами и реками, над степью и морем. Ни Моран Степной Огонь, ни шиммерийский принц, ни герцог северян, ни владычица – никто так не может, только ты! И я, если позволишь. А ты эту свободу хочешь сменять на золото! Знаешь, почему тот маркиз не торговался с тобой? Да потому, что он зрячий, а ты слеп.

Она яростно сверкнула глазами – и вдруг сникла, осунулась, будто монолог и чувство истощили ее. Пролетела:

– Прости, славный...

Поднялась.

– Постой! – бросил Хармон.

Но не нашел, что еще сказать. Не дождавшись его слов, Низа ушла.

Хармон Паула напросился на обед к бургомистру Корнелию с единственной целью: расспросить о Втором из Пяти. Не грубо, но настойчиво он повернул разговор в нужное русло: что это за граф-аббат, насколько он влиятелен вообще в Шиммери и конкретно в Мелисоне? Уж простите мне глупые вопросы, просветите приезжего невежу. Обрадованный величиною своих познаний и возможностью их высказать, Корнелий начал издали – сперва рассказал про Совет Пяти.

Шиммерийское дворянство славится плодовитостью и с огромной охотой устраивает будущее своих детей путем брачных договоров. За пару веков получилось так, что вся высшая знать породнилась между собой, и в каждой вельможной семье присутствовал хотя бы один родич короля. Каждая семья могла попробовать учинить переворот в свою пользу – что неоднократно и делала. В начале восемнадцатого века за десять лет сменилось семь королей, и тогда знать решила: довольно. Все-таки первая мечта шиммерийцев – богатство, а для торговых успехов нужна стабильная власть. Пять сильнейших родов договорились меж собою: первый из них займет престол, остальные не будут претендовать на него, зато получают право голоса в важнейших государственных вопросах. Король обязан учитывать мнение совета и уступать, если большинство против него. Совет обязан ува-

жать королевскую власть, кто уличен в заговоре, тот покидает совет. Так и возник Совет Пяти.

Исторически сложилось так, что каждый род, входящий в Совет, более других преуспевал в одном деле: Первый из Пяти – в зодчестве и наемном воинстве, Второй – в торговле чаем, Третий – в виноделии, Четвертый – в шелке, Пятый – в кораблестроении. Помимо того, каждый из Пяти владел шахтами, где добываются искровые очи, и, что особенно важно, секретом их огранки. Кроме Пяти, многие вельможи выращивали чай, торговали шелком, строили корабли, возводили дворцы, собирали наемничьи бригады, – но никто, кроме Пяти, не мог добывать и гранить очи. Эту монополию Совет Пяти берег особенно свято. А к слову сказать, огранка – главное, что есть в очах. Не сказочно сложно найти сырое око в горных породах, но огранить его так, чтобы годилось для оружия, – это великое мастерство!

Титул Первого из Пяти носит законный правитель Шиммери. Во времена владыки Телуриана Первым был король Франциск-Илиан. Ох и славно он правил! Солнечное королевство и прежде не бедствовало, а при Франциск-Илиане буквально потонуло в достатке. Мастер Корнелий помнил, как на собрании гильдии виноделов решено было повысить цены на треть, а год спустя – еще на треть, и продажи от этого все равно не упали. Столько денег пришло в Лаэм, что горожане почти отучились торговаться! И все благодаря Франциск-Илиану. Потом король удалился в святое отшель-

ничество, а власть передал принцу. Гектор тоже справлялся недурно, пока не позволил шаванам себя побить. Печаль и позор! Говорят, Степной Огонь применил идовскую хитрость. Чтобы обмануть Гектора, принес в жертву двух своих лучших всадников. Да, именно в жертву. Отрубил им головы и нагой искупался в их крови, тогда Темный Идо дал ему победить. Вот такие эти шаваны. Ты, славный Хорам, будь осторожен со своею Низой. Я понимаю, коль уплатил за нее цену, то жалко теперь прогнать, но все ж остерегайся, мой тебе совет.

Хармон внес поправку в ход беседы:

– А что вы, мастер Корнелий, скажете о Втором из Пяти?

Бургомистр на глазах расцвел. Историю графа Куиндара, Второго из Пяти, знал всякий образованный человек в Шиммери, – кроме Хармона. Как говорилось выше, знатнейшие семьи ревностно хранят секрет огранки боевых очей. Каждый из Пяти выбирает одного из своих ближайших родичей, чтобы тот лично овладел секретом и мог присматривать за наемными мастерами. Даже одна из шестнадцати дочерей Франциск-Илиана умеет гранить искровые очи! Молодому лорду Куиндару выпала та же судьба. Он был третьим ребенком в семье и не мог унаследовать власть, потому овладел фамильным секретом и стал мастером-огранщиком. Но вышло так, что его старшая сестра нашла прекрасного жениха и укатила не то в Южный Путь, не то в Закатный Берег, а старший брат расстроил отца своим разгулом и был лишен

наследства. В итоге лорд-огранщик получил титул графа и стал Вторым из Пяти.

Он уделил мало внимания исконному делу семьи – чайным плантациям. Занялся тем, что было ему близко, – очами. Ездил в столицу, беседовал с владыкой Телурианом, описывал все возможные применения очей – не только в оружии, а и в двигателях, станках, и всякой другой машинерии. Добился того, что Корона на половину повысила закупки очей, и стал героем среди шиммерийской знати. Сам король Франциск-Илиан здоровался с ним за руку! Но где-то около Шутовского заговора – не то сразу после, не то ровно перед – случился поворот.

В землях Второго из Пяти находится чудо природы: Бездонный Провал. Это творение богов само по себе не принадлежит никому, но землями вокруг Провала владеют графы Куиндар, в том числе и тою скалой, на которой стоит Башня-Зуб – цитадель Максимиановского ордена. В башне над бездною прочно обосновался монастырь, а графы привыкли ему покровительствовать. Когда Куиндар унаследовал титул, аббат монастыря стал приглашать его в гости, чтобы отдать дань уважения. Но графу все выходил недосуг, больно он был занят искровыми делами. Лишь на четвертом году своего правления Второй из Пяти нашел время и посетил монастырь. То ли беседуя с аббатом, то ли читая священные тексты, то ли заглядывая в бездну, покрытую туманом, граф решил изменить свою жизнь. Он отправился в духовную се-

минарию и за четыре года получил сан святого отца. Он не ушел от власти, продолжал заседать в Совете Пяти и торговать очами, но сделался ближе к богам и стал лучше слышать их волю. Обитель-у-Бездны граф теперь посещал регулярно и осыпал ее щедрыми дарами, среди которых бывали даже Предметы. Когда почил настоятель, максимиановские братья единодушно избрали своим новым аббатом Второго из Пяти. Так мастер-огранщик стал сперва графом, затем богачом, а затем и святым.

Ничто из услышанного не порадовало Хармона Паулу. Граф Куиндар представлялся человеком умным, влиятельным и целеустремленным. Если он решил завладеть небесным кораблем – кто помешает?

– Скажите, мастер Корнелий, что вы знаете о Третьем из Пяти? Он же хозяин здешних мест, верно? Нет ли у него каких-нибудь конфликтов со Вторым?

Корнелий очень удивился. Какие конфликты, зачем? Вот с принцем Гектором у Третьего вышла ссора, это правда. Будучи сеньором виноделов, Третий из Пяти снабжал двор лучшими винами и водил с Гектором дружбу, построенную на почве любви к жизненным уладам. Но однажды его высочество позарился на лучшую альтиессу Третьего – и увел. С тех пор Третий из Пяти не раз посещал короля-пророка, уговаривал вернуться на престол и скинуть Гектора. А поскольку пророк отшельничал в Обители-у-Бездны – считай, в гостях у Второго, – то Второй с Третьим недурно поладили.

– То бишь, если Второй из Пяти решит покуролесить в землях Третьего, тот не станет препятствовать?

– Это вы имеете в виду что-нибудь, противное закону? И с чего бы члену Совета Пяти такое делать? А тем более, в чужих землях! Нет, славный, на сей счет будьте совершенно спокойны: если где-нибудь на Севере такое и делается, то у нас в Шиммери – никоим образом!

Хармон покинул дом бургомистра, чувствуя нечто противоположное совершенному покою. А на улице, к тому же, случился конфуз. Спеша сесть в экипаж, Хармон столкнулся с прохожим. То было странно, ведь в Мелисоне прохожих довольно мало, и передвигаются они неторопливо. Но этот возник будто из-под земли, и Хармон чуть не упал, врезавшись в крепкое плечо. Прохожий поддержал торговца:

– Осторожнее, славный. Берегите себя.

– Благодарю, – ответил Хармон и попытался сесть в бричку, но прохожий все еще сжимал его руку.

– Пришло время, славный. Я надеюсь, вы сделали выбор.

Хармон уставился на прохожего, и первой мыслью было: какого черта, рано еще! А второй: тьма сожри, он ведь не южанин. Светлая борода, блеклые глаза, жесткие скулы – все приметы человека, рожденного северней Дымной Дали.

– Извольте шутить? Кто вы такой?!

Прохожий поднял край рубахи, показался кинжал на поясе, а рядом с ним – мешочек вроде кошелька. Прохожий сунул туда руку и подал Хармону два треугольных клочка бу-

маги: белый и черный.

– Сообщите господину о вашем решении.

Хармона пробил холодный пот.

– Ваш господин – граф Куиндар? Передайте ему, что нужно больше времени. Я должен поговорить с ним лично – не с маркизом, а со Вторым из Пяти. В нашем деле есть политические нюансы, так ему и передайте!

Прохожий не раскрыл рта, только поднес бумажки ближе к лицу Хармона – белую и черную.

– Мне необходимо поговорить с графом! Ему следует узнать, кто я таков и откуда прибыл. Со мною связаны очень влиятельные люди!

– Выбирайте, – сказал северянин.

Хармон сглотнул.

– Не стану. Я не решил еще, слышите?!

– Ваше право, – равнодушно сказал прохожий и открыл перед Хармоном дверцу экипажа.

Торговец ничего не заметил. Лишь дома, сходя с брочки, увидел: откуда-то – из складок одежды, из щели дверцы – вылетел и упал наземь угольно-черный клоч бумаги.

* * *

– Друг Онорико, ты ведь знаешь всех в Шиммери, верно? Не сможешь ли устроить мне встречу с одним человеком?

– Мой славный друг и благодетель, ради тебя я устрою

встречу с кем угодно! Если бы Праматерь Мириам жила в Лаэм, я и к ней пришел бы со словами: «Темноокая, прими и выслушай славного Хорама Паулину, человека огромной и чистой души!»

– Мне нужен Второй из Пяти.

– Ууу... – архитектор счастья подергал себя за ус. – Боюсь, недопонимание вкралось между нами. Я знаю всех в Лаэме, но Второй из Пяти обитает в Пентаго, а там не знаю никого. Велика моя грусть, что вынужден отказать тебе.

– Не грусти, а крепко подумай! Ты знаком с толпой вельможного народу – авось кто-нибудь знает кого-нибудь, кто имеет выход на Второго.

Онорико сник на глазах.

– Сия дорога усеяна трудностями, как кладбище – костями. Видишь ли, славный, бесчисленные мои знакомцы и приятели делятся на тех, кого боги одарили большим достатком, и тех, кого обделили. Связи в среде высшей знати имеют первые. Но как раз у них-то, в виду их финансовой успешности, мне неоднократно случалось занимать.

Рико стал вслух перебирать видных лаэмцев, которые наверняка свели бы его со Вторым из Пяти, если б не злились из-за просроченных долгов.

– Я дам тебе денег, и ты вернешь какой-нибудь долг.

– Долг вернется, а злость останется... Эх, славный, сложна моя жизнь, как танец на палубе в шторм.

– А Ванесса-Лилит? Она же у тебя белокровная дворянка,

знакомы с видными светскими дамами. Может быть, она...

– Моя луна тоже гневается из-за денег, а точнее – из-за их отсутствия.

– Но ты немало монет подбросил ей, когда ездил в Лаэм. Рико изобразил непонимание, а затем удивление.

– Как ты мог подумать, славный! Ты поразил меня в самое сердце ядовитой стрелой! Каждая агаточка из твоих денег потрачена сугубо на нужды дела. Моя совесть...

– Оставь, – отмахнулся Хармон. – Не было бы у меня больше печали. Подумай и скажи: если Ванесса утихомирится, она сведет меня со Вторым?

Рико погрузился в самые глубины своей памяти. Время от времени он выныривал, бросал пару фраз о какой-нибудь знакомой жене, набирал воздуха в легкие и погружался вновь. Из десятого нырка он вынес жемчужину: кухня мужа старшей сестры Ванессы – наперсница некой вельможной леди из Пентаго. Имени леди Рико не вспомнил, как и имени наперсницы, но Пентаго – маленький город, там все вельможки отлично знакомы меж собою!

– Я дам тебе пятьдесят золотых... сто. Езжай к жене и умасти, как сможешь. Купи платьев, парфюмов, зонтик, карету. Забросай ее подарками, а когда она растает – отправляйтесь вместе в Пентаго. Найдите сестру, кухню, хоть святую прабабку – но добейтесь приема у Второго из Пяти.

С того мига, как прозвучало слово «сто», глаза Рико пылали вдохновением.

– Все сделаю самым блестящим образом, дорогой мой Хорам! Я куплю такие роскошные подарки, что Ванесса рухнет без памяти, а когда очнется – захочет дарить мне любовные ласки неделю без перерывов. Но едва ее губы коснутся моих, я строго скажу: «Это позже, луна моя, сейчас не время для страсти». Мы оседлаем горячих коней и помчимся напрямик в Пентаго, и не будем знать отдыха, пока Второй из Пяти не выслушает нас. Я клянусь тебе, славный: если Ванесса-Лилит желает, чтобы ее выслушали, то жертва уже никак не спасет свои уши от звуков голоса моей супруги!

Архитектор счастья перевел дух.

– Что сказать Второму?

– У тебя славно подвешен язык. Найди правильные слова, передай вот какой смысл. Пусть Второй из Пяти не обижается на меня, ибо между нами не обида, а недопонимание. Я не хотел отклонять его щедрое предложение, а только искал компромисса. Хочу сохранить для себя и Низы возможность хоть иногда летать по небу. Чтобы воплотить это желание, предлагаю следующее: пускай Второй возьмет меня на службу главным по небесному судостроительству. Если он желает строить корабли, то ему нужен помощник, который бы этим заведовал. Есть только два человека, знающих это дело: я и мастер Гортензий. Второй из Пяти наймет меня, а я найму Гортензия – и дело закрутится. Клянусь, я так все налажу, что каждый месяц будет взмывать новый шар. Флот Второго из Пяти покроет все небо, как облака. А я получу хорошее

прибыльное дело и перестану маяться от скуки, а Низа сможет летать, когда ей захочется. Все будут счастливы!

Онорико отвесил уважительный поклон.

– Скажу тебе как архитектор счастья: твой план, Хорам, – это подлинный дворец всеобщей радости. Главное – успеть осуществить его прежде, чем гнев Второго из Пяти перерастет в действие.

– Потому, друг мой, скачи прямо сейчас, без промедления!

И Хармон бросил на стол горку монет.

Рико умчался в Лаэм, сгорая от нетерпения, как молодой жеребец.

Хармон велел Гортензию так подготовить шар, чтобы можно было взлететь за кратчайшее время. Еще он подрядил четверку городских мальчишек поочередно следить за дорогой и немедленно сообщать о каждом чужаке. Затем спустился в подвал и раскрутил Светлую Сферу, и в божественном мерцании прочел: на сей раз он все сделал правильно.

Впрочем, Хармон был не настолько наивен, чтобы просто взять и поверить в успех будущих переговоров. Если Второй из Пяти так могуч, то он испытает соблазн не договариваться, а силой забрать небесный корабль. Нужно найти доводы, чтобы Второй вступил в мирный диалог с Хармоном и прислушался к просьбе. Лучшим доводом было бы спрятать

небесный корабль, чтобы никто, кроме Хармона, не мог его найти. Звучало смешно: ну как его спрячешь? Даже без газа внутри шар громаден, его не всунешь под кровать, не запихнешь в щель за комодом. Можно улететь на нем – но тогда все окрестные зеваки будут глазеть и легко укажут Второму направление. Да больше того: возможно, шпионы Второго из Пяти уже сейчас есть в Мелисоне. Как же спрятать шар?

Хармон расхохотался, когда понял ответ. Это было до смешного просто, но человек, непривычный к полетам, ни за что не догадается. Облачной ночью Хармон взял в помощь Гортензия и за каких-то полчаса укрыл небесный корабль в тайном месте.

Затем спросил изобретателя: не имеет ли тот родичей в каком-нибудь глухом селе? Гортензий вспомнил своих дядю с тетей, проживающих в одном городишке в Изеринском графстве – таком глухом и забытом богами, что Мелисон рядом с ним покажется блестящей столицей империи. Хармон приказал:

– Друг мой, езжай туда прямо сейчас, проведай престарелых родичей.

– Сейчас? – удивился Гортензий. – Среди ночи?..

– Это создаст тебе ряд неудобств, но поверь: такое дело, как встреча с родичами, не терпит отлагательств. Особенно если речь идет о людях пожилых. А чтобы ты испытывал искреннюю радость и мог озарить ею унылую жизнь дяди с тетей, я дам тебе десять золотых.

– Просто так?! – Гортензий выпучил глаза.

– Да. Не в счет шара, а просто за то, что ты без промедления выполнишь свой родственный долг. Только не забудь по дороге дважды сменить извозчика, и чтобы они друг друга не видели.

– Звучит так, славный Хорам, будто ты хочешь меня от кого-то спрятать. Говоря честно, мне от этого становится слегка не по себе.

Лучшая ложь – половина правды. Потому Хармон ответил так:

– Ты прав, Гортензий. Нынче на базаре я услышал скверные беседы, будто горожане решили расправиться с моею Низой. Ближайшими днями они могут наведаться в поместье и устроить бучу. Вот потому я забочусь о твоей безопасности и сохранности шара.

Гортензий солидно кивнул:

– Весьма здравые рассуждения, славный. Я полностью и всесторонне согласен с ними. Но как же ты и Низа? Не лучше ли вам тоже отправиться погостить к моим родичам? Они охотно примут вас, особенно если накинешь еще пару эфесов.

– Благодарю за гостеприимство, но я не оставляю поместье на поругание. Мы с Низой возьмем в руки арбалеты и дадим отпор всякому посягательству. А когда мелисонцы уймут свои хищные порывы – тогда я пошлю тебе весточку, и ты вернешься. И главное: никуда ни ногой из того городка. Я

ведь буду писать именно туда, и если мое письмо не найдет тебя – как получишь остаток оплаты за шар?

Существовал риск, что Гортензий решит остаться и помочь Хармону, но весьма малый. Тщательно все взвесив, изобретатель не стал спорить, а взял деньги и быстро укатил, еще и прихватил с собой студента, чтобы в дороге было не страшно.

Слуги уходили ночевать в город, так что Хармон остался в поместье вдвоем с Низой.

* * *

– Тысяча золотых, – сказал Меркос, пожевав слова.

Он был омерзителен: широкий, грубый, заросший настолько, что едва видны глаза; сквозь сальные волосы блестяли золотые серьги, в щербатом рту торчал золотой зуб. Меркос не был ни легендарным пиратом, ни прославленным пиратом, он был просто капитаном торгового судна с подозрительно вооруженной командой, носил на поясе саблю и кривой кинжал, а на плече – попугая. Вероятно, он мог подойти Могеру Бакли, но...

– Тысяча золотых.

– Тьма сожри! За эти деньги можно купить корабль!

Меркос пожевал слюну и сплюнул набок.

– Купи.

– Дело займет одну ночь. Одна чертова ночь стоит тысячу

эфесов?!

Попугай переступил с лапки на лапку, Меркос почесал ему грудь.

– Да.

– Ты думаешь, раз я приезжий, то меня можно обманывать как угодно. Но я не из тех, слышишь? Я знаю, что сколько стоит! Могу заплатить триста эфесов, и ни агаткой больше!

Бакли лгал. На деле, он не имел и трехсот. Леди Магда Лабелин выдала ему на розыски Хармона сто пятьдесят золотых, из коих теперь осталось немногим больше сотни.

Меркос щелкнул попугая, и тот хрипло хохотнул:

– Харррр. Харррр.

– Тысяча золотых, – сказал капитан.

– Будь ты проклят!

Бакли покинул комнату Меркоса, спустился на первый этаж трактира, где орали и пили моряки с золотыми серьгами в ушах, а оттуда вышел на улицу, в беснующийся пляшущий город.

Вчера в Золотую гавань вошла эскадра Магды Лабелин, и с тех пор празднества не прекращались ни на час. Взметались фейерверки, ревели слоны, музыканты терзали струны, певцы и торговцы надрывали глотки, горожане пили, плясали, тискали женщин – своих ли, чужих, кто здесь разберет. Подлинной причиной праздника была, конечно, не леди Магда – уродливая дочь униженного лорда. Дело в том, что для встречи с леди Магдой в Лаэм съехались первые вель-

можи королевства. Принц Гектор Шиммерийский покинул свой дворец и выехал в город – впервые после возвращения из Литленда. До сих пор заливал вином горечь поражения, а тут воспрял духом и показался на люди. Граф-винодел Огюст-Римар, Третий из Пяти, привел в Лаэм процессию блестящих всадников, за коими тянулась вереница телег с бочками отличного вина, и каждую восьмую из них горожанам отдали бесплатно. Четвертый из Пяти, царь шелка, явился с батальоном танцовщиц в самых ярких и пестрых одеждах, какие только может вытерпеть человеческий глаз. Слоны тоже были его. Слоны, тьма их сожри! С будками на спинах! Пятый из Пяти, владелец множества верфей, устроил морской парад. Белые паруса, алые паруса, серебряные, черные... Взгляни на море – не увидишь воды. Из пресловутого Совета Пяти только Второй не явился в Лаэм, но прислал своего вассала, некоего маркиза, который тоже чем-то блистал, чем-то дивил гостей, чем-то ублажал мещан... Расчет у всех у них был прост. При Северной Вспышке Лабелины бежали из своей столицы – наверняка с накопленным золотом. Прежний доход Лабелинов рухнул – нет больше монополии на торговлю с Севером. Значит, Лабелины будут искать новый источник дохода, значит, вложат свое золото во что-то. В корабли? Шелка? Вино?..

В торжествующем городе, предвкушающем богатство, Бакли кипел от злости. Все шло косо, криво, не так. Хармон должен был найтись быстрее, праздник – начаться поз-

же. Еще вчера утром за глаорию можно было купить любые сведения, если только человек владел ими. Теперь мещане воротили нос и от Бакли, и от глаории, и от любого серьезного разговора. Тут праздник, вино, пляски, женщины! Какой Хорам, кому он нужен? Ничего не помню, думать лень... Парни Могера честно трудились, не давая кутерьме сбить себя с дороги. Девять стерег северные ворота; Семь и Восемь рыскали по тракту, подсаживались к извозчикам – не вспомнит ли кто Онорико-Мейсора; Дейв продолжал шерстить алхимиков. Толку было – с козла молока. Никто не видел, не помнил, да и помнить не хотел.

А меж тем наступила пора идти на почту. По согласию с леди Магдой, в день ее прибытия Бакли оставил в почтовом ведомстве записку о своих успехах, а через сутки там же должен был получить ответ. Сутки миновали. В записке для «господина Мо» значилось: *«Явись во дворец принца. М.Л.»*.

Могер Бакли не любил дворцов, тем более – таких роскошных. Эти пальмы, фонтаны, колонны, скульптуры; этот полированный мрамор, что бьет по глазам, эти блистающие стражники, мимо которых страшно пройти. С каждым шагом вглубь дворца Бакли чувствовал себя все мельче и ничтожней. А тут еще длится проклятый праздник – шатаются вельможи с пьяными глазами, мечутся слуги, хохочут женщины; смердит благовониями, пролитым вином, потными телами. Бакли казался себе мышью на пиршестве котов. По-

ка стражники вели его к леди Магде, он твердил себе: «Но если я найду тысячу эфесов, и если Меркос справится с делом. Если я найду, если Меркос справится!..»

Приемным покоем леди Магды служил огромный зал под арочным потолком. Леди Магда возлежала в бассейне, облаченная в купальное платье. Двое здоровенных мужиков обмахивали ее опахалами, мышцы перекачивались на их голых торсах. Лабелиновские мечники остались у входа, Бакли один приблизился к бассейну.

– Здравствуй, крысеныш, – голос миледи звучал неопределенно. – Видал мой подарок?

Она плеснула водой на здоровяков.

– Можно ли при них говорить, прекрасная леди? – усомнился Могер.

– Они глухи и немы. И покорны, как старые кони. Оказалось, на рынке рабов встречается нечто поинтереснее плоскогрудых шаванок.

– Вам подарил их принц, миледи? Как вы им приказываете, если они глухи?

Миледи шлепнула по воде пухлой рукой.

– Бакли, будь добр, напомни-ка, в чем заключался твой план.

Его насторожило слово «твой». Будь план удачен, леди Магда звала бы его «мой» или «наш».

– Прекрасная леди, мы планировали скупить все излишки оружейных очей, накопленных шиммерийцами, и по де-

шевке распродать их всем, кто считает себя врагами северян. Натравить на Ориджина свору псов, вооруженных искрой, а заодно добиться обесценивания рыцарского сословия как такового. В результате проклятые нетопыри потеряют и репутацию, и много крови.

– Ага, ага... – леди Магда рассеянно болтала большим пальцем ноги, торчащим над водой. Это очень раздражало Бакли. – А каким образом ты собирался сэкономить миллион эфесов моего лорда-отца?

И снова – «ты».

– Мы собирались, прекрасная леди, устроить торги между пятью главными шиммерийцами. Толкнуть их на конкуренцию, сбить цену, купить только у того, кто запросит дешевле. Когда остальные будут кусать себе локти, подсунуть им идею продать очи напрямик врагам северян – тем же шаванам или приарху.

– Отличная придумка! Чертовски мудрая!

– Прекрасная леди... – Бакли растерянно поклонился.

– Крысеныш, пройди по залу, оглядись по сторонам. Здесь собраны все дары, которые я получила от шиммерийцев. Видишь амфоры с вином? Видишь чаши с благовониями? Видишь мраморных баб в шелках? Представь: скульптуры нарочно для того, чтобы показывать платья. А вон там стоит сундук с чаем. Сраный сундук со сраным чаем. А там – присмотришь, присмотришь – макет острова. С крохотным макетиком дворца на берегу. Принц Гектор готов продать мне чу-

десный остров по сходной цене. Раз уж столицу моих предков сожрал нетопырь, то мне нужно новое жилье, не правда ли? И рабы, да. Потребуется много рабов для ублажения моих прихотей, чтобы вечно купаться в удовольствиях и никогда... – она яростно ударила по воде, – никогда, никогда не думать о том, как нас поимел Ориджин!

– Я так сочувствую, миледи... – залепетал Бакли. Магда рывкнула:

– В задницу! Твое сочувствие и твой план! Четверо из Пяти шиммерийского совета уже заключили договора о продаже очей! В течение месяца очи будут отправлены – угадай, кому? Второй и Третий из Пяти продают свои запасы Фарвеям. А Первый и Четвертый – о, какая прелесть! – герцогу Ориджину! Герцогу сраному недоноску Ориджину!

Бакли выпучил глаза:

– Миледи, я не знал... Может, еще можно...

– Хрена лысого можно! Это не я говорю тебе, это мне сказал принц Гектор! Нет, он сказал три пуда сладостей, но смысл прост: хрена лысого вам, леди Магда! Меня поимела в зад орда шаванов, и я хочу дружить с великим воином, а не с неудачницей, которую тоже поимели в зад!

– Прекрасная леди...

Она подняла пухлую руку и сделала некий знак. Рабы бросили опახала и схватили Бакли.

– Ты спрашивал, как ими управлять. Вот как!

Леди Магда сделала новый знак. Могера швырнули на

край бассейна и вдавили голову в воду. Он забился и заметался, колотя руками, пуская пузыри. Безнадежно. Руки рабов были выкованы из бронзы. Бакли тонул, как котенок. Вода залила нос и глотку, хлынула в кишки и легкие. Он ослеп от смертного ужаса.

Потом ощутил удар по затылку и сумел сделать вдох. Перекатился на живот, закашлялся. Его стошнило водой с остатками обеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.